

A woman with long, dark, wavy hair is the central focus. She wears a black lace headband and a tiara with a large green gemstone. Her eyes are a striking light blue, and she has dark eye makeup. A black parrot is perched on her left shoulder. The background is dark and textured, possibly a stone wall. The overall mood is mysterious and gothic.

Кристина Денисенко

ГАРПИЯ

Одержимая мечта

В захудалом посёлке одним за другим происходят загадочные убийства. Всё началось с приезда молодого терапевта и его попутчицы — репетитора французского языка и математики, приглашенной в богатую семью женщиной, которую и хотела убить «гарпия». Что послужило причиной вереницы убийств? Кто пытался ввести следствие в заблуждение? Кому предназначался отравленный коньяк и конфеты? Учительница Дарья Леонардовна начинает своё расследование. Не боится ли она приведений, и сможет ли доказать, что «гарпия» это не она?

Кристина Денисенко

Гарпия. Одержимая мстью

Mieux vaut tard que jamais

Лучше поздно, чем никогда

Под стук колес за грязным стеклом мелькали едва позеленевшие ряды старых ветвистых акаций. Поезд незамедлительно несся через голые почерневшие от пожара степи, через поля зерновых, огражденные искусственными насаждениями, и казалось, что когда я сойду на конечной станции, то не увижу ничего кроме бескрайних просторов, сотканных из геометрических фигур, обрамленных акациями. Я знала, что еду в глушь — в богом забытый поселок с множеством заброшенных домов, откуда сбежали жильцы, как крысы с тонущего корабля, предчувствуя неминуемую опасность. Опасность носила экономический характер — истощение угольных пластов и, как следствие, закрытие шахты, служившей основным источником дохода местных мужчин.

Я — учитель математики и французского языка, и мне неплохо жилось в родном городе. Но по некоторым причинам личного характера я была вынуждена написать заявление на расчет, продать однокомнатную благоустроенную квартиру, окна которой смотрели на центральную площадь крупного города, и кардинально изменить свою жизнь, приняв одно очень заманчивое предложение, требующее переезда чуть ли не на край света.

Одним из действующих лиц, замешанных в невероятной истории, которую я собираюсь вам рассказать, стал мой попутчик. Его зовут — видимо его мама горячая любительница сериалов — Хосе Игнасио. Признаюсь, в первый раз это имя меня рассмешило, и я с легкой иронией слушала и рассматривала своего нового знакомого: светлые волнистые волосы; бесхитростное и оживленное лицо, как у школьника перед сдачей экзамена; крепкое тело. Он двигался с пластичностью гимнаста, неспешно, плавно, завораживая. Тихий голос, красивое очертание губ, бесподобные глаза — хоть пиши портрет на память.

Тогда я еще и подумать не могла, какие злоключения поджидали нас двоих и не только нас, но не буду забегать наперед, скажу лишь одно: страсти разыгрались не хуже, чем в мексиканском сериале, но признаний в любви было меньше, чем загадочных убийств. Самое обидное, что из меня хотели сделать козла (или козу!) отпущения, и мне пришлось приложить немало усилий, чтобы очистить своё имя и вычислить настоящего убийцу.

Хосе Игнасио держался сдержанно — ни намека на пошлость, никаких неприличных шуточек, слова подбирал внимательно и сразу произвёл впечатление серьезного молодого человека. В его глазах цвета ясного неба светился такой высокий интеллект, как заснеженные пики Эвереста в солнечных лучах. Это незабываемое зрелище: кому приходилось воочию видеть горные пейзажи, тот поймет, как я была поглощена взглядом своего спутника. Не думайте, что я влюбилась с первого взгляда. Нет! Хосе Игнасио на одиннадцать лет младше меня, и по началу я видела в нём лишь интересного собеседника, а поскольку волей судьбы нам довелось более суток скрашивать одиночество друг другу, то мы нашли немало тем для разговоров. Учитель и доктор! Какие темы мы только не обсуждали!

Ни один мужчина, даже если ему всего двадцать четыре и он все еще студент, даже если не думает о женитьбе, — не может совершенно не интересоваться противоположным полом и совсем не задавать некорректные вопросы, на которые при других обстоятельствах я бы и не отвечала, но с незнакомцами всегда так легко говорить, и я рассказала о себе всё, что на тот момент всплыло в моём сознании:

Меня зовут Даша — Оливина Дарья Леонардовна. Разведена, детей нет. Бывший муж не знаменитый и не известный во всем мире, но считал себя талантливым автором современной прозы. Опубликовал несколько книг за счет семейного капитала, но овчинка выделки не стоила — тысячи экземпляров громоздкими ящиками занимали место в коридоре, где могла бы стоять новая мебель вместо трухлявого стола, подаренного свекровью на свадьбу. Я не из богатых — родители живут в селе. Получить педагогическое образование мне удалось лишь благодаря стремлению учиться, а не, как часто бывает, крупным купюрам в зачетной книжке. Я люблю путешествовать, Флобера, Золя и стихи с неимоверно красивыми образами природы, проявлением любви и страсти, а главное, что я могла бы сказать о себе — я за верность, справедливость, против лжи, и будь моя воля, я бы не оставила безнаказанным никого, кто посягнул на чужую жизнь. Убийца должен быть наказан и никак иначе.

Если говорить о внешности, то не хочу вдаваться в подробности и в мельчайших деталях описывать ту жгучую брюнетку, которая смотрит на меня из зеркала своими карими немного удивленными глазами. Для вас будет вполне достаточно знать, что моё лицо имеет приятный овал, оно не лошадиное, но ничего сверх особенного в нём нет: прямой нос; не тонкие, не пухлые губы. И, да, я пользуюсь только помадой и пудрой (без неё блесит нос, и на нём виднеются черные точки). Я не бросаюсь в глаза мужчин яркостью макияжа, и единственный комплимент, который мне зачастую делают: «У вас красивые глаза», и ничего более. Скорее всего, я не блещу красотой, а только носом, лоснящимся без пудры.

Если вы еще не прибавили к двадцати четырём одиннадцать, то я облегчу вам задачу — мне тридцать пять лет, и за последние два года до начала описанных событий единственным мужчиной, с которым я могла поговорить по душам, был коллега преклонного возраста. Он ходил в костюме неопределенного цвета с наглаженными через влажную марлю брюками. Был умён, но похож на увядший овощ, и я, естественно, видела в нем только друга. Если бы он был свежее, и на его желто-сером лице хоть иногда играла весёлая улыбка, дыхание не выдавало гниющих зубов, и осанка не съезжилась, как стручок созревшей фасоли, то я бы так сильно не расстроилась, когда злые языки приписали его мне в любовники. Чего только не выдумывали о нас, но я отвлеклась. Вернусь к тому, что хотела сказать, — с Хосе Игнасио я снова почувствовала в себе силы, я поняла, что безвозвратно упустила время. Оно сочилось сквозь пальцы как песок, а я по глупости думала, что впереди еще вся жизнь. Мне было и радостно и грустно совершить открытие, что я не утратила способности поддерживать живой разговор, что я всё еще интересуюсь мужчинами, и во мне оживает спящая женщина. Она как куколка спряталась где-то в животе, и я представляла, что в один прекрасный день распрекрасная бабочка хлопает крыльями, и я побегу в парикмахерскую делать прическу, потом за новым платьем, туфлями, сумочкой, и сброшу с себя как надоедливый кокон серость прошлого, связывающую по рукам и ногам в том настоящем.

Столь романтическим настроением я была обязана, как вы понимаете, Хосе Игнасио — доктору Эмирову, направляющемуся для прохождения практики в старый шахтерский поселок (чуть-чуть городского типа!). Одни уезжают, другие приезжают — свято место пусто не бывает. Хосе Игнасио поразил меня бодростью и не угасающим желанием говорить, говорить и слушать, слушать и снова говорить. А я всякий раз рассматривала его с восхищением, обращая внимание на каждую мелочь.

Хосе Игнасио широк в плечах, мужествен и чертовски соблазнителен. Я сразу отметила, что у него крепкие руки; красивая форма ладоней, пальцев; ухоженные ногти. Он носил

кремовый свитер из натуральной шерсти с треугольным вырезом, из которого виднелся воротник молочной рубашки и сине-красный красивый галстук. Никогда не могла спокойно смотреть на таких мужчин — мысленно сравнивала со своим бывшим мужем, и готова была кусать локти из-за своего же безвкусного выбора. Хосе Игнасио предпочитал дорогую и модную одежду, — конечно, дело не в одежде, но его стиль удачно подчеркивал своенравный характер, финансовые возможности и с первого взгляда покорял разум, как тиран-завоеватель, разглаживающий извилины мозга вместо сожжения захваченных территорий. Но со всей уверенностью, хорошими манерами, умением красиво говорить и казаться успешным и беззаботным, Хосе Игнасио что-то скрывал, недоговаривал, и по его небесным глазам проплывали грозовые тучи, придающие иногда отрешенный и даже измученный вид всему лицу.

Заведя разговор о семье Намистиных, — они пригласили меня работать репетитором для двойняшек-мальчиков — я прочла в глазах Хосе Игнасио настороженность и острую боль, словно одно слово, одно упоминание о Намистиных лезвием бритвы черкнуло ему по горлу. Он побледнел, во взгляде засквозило беспокойство, и я ужаснулась столь резкой перемене. Не нужно было никаких иных доводов, чтобы прийти к заключению, что доктор Эмиров и семья Намистиных, мягко говоря, не дружат.

Amour, toux, fumée, et argent ne se peuvent cacher longtemps

Любви, огня и кашля от людей не утаишь.

О трагедии, случившейся около семи лет назад, Хосе Игнасио рассказывал неохотно. В поезде от него я узнала совсем немного. Образ Вероники Наумовны Намистиной — моего работодателя, вырисовывался из обрывков противоречивой информации. Я не тянула Хосе Игнасио за язык, и он, как я позже убедилась в своих предположениях, специально окутал рассказ таинственностью. Как женщина я поняла, что к чему, — их связывали любовные отношения, вот только мальчишки Вероники учились в шестом классе, а значит, Хосе Игнасио был ей любовником — юным, пылким — и поэтому не хотел раскрывать этот маленький секрет без крайней надобности.

С той минуты мне не терпелось скорее прибыть в посёлок и увидеть ту, мысли о которой все еще терзают сердце сентиментального Хосе Игнасио. Разумеется, мы не ограничились парами предложений о Намистиных, и слово за слово опечаленный горестными воспоминаниями мой попутчик, как будто сложив волю в кулак, рассказал мне немного о Намистиных — ведь я всё равно бы узнала:

— Намистины — одни из основателей шахтерского посёлка. Прадед мужа Вероники — Семёна Намистина — в середине XX века выстроил шикарное по тем временам поместье. У него было четверо сыновей и младшая дочь — Анна. Я помню её простодушное деревенское лицо, она любила детей и, будучи горбатой старушкой с клюкой, часто нас угощала яблоками, леденцами и свежее испеченными пряниками. Мы жили по соседству, и моя мама часто повторяла отцу: «Не понимаю, как они еще не перегрызли друг другу глотки». Дело в том, что в общей сложности Намистиных тогда было тридцать восемь человек под одной крышей, и не важно, что дом двухэтажный, — там трудно было уединиться хоть на одну минуту. Завтраки, обеды и ужины проходили с таким звоном посуды, что когда в тихий летний день они все усаживались за стол, об этом знали все соседи. Впрочем, всё меняется. Когда я поступил в мединститут, в поместье оставались Семён с Вероникой и двумя малышами; его родной брат с женой и дочерью; и родители братьев. Остальные переехали в город; стариков похоронили, а троюродных братьев и сестер как будто ничего и не связывало.

Таким образом, мне предстояло побывать в старинном поместье Намистиных, что не могло не будоражить мысли, — я представляла его серым и мрачным, как замок Баскервилей в лунную ночь в сопровождении собачьего воя. Но Хосе Игнасио предположил, что, скорее всего, Вероника всё изменила, и от старины не осталось и следа.

— Веронике сейчас, — он отрешенно посмотрел в окно, считая в уме годы, — тридцать! Не представляю, как она выглядит: такая же стройная дерзкая красавица, а может быть за семь лет она превратилась в откормленную гусыню и ничто в её чертах мне не напомнит о той Веронике, которую я знал.

Несомненно, он её любил когда-то, но открыто не признавался в своих чувствах.

— Не думал, что мне доведется когда-то вернуться. Семён заставил меня поклясться, что я не встану у него на пути...

Хосе Игнасио замолчал, словно перебирая в голове ворох воспоминаний, обрушившийся

как несвоевременный листопад в весенний день. Он порывисто встал и попросил его извинить, делая первый шаг к тамбуру, где можно было молча покурить, восстанавливая спокойствие. Мне оставалось только ждать и любоваться пейзажами через немытое окно.

Вскоре мой попутчик вернулся, повторно извинился и присел на место, не успевшее остыть.

— Я не планирую надолго оставаться в посёлке, — сказал он, словно оправдываясь перед самим собой. — Нужно быть безумцем, чтобы после насыщенной студенческой жизни в крупном мегаполисе страны, после незабываемых приключений взять и похоронить себя в захолустье! Тихая размеренная жизнь не для меня — мое возвращение связано исключительно с медицинской практикой, и я могу заверить любого, что не собираюсь пустить корни в этой глуши, как орехи, оброненные воронами во вспаханную землю. И Намистин может не волноваться — Вероника меня больше не интересует, а я *такой* ей уж тем более не нужен, — добавил он подавленным голосом.

«*Такой*» — уцепилась я в это слово как голодная синица в ладонь с хлебными крошками. Какой такой? — умный, красивый, состоятельный? Какой-то детали явно не хватало — Хосе Игнасио не стремился излить мне душу как священнослужителю, но и не говорить о прошлом не мог — эмоции распирали его, и я видела в его глазах драму, соленой влажностью застилающую их небесную чистоту. В конце концов, я опытная женщина и могу отличить человеческие страдания от нечеловеческого лицемерия и притворства, когда намеренно взывают к жалости и состраданию, чтобы таким образом привлечь внимание к своей особе, не способной иначе выделяться на фоне пестрой публики.

Хосе Игнасио носил в себе тяжкий груз переживаний, и до приезда в посёлок я знала лишь то, что семнадцатилетнего мальчика соблазнила замужняя женщина с двумя детьми, и её муж пригрозил неопытному любовнику не путаться у него под ногами.

Жаль, что тогда в поезде я не могла пролистать будущее хотя бы на две недели вперед, иначе я бы уговорила Хосе Игнасио даже не появляться в посёлке и не подвергать опасности жизни невинных людей. Знал бы прикуп — жил бы в Сочи. Мне тоже не следовало появляться в этом посёлке, но кто же знал, что весеннее обострение бывает не только у влюбчивых натур, но и у сумасшедших.

Утром следующего дня за стеклом всё чаще мелькали захудалые домики, посёлки из одной улицы; вдали проглядывались терриконы, купола церквей, малахитово-черные леса и степи с пожухлой прошлогодней травой, объятые призрачным туманом. Что ни говори, а места были живописные!

На станции я заметила груженные углем полувагоны. Угольная пыль въелась в не беленые бордюры — грязно. Железнодорожный вокзал встретил приезжих унылым фасадом, не помнившим краски и штукатурки. В сутулых фигурах прохожих таилась нужда, недовольство и недоброжелательность ко всем, кто посмеет потревожить хоть единым вопросом. Если еще вывозят уголь, значит, шахты работают, — наивно подумала я, — почему же всё такое убогое и безжизненное?

Дороги я не знала. Если бы не Хосе Игнасио, мне пришлось бы расспрашивать прохожих, а они точно испортили бы мне настроения своей подозрительностью и необъяснимой занятостью. Поэтому, игнорируя неприветливый народ, мы с опаской высматривали указатели в поисках автовокзала.

Чем дальше мы удалялись от вокзала-муравейника, тем меньше людей встречалось на пути. На растрескавшемся асфальте в стеклянных лужах чернели затонувшие окурки. Под

апрельским солнцем, ярким, но холодным, нахохлились воробьи, недоверчиво рассматривая кожуру от семечек, вместе с пылью прибитую к тротуару. Я вдыхала тяжелый воздух с примесью серы, канализации, и, признаюсь, затаивала дыхание в надежде, что вот-вот воздух станет чище. Хосе Игнасио подшучивал, что «прекрасный вид на холмы и горная чистота воздуха издавна являются визитной карточкой здешних мест». Холмы — это терриконы из угольной породы и пыли!

Городишко мне не понравился, но за его чертой начинался иной мир — мир, который не смог бы оставить равнодушным ни одного человека, родившегося и проведшего детство в подобном краю.

На автобус мы опоздали, а ждать три часа до следующего рейса было бы утомительно. Конечно, можно было бы поехать и на такси, но мне захотелось пройтись пешком, и Хосе Игнасио не удалось переубедить меня, аргументируя даже наличием нелегких дорожных сумок.

За спиной остался скучный город, и постепенно его затянуло серо-розовое марево, и небо летящим бирюзовым парео скрыло всю грязь. Мы — два одиноких путника, остановились на крутой возвышенности, а впереди в низине расстилалась живописная равнина с разбросанными белыми домами; садами, просвечивающимися молодой листвой; речкой, вышедшей из берегов; стадом коз, выискивающих среди жесткой травы сочные побеги. За посёлком непроходимой стеной стоял густой лес с многовековыми дубами. Наверно в таком же посёлке жили Онегин, Ленский и Татьяна Ларина. Восхищению не было предела!

Через холмистые степи к посёлку извилистой лентой тянулась дорожка, усыпанная шлаком и укатанная колесами редкого транспорта. Хосе Игнасио в кожаных туфлях осторожно обходит кочки в виде булыжников, растаявшие лужи, а я и под ноги смотреть забывала — природа очаровала меня своим величием. Я перепачкалась, то и дело вступая в грязь. Брызги оседали на колготки и юбку, а я облюбовала лес, издали приметив грациозную козулю и малыша, похожего на олененка Бэмби из мультфильма.

С дубами вперемешку росли акации. Я разглядела пасеку. Хосе Игнасио о ней ничего не мог сказать — раньше её там не было. По жухлой траве проскочил заяц. Такой же шустрый и интересный, как и в селе, где я выросла! Он бежал-бежал, потом остановился, встал на задние лапки и словно отвесил нам поклон, мол, милости прошу в мои владения. Нас звонким щебетанием встречали стаи птиц. В сухих камышах крикали дикие утки. Рыбак на надувной лодке наматывал леску, а серебристая крупная рыбешка, попавшаяся на крючок, тщетно била хвостом, словно предупреждая нас о скрытой опасности. Но я видела только то, что хотела видеть. Мне казалось, в этом тихом местечке я начну новую жизнь, и в ней непременно появится деревенский мужчина, который разглядит во мне порядочную женщину.

Кто ищет, тот всегда найдёт.

Через поле в несколько гектар, справа от речки виднелся трапециевидный террикон, поросший кустарниками, и постройки закрытой шахты. Но я не заостряла на ней внимание, а вот всё остальное задумала в ближайшие дни сфотографировать, причем и в рассветных лучах, и днём, и на закате. Эти великолепные степи, реку и лес, уходящий в горизонт, я хотела показать своим виртуальным друзьям с творческого сайта. Бывший муж научил меня пользоваться Интернетом и извлекать из сети массу пользы не только в виде интересных статей для подготовки к открытым урокам, но и в виде увлекательного общения с людьми. В жизни у меня всё сводилось к школе; подруг не было, а единственного друга не так давно вовлекли в жуткие домашнее неприятности сплетницы-коллеги. Отчасти из-за недостатка общения я нашла виртуальный приют среди творческих личностей, но ни рисовать, ни петь, ни сочинять стихи для песен не умела. Я фотограф-любитель! На сайте есть специальный раздел для авторской фотографии, и это мое маленькое хобби!

Пешая прогулка была превосходной! Запах травы и свежести обволакивал, а легкий весенний ветер так и норовил растрепать непослушные волосы, собранные улиткой на затылке. Мы постепенно спустились вниз, и величественные пейзажи начали становиться проще — я уже не могла любоваться красотами свысока, как птица, парящая в лазурном небе.

Я рассмотрела первый угловой дом с легким разочарованием — ставни заколочены, стены в трещинах, забор повалился, а весь участок порос хаотичными вишневыми дебрями.

— Сколько себя помню здесь жила седая татарка, — сказал Хосе Игнасио, отвечая на мой немой вопрос. Я настолько увлеклась, да и устала немного из-за сумки, что единственное, что могла, только ахать и охать. — На летние каникулы к ней привозили внучку из соседнего города. Помню её смуглой худенькой девочкой в персиковом платье с рюшками и длинными черными косами! Её звали Миа, кажется. Судя по вишневому саду, то лет пять она сюда уже не приезжает. Забавная была девчонка — всем рассказывала, что её бабушка по ночам разговаривает с духами.

— Ведьма, что ли? — Я остановилась, переводя дыхание. — И дом угловой. У нас в селе тоже на углу ведьма жила. Мы её жутко боялись в детстве. А когда она умерла, говорят, потолок осыпался, крыша просела, и в прореху в стене можно было увидеть Большую Медведицу.

— Глупости всё это, — твердил Хосе Игнасио, смеясь, — глупости! Хотя старушка и была не от мира сего, но никакая не ведьма: на метле не летала, шарлатанством не занималась — вышивала себе крестиком и гусей на полянке перед домом пасла.

А что, ведьмы обязательно на метле должны летать? — подумала я, но спорить желания не было, и я уже рассматривала расписные ворота соседнего участка. Затем еще несколько мрачных домов, административное здание с флагом, магазин, и что самое интересное — на улице никого.

С Хосе Игнасио нам было по пути. Дом его отца и деда находился дальше поместья Намистиных, по правую сторону, если стоять лицом к поместью, а мы подходили с левой стороны, где, в доме, расположенном через дорогу и наискосок, жила Окунева Каллиста

Зиновьевна — пожилая женщина, с которой Вероника Намистина заранее договорилась о предоставлении мне в аренду половины дома. Как вы понимаете, моё любопытство повлекло меня хоть через забор, хоть одним глазком посмотреть, что же это за старинное поместье, и я с Хосе Игнасио пошла дальше, позабыв, что у домов тоже есть глаза, и они следят за всеми, а за незнакомцами с повышенным интересом. Так я не заметила, как шторы сразу как минимум на двух окнах шелхнулись и кто-то сверлил нас любопытными взглядами, ничем не слабее моего, когда я, наконец, увидела дом семьи Намистиных. То, что за нами следят, мне сказал Хосе Игнасио, но я не оглядывалась и не стремилась выдать любопытным, что мне известно об их любопытстве. Всё моё внимание было приковано к дому.

Поместье Намистиных, к сожалению, не имело ничего общего с дворцами и замками — приземистый двухэтажный дом-прямоугольник с большими аркообразными окнами, по периметру обложенными природным камнем песочно-медного цвета. Такая же рамка украшала центральный вход, боковую дверь и углы дома. Крыша — из металлопластиковой современной черепицы, окна — тоже современные. Я не увидела ни одной колонны, зато во дворе вдоль липовой аллеи, вымощенной брусчаткой, стояли причудливые фигурки — небольшие статуи птиц и животных. Перед домом высоко возвышались четыре кованых фонаря. Восемь традиционных по форме плафонов смотрели прямо в окна второго этажа, зашторенные белыми гардинами. Низенький дом! А двор и сад прекрасны! Вокруг двух круглых клумб тоже стояла каменная охрана, напомнившая мне гномов из сказки про Белоснежку.

— Дед Семёна был мастером на все руки! — пояснил Хосе Игнасио.

Трудно определить на глаз, сколько соток земли занимало поместье, — пятьдесят или семьдесят — но участок был и впрямь внушительных размеров, особенно если принять во внимание, что, например, у моих родителей участок всего в пятнадцать соток.

Забор вокруг поместья был тоже современный — у нас его называют «еврозабор» — из литых плит: нижняя сплошная, а верхняя узорчатая. Мы медленно прошлись до конца забора, и остановились.

Ну, что же — поместье Намистиных, действительно, выделялось на фоне других унылых и перекошенных хибар, маленьких кирпичных домиков, тянувшихся вдоль дороги протяженностью примерно в километр. А дом Эмировых — Хосе Игнасио — оказался настолько убогим, что на миг мне показалось, будто он злобно смотрит на меня двумя черными глазами-окнами, а трещина на фасаде — это перекошенная улыбка-оскал избитого волка, выплюнувшего гнилые зубы-кирпичи. Шифер, поросший мхом, как волчья шерсть на ветру шевелился. Жуткое зрелище.

— Как же ты будешь здесь жить? Крыша явно течет, и окна не мешало бы лучше остеклить, если рамы не рассыплются от одного прикосновения, — подумала я вслух, ища глазами, признаюсь, угольный сарай. Середина апреля ведь не середина мая — ночью замерзают лужи, а днем тепло как летом после грозы. Я волновалась за Хосе Игнасио — как бы ему не пришлось мерзнуть по ночам.

— Что-нибудь придумаю, — он пожал плечами. Видно было, что Хосе Игнасио растерялся, глядя на заброшенный родительский дом, не пощаженный временем. — Мне не придется долго жить в этом угрюмом доме, — сказал он сухо. Надеюсь, не этими словами Хосе Игнасио накликал на себя беду в виде подозрений в убийстве.

Каждое дело в свое время

Всему своё время.

Мы попрощались, договорившись встретиться следующим вечером, и я пошла знакомиться с Каллистой Зиновьевной, решив, что прежде, чем предстать перед Вероникой Намистиной, с дороги нужно отдохнуть и привести себя в порядок.

Дом пожилой женщины был рассчитан на двоих хозяев — по бокам имелись два одинаковых крыльца, окрашенные в цвет мокрой глины. Краска местами облупилась, но под одним слоем просматривался другой — идентичный. Многослойным здесь было почти всё. Я не знала, к какой двери мне идти, и, войдя во двор через скрипучую калитку, остановилась. Откуда ни возьмись выбежал лохматый пёс, поднял лай, но бросаться на меня не стал — остановился и, смешно наклоня мордочку, уставился на мою сумку. Я бросила её у ног и ласково заговорила с дворняжкой. Пёсик завилял хвостом, но идти дальше я не решалась — ждала хозяйку.

Каллиста Зиновьевна оказалась очень пожилой женщиной — еле ходила; все лицо измято, в глубоких морщинах; волосы бледнее белого; руки жилистые, в пигментных пятнах, с синевато-зелеными вздутыми венами; от неё пахло лекарствами и мятными конфетами, которыми заглушался неприятный запах изо рта. Каллиста Зиновьевна прижимала к груди пуховой платок и, не стесняясь, длительно смотрела мне в глаза:

— Даша, — произнесла она с нотками радости. Старушке не хватало живого общения не меньше, чем мне, — я с самого утра выглядываю вас. Ну, не стойте, идите за мной. Я специально для вас испекла пирог с начинкой из сухофруктов! Вы такого еще не пробовали!

Я стала уверена — скучные голодные вечера мне не грозят.

В коридоре Каллиста Зиновьевна любезно предложила мне шерстяные носки:

— Пол холодный, — сказала она, — наденьте — это мой подарок, — и вручила мне пару вязаных носков. Каллиста Зиновьевна вязала на продажу; держала двух пушистых овечек исключительно ради натуральной шерсти. Соседи были постоянными клиентами, и в холода и дети, и взрослые ходили в её носках, теплых, но немного колючих.

Я поблагодарила Каллисту Зиновьевну, и мы из коридора сразу очутились в гостиной. Именно так я бы назвала светлую комнату с высоким потолком. Окна под кружевными занавесками глядели на улицу; через них вливался солнечный свет, и настырные лучи весело играли на хрустальных рюмках и старинных сервизах, выложенных на стеклянных полках лакированного серванта с антресолями. Стены были оклеены обоями в цветочек — побледневшие хризантемы на пожелтевшем поле. Потолок цвета несвежей пенки на кипяченом молоке, люстра с тремя серыми от пыли тюльпанами — всё говорило о том, что Каллиста Зиновьевна в силу ослабленного здоровья опустила руки. Конечно, воспитание мне не позволило с порога предложить освежить комнату новыми обоями, смыть побелку и выкрасить потолок эмульсионной белоснежной краской, но я об этом подумала.

Диван стоял у стены. Над ним «Утро в сосновом лесу». На полу ворсистый красно-черный ковер. Вскоре медведи стали свидетелями наших разговоров и поднятых со дна тайн, как ил и тина, о которых все местные знали, но не поднимали на поверхность.

Каллиста Зиновьевна показала мне мою часть дома: спальню, кухню с ванной за кирпичной грубой, пустую комнату с отклеившимися обоями и коридор, точно такой, как

тот, через который мы оказались в доме. Раньше здесь жил сын Каллисты Зиновьевны с женой и детьми — они уехали сразу после закрытия шахты. Дверь между двумя частями дома плотно закрывалась и с обеих сторон имела по шпингалету.

— Если устанете от моего общества, можете, закрыться со своей стороны, и я не стану вас тревожить всякой болтовнёй, — сказала Каллиста Зиновьевна, похлопав меня по плечу. — Но если станет одиноко, я всегда буду рада составить вам компанию — шпингалет с моей стороны никогда не использовался по назначению.

Она улыбалась беззубой улыбкой, придающей лицу дружелюбие и особое старческое обаяние, и ничего в её образе не отталкивало: ни корявые пальцы, ни пара жирных угрей на носу. Я взяла её за руку и легонько сжала:

— Я мечтаю, чтобы вы тревожили меня всякой болтовнёй! — С душевным трепетом уверила я. — Это как раз то, что мне нужно! Живое настоящее общение! Я со своей стороны тоже не буду закрывать дверь, — пообещала я и разжала руку, утихомиривая свой пыл.

— Тогда оставьте вещи и идемте обедать! — буквально воскликнула она, заряжая меня своей разудалой энергетикой.

Говорила она бодро. Ум с годами ничуть не помутился, и только ноги отказывались служить. Хосе Игнасио позже подробно разъяснил мне, что у Каллисты Зиновьевны остеомалация — нарушение обмена веществ, ведущее к размягчению костей, и остеопороз — истощение и оседание костей, а причина развития деформации ног в том, что кости обделены белком и минералами. На запущенных стадиях есть только один способ выровнять ноги — заменить коленные суставы металлическими протезами. Даже сыр богатый кальцием не поможет. Без сострадания я не могла смотреть, как Каллиста Зиновьевна переваливается с ноги на ногу — бедняжка — это должно быть очень больно.

Отобедав горячим супом, квашеной капустой и оладьями из тертого картофеля, мы так разговорились, что пили чай остывшим. Пирог был вкуснейший, начинка — бесподобная, но наша болтовня — куда более значимая, чем сытый желудок. Пищи для ума Каллиста Зиновьевна подбросила, как говорится, воз и маленькую тележку. Выведав информацию обо мне, она заключила:

— Милочка, вы еще пожалеете о своем выборе, — она не уточнила о каком, и продолжила, не обращая внимания, что я не совсем поняла. — Время не даёт повторных попыток; жизнь нельзя распустить как носок и связать заново; мы или берём от жизни всё, или рано или поздно нас берут на буксир сожаления и тянут в открытое море неудовлетворённости.

— О чем я должна пожалеть? — спросила я простодушно. — Я не понимаю, — ох уж эти загадки. Почему не сказать прямо? Нет, нужно закрутить, чтобы я перепрыгивала с носка в открытое море.

— Он же импотент, — прошептала она, будто нас могли услышать.

— Кто?

— Эмиров Хосе Игнасио — кто же еще! Вы приехали вдвоем — со стороны может показаться, что между вами что-то назревает. У меня больные ноги, но зрение как у ястреба! Между вами определено что-то есть.

Я поперхнулась, и Каллиста Зиновьевна на секунду умолкла.

— Я бы не стала тратить на импотента драгоценное время, — продолжила она. — Как не крахмаль веревку — стоять не будет, какими бы хорошими не были руки, — и это дословная фраза восьмидесятипятилетней женщины.

— Нет! — запротестовала я. — Мы знакомы всего два дня!

— Это ничего не меняет. Всё против вас. Зная Веронику, не трудно предугадать, как она восприняла это маловероятное совпадение, а она уже знает о вашем приезде. Она ревнивая особа; замужем, с Хосе Игнасио несколько лет не виделась, но если узнает, что между вами любовь, пусть даже платоническая, то несдобровать вам как бы вы не ладили с её двойняшками. Мой вам совет: не встречайтесь с Хосе Игнасио. Тем более как мужчина он ничего собой не представляет. Ну, зачем вам *такой* мужчина?

«*Такой*» мужчина? Так вот, что имел в виду Хосе Игнасио, когда сказал: «Вероника мне больше не нужна, а я *такой* ей уж тем более не нужен».

— Почему я не могу с ним встречаться? Неужели Вероника сможет запретить мне дружить с ним? — наивно спросила я.

— Она может найти другого учителя для Филиппа и Кирилла. Вы ведь не первая — третья! Первые две были студентками, причем вторая — страшенькой, но и это не помешало ей очаровать нашего мэра — Дифирамбова Элфи Евгеньевича. Мужчина он видный, к тому же разведенный; еще февральские морозы стояли, когда Вероника и Элфи начали тайно встречаться, но об этом давно каждая собака знает. Вероника с позором выгнала ту несчастную девочку только за то, что Элфи замечал в ней задатки утонченной женщины. Страшно подумать, что ей взбредет в голову, если Хосе Игнасио и вы будете открыто расхаживать по посёлку, как сегодня днём. Она непременно захочет от вас *избавиться*, а вы мне с первого взгляда приглянулись, поэтому запомните главное правило: не подпускайте к себе на пушечный выстрел мужчин Вероники. Ни бывших, ни настоящих.

— Огласите весь список, пожалуйста, — я попыталась найти в себе силы шутить, но мои мысли были заняты серьезными размышлениями: что же за мегера эта Вероника и как мне с ней поладить?

— Намистин Семён Романович — муж; Хосе Игнасио, Вислюков Ян — бывшие любовники; Дифирамбов Элфи — нынешний.

— А кто такой Вислюков Ян? А то вдруг я случайно встречу с ним на улице, а он окажется персоной под запретом, а я, не зная этого, заведу с ним разговор, а Вероника потом будет упрекать меня в посягательстве на её собственность.

Каллиста Зиновьевна рассмеялась.

— Местный пьяница! Вы его сможете отличить по неопрятной бороде, мятой одежде и утреннему перегару. Когда он пьян, то на каждом углу кричит, что любит Веронику и грозиться раздавить Семёна как жалкого таракана. Я бы к нему не стала никого ревновать, но Вероника особа со странностями. Первую учительницу она выгнала именно из-за Яна, но тогда он еще не спился окончательно. Кстати, вы первая, кому она не выделила одну из своих комнат, но так для вас будет даже лучше — больше свободы, и мне заодно будет с кем поговорить. — Она заметила моё удивление и добавила, смеясь: Яна не бойтесь — по моему, его угрозы убить Семёна — просто трёп алкоголика.

Вот так новости! Ну что же, я отдохнула, наелась, наслушалась предостережений, а, между прочим, вечер приближался, и красноватое солнце уже катилось к горизонту, предвечерними лучами касаясь черепицы поместья Намистиных.

— Каллиста Зиновьевна, — сказала я со всем уважением, — я приму к сведению всё, что услышала от вас, а сейчас мне нужно идти знакомиться со своими учениками и Вероникой Наумовной. — Я встала из-за стола и предложила перед уходом вымыть посуду, продлив еще на несколько минут наш диалог вопросами о Хосе Игнасио. Мне было

интересно, что с ним случилось — ему ведь не шестьдесят лет, чтобы мужские силы покинули его, но Каллиста Зиновьевна сказала, что это длинная история, и она расскажет мне её вечером, когда я вернусь от Намистиных.

Un vu moeux que cent entendus

Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Я протерла испачканные дорожной грязью ботинки сначала сухой салфеткой, затем влажной, и в чистой обуви направилась к поместью Намистиных.

Издали я заметила во дворе стройную блондинку в светло-голубых джинсах и расстегнутой синей куртке, из-под которой выглядывал объёмный жёлтый шарф. Она наклонилась и игралась с кавказской овчаркой: то взъерошивала шерсть на холке, то просила дать лапу, и упитанная крупная собака подчинялась, высовывала длинный розовый язык и лизала руки блондинке. Мне не пришлось воспользоваться звонком, имеющимся справа от ворот, как раз возле почтового ящика в форме хлебницы, но не из дерева и не из пластика, а из серебристого металла. Овчарка учуяла приближение чужих шагов и метнулась к воротам. Груда мышц на длинных ногах испугала меня не на шутку — с детства боюсь крупных породистых собак, к тому же метровый забор для овчарки разве преграда? Я остолбенела, затаив дыхание.

— Арабель, к ноге! — крикнула блондинка и рванула догонять овчарку. Схватив за ошейник, девушка утихомирила её прыть, но к моему удивлению не собиралась загонять эту устрашающую махину с тигриными клыками в вольер, а вместе с ней пошла мне навстречу и с невинным личиком распахнула передо мной кованую калитку.

Сердце у меня от испуга в пятки ушло, но, глядя в лучистые глаза девушки, на естественный румянец и губы, расплывшиеся в доброжелательной улыбке, я старалась не думать о собаке. Передо мной стояла красивая девушка, и её приятная внешность ни за что не заставила бы меня подумать о ней как о мегере, безнравственной и жестокой особе — она излучала позитивную энергию, как лампочка в безлунную ночь — желанный свет. Чистая матовая кожа, мягкие черты лица, явственный контур чувственных губ, шелковистые локоны и голубые глаза, обрамленные подкрашенными длинными ресницами.

— А вы должно быть Дарья Леонардовна? — услышала я сквозь гул собственных мыслей мелодичный чистый голос, и растеряно улыбнулась в ответ. — Мы вас ждем, — продолжила она, — проходите!

— А как же собака? — вздрогнула я, когда та коснулась влажным носом моих пальцев.

— Арабель не кусается! — Услышала я в ответ. — Она умная как человек! Если чужой входит во двор с кем-то из своих, то и Арабель воспринимает чужого как своего.

Как бы там ни было, но слово «чужой» овчарка воспринимала насторожено. Я посмотрела ей в глаза — спокойные, цвета крепкого чая, и заговорила ласково:

— Арабель, какое у тебя красивое имя! Мы с тобой подружимся? — и она завиляла хвостом, как Дружок Каллисты Зиновьевны.

— Вот видите, не такая она и страшная! Проходите, Вероника уже три часа выглядывает вас, — сказала блондинка, и я поняла, что это милое создание вовсе не хозяйка дома. — Меня зовут Эмма; я подруга Вероники, — объяснила девушка.

— Очень приятно, — пробормотала я, и мы пошли через аллею к поместью.

— Когда всё зацветет, вы не узнаете это место! — воодушевленно лепетала Эмма. — А как пахнут липы в июне! Да, что там липы! В лесу сейчас столько цветов! А если солнечная погода продержится и дальше, то через неделю там будет сказочный рай! Вы обязательно

должны сходить на прогулку в сторону леса. В глубь можно не идти, если боитесь диких животных, а цветов и на полянах перед лесом хватает. Главное, не упустить время!

— Я с удовольствием прогуляюсь по здешним местам! — подхватила я. — Ваш посёлок окружен такими красотами, что грех не взять фотоаппарат и не запечатлеть эту красоту в снимках.

— Вы еще и фотограф?

— Любитель! — призналась я, не вдаваясь в подробности.

Арабель сопровождала нас до ступеней у центрального входа, потом свернула в сторону и исчезла из поля зрения.

Пять невысоких ступеней, и мы на крыльце с навесом; вытерли ноги о ковер непонятного цвета, и вошли в дом. Первая комната была просторной раздевалкой со шкафом-купе для верхней одежды и полками для обуви в виде двухъярусных лавочек. Эмма присела расшнуровывать кроссовки, и я последовала её примеру.

В зеркалах шкафа отражались идеально оштукатуренные и выкрашенные в теплый розовый цвет стены, напольная ваза с золочеными розами и ветками папоротника, словно взбрызнутыми утренней росой. Эта мнимая роса блестела в лучах лампочек разбросанных по потолку как звезды по небу. На полу лежал мягкий красный ковер, чистый как новый.

Мы перешли в другую комнату, роскошную, выполненную в красно-золотых тонах. Посредине — лестница на второй этаж: широкая, с закругленными перилами, черно-золотыми коваными цветами, виноградными лозами. Красная дорожка — как же иначе?! По бокам гипсовые статуи древнегреческих богинь с амфорами и арфами у ног. На стенах осенние пейзажи в позолоченных рамках, на старинном комодe — опять ваза с искусственными цветами и семейные фотографии.

Эмма повела меня в правое крыло, в гостиную с кожаным белым диваном и креслами, словно наспех укрытыми желто-молочными накидками с великолепными выбитыми узорами тропических пальм на фоне скалистых берегов океана. В углах у окон стояли высоченные солидные фикусы; окна застилала легкие гардины; с потолка лился мягкий приглушенный свет; на стеклянном столике между диваном и креслами в вазе пестрели яблоки, бананы и мандарины; и стояла пустая бутылка и два коньячных бокала. Эмма смущенно убрала со стола посуду:

— Присаживайтесь, Вероника сейчас спуститься, — сказала она, и оставила меня наедине с молчаливой мебелью, кричащей, однако, о благосостоянии Намистиных.

Femme querelleuse est pire que le diable

Злая баба в дому — хуже черта в лесу.

На фоне бледно-желтых стен выделялись и белые книжные полки, где помимо книг пылились различные безделушки: сувениры, шкатулки, коллекция часов, глобусы, подзорная труба, фигурки солдатиков. Словом, всё выглядело так, будто Вероника все старинные вещи затолкала в эту стенку-шкаф со стеклянными дверцами, и на полках творился безвкусный хаос. Не успела я об этом подумать, как в комнату с надменным видом вошла пухленькая брюнетка.

На этот раз передо мной предстала Вероника собственной персоной. Пышногрудая, с округлыми бедрами, округлость которых подчеркивало элегантно обтягивающее платье, отлично вписывающееся в обстановку дома, этого старинного поместья, сохранившего от старины лишь груды бесполезных вещей, захламляющих внушительную библиотеку. Я поднялась; Вероника незамедлительно преодолела расстояние от входа до дивана, и мы, стоя лицом к лицу, на мгновение застыли, сканируя каждая своего оппонента. Уверена, Вероника так же тщательно рассмотрела меня, как и я рассмотрела её — буквально до расширенных пор на крыльях носа.

Красавицей я бы Веронику назвала с очень большой натяжкой. Отталкивающими были её тонкие губы. Точнее верхняя. Вероника её подрисовывала карандашом выше естественного контура и жирно смазывала блеском, придавая мнимую пухлость. Кожа провисала, и образовывались носогубные неприятные складки. Пудра придавала лицу бархатистый вид, и глаза, как у Арабель, цвета крепкого чая, тоже казались бархатными. У нее был строгий взгляд, но, когда она улыбнулась и протянула мне руку, представившись, её лицо стало добрее, симпатичнее, и даже верхняя губа не такой уж и непривлекательной. В другой руке она держала конверт, взмахнув которым, предложила обсудить дела:

— Надеюсь, ваше репетиторство благотворно повлияет на моих мальчуганов. У вас большой опыт в этом деле, и мне бы хотелось, чтобы Филипп и Кирилл с отличием закончили шестой класс. Времени не так то и много — полтора месяца, поэтому, как мы с вами условились в электронной переписке, до конца мая вы будете проводить уроки ежедневно, кроме воскресенья, по два часа в день. Возьмите, — она всунула мне в руки конверт, — это аванс. Думаю, деньги вам не помешают. Теперь относительно выбора одежды: забудьте о юбках, оголяющих икры, — в моём доме вы должны появляться только в длинной юбке. Если у вас в гардеробе таковой нет, то завтра же поезжайте на школьном автобусе в город и выберите себе что-либо скромное и неброское, пожалуйста.

— У меня есть длинная юбка. Не волнуйтесь, Вероника, завтра я буду в ней, — ответила я, соглашаясь на эту странную прихоть.

— Называйте меня «Вероника Наумовна», и я тоже буду к вам обращаться по имени-отчеству, — прозвучало требовательно и резко, — я не терплю фамильярности.

— Конечно, Вероника Наумовна, простите, я с вами полностью согласна.

— Так вот, — продолжила она важным тоном, — надеюсь, между нами не возникнет разногласий, и ваше репетиторство продлится пока Филипп и Кирилл не получат золотые медали. Должна вас предупредить еще об одном важном условии, — она интригуяще замолчала, а я уже перебирала в голове различные варианты, связанные по наставлению

Каллисты Зиновьевны с её мужчинами. — Я не потерплю посягательства на мою собственность: будь то чайная ложка или мой муж. Если я узнаю, что кто-то позарился на моё, тому будет не сладко.

— Я никогда не возьму чужого, — заверила я, а сама сжалась от неопишуемого отвращения. Мне не понравился тон, слова, манера задирать нос, и я почувствовала себя такой жалкой, что никакие пейзажи здешних мест не могли развеять моё расстройство.

В эту минуту в гостиную вошла Эмма и привела с собой двух светловолосых мальчишек двенадцати лет, ничем не похожих на Веронику. Они были опрятно одеты и держались сдержанно, хотя, скорее всего, прилагали немало усилий, чтобы не шуметь и не дурачиться. Я увидела в их серых глазках озорные огоньки, когда они сели на диван и украдкой поглядывали на меня. Баловни! — охарактеризовала я их, и была права, но в первый день они вели себя как подобает воспитанным детям, и Веронике не пришлось краснеть, успокаивая их угрожающими криками.

— Меня зовут Дарья Леонардовна, — представилась я и вскользь прощупала почву, так сказать, выяснив уровень знаний моих учеников, задав всего несколько вопросов на французском языке и предложив решить легкий пример по математике на тему распределительного свойства умножения.

Отвечал только Филипп, причем — грамотно, а вот Кирилл — смеялся, казалось, собственной несмышлености. Вероника и Эмма не спускали с нас глаз, но я не терялась и предложила мальчишкам устно решить задачу с помощью уравнения. Мы бурно обсуждали решение, Кирилл скакал по дивану мячиком, Филипп выстраивал логическую цепочку, Вероника подсказывала, воображая себя великим математиком, а Эмма по её просьбе пошла заваривать чай. Странная дружба, не находите? — Вероника использовала подругу как прислугу.

Эмма вернулась с подносом. На нём — пять чашек на блюдцах, сахарница, конфетница, ложки. Мальчишки первыми накинулись на сладости, ухватили по чашке чая и наперебой хвалились, с какой начинкой кому попалась конфета.

— Сколько вам сахара? — Спросила Эмма, а не Вероника, и взяла в руку чайную ложку. Чайную ложку! С того дня я всякий раз, когда вижу чайную ложку, вспоминаю Веронику, и чтобы не вспоминать о ней, пью чай без сахара.

— Я слышала, что чай полезнее пить не сладким! — вдруг выдала я, — мне без сахара!

Разговор не клеился. Если бы не дети, я бы поспешила покинуть это богатое поместье, но вдруг Вероника спросила о Хосе Игнасио, прервав молчание:

— Что Хосе Игнасио вам рассказывал обо мне, когда вы стояли у ворот?

— У ворот? — переспросила я, — ах, да! О вас ничего — он сказал, что у деда вашего мужа были золотые руки. — Ответила я честно. Меня позабавил её вопрос, но я не выдала себя, изображая недопонимание.

— Как? И больше ничего? — вскрикнула она с нескрываемым негодованием. — Вы прибыли одним поездом? Как вы познакомились? — спросила она мягче.

— В поезде, — ответила я коротко, побаиваясь её реакции.

— Так, Филипп, Кирилл, идите в свою комнату! — скомандовала она. Дети беспрекословно подчинились и оставили нас втроем. — Я была бы вам очень признательна, если бы вы рассказали мне кое-какие подробности вашего путешествия. Хосе Игнасио упоминал моё имя? Ведь упоминал же! Я не верю, что он ни словом не обмолвился обо мне. — По-моему, в ней говорила влюбленная женщина, и меня удивляло, как она может

жить с одним, встречаться с другим и думать о третьем.

— Да, упоминал, но с большой неохотой. Я не знаю, что между вами было, это не моё дело, но воспоминания о вас всякий раз сопровождались грустью на его лице, — ответила я, сомневаясь, что поступаю правильно.

— Всякий раз! — воскликнула она. — Значит, он неоднократно говорил обо мне?!

— Я рассказала, что вы мой работодатель, таким образом, мы и затронули ваше имя.

— Вы не хотите говорить, — заключила Вероника. — Не влюблены ли вы случайно в нашего молодого терапевта? — прозвучало с укором.

— Он слишком молод для меня! — уверила я.

— Любви все возрасты покорны, — сказала она, не сводя с меня глаз. — Если увидите с ним, передайте ему... хотя нет, не стоит. — Она замолчала, и я заторопилась попрощаться.

Эмма любезно провела меня через двор, не упоминая имени ни Вероники, ни Хосе Игнасио, — лишь спросила: «Как вам Филипп и Кирилл? Правда, милые сорванцы?!», на что я ответила, что могу подобрать ключики к любому ребёнку, и эти сорванцы будут с удовольствием учиться, соперничая друг с другом.

Арабель вальяжно обходила свои владения, а из-за дома доносился грозный лай другой овчарки. Её редко выпускали из вольера, так как у неё не было разделения на своих и чужих — она признавала лишь Намистина Семёна Романовича и поскольку могла даже перепрыгнуть через забор, сидела за решеткой. Так сказала Эмма и, пожав мне руку на прощанье, добавила:

— Семён целыми днями или в лесу косулей кормит, или в боулинге шары катает, но думаю, завтра вы увидите и нашего знаменитого главу семейства!

Aimer n'est pas sens amer

Полюбив, нагорюешься.

С сумбурными мыслями я пошла по дороге; хотела зайти в магазин, купить продуктов; подумала, что Каллиста Зиновьевна наверняка выделит мне полочку в холодильнике, но мысли о Намистиных не хотели покидать мой уставший мозг. Что имела в виду Эмма, говоря «знаменитый глава семейства», чем он знаменит? Боулинг в этой глуши — ну не диво ли?! И эта Вероника с расспросами о Хосе Игнасио — «Санта Барбара» какая-то!

В магазине, облокотившись на прилавок, продавщица со скучающим видом разгадывала кроссворд, но как только скрипнула дверь, её удлиненное лицо вытянулось ещё больше. Она округлила черные маленькие глазки, и они ни с того ни сего забегали со скоростью неугомонного хомяка в колесе.

— Никак новенькая репетиторша пожаловала, — хмыкнула она, натянув дежурную улыбку и отложив в сторону журнал. — Так-так!

Я поздоровалась, представилась; признаюсь, чувствовала себя пнём, на котором цветы растут, — ох, уж эти изучающие взгляды.

— Для тебя я Софи — мы с тобой вроде бы ровесницы, а первые две репетиторши звали меня София Томасовна — они мне в дочки годились. — Сказала она, не прекращая пристально рассматривать, казалось, каждую запудренную черную точку на моём носу.

Я купила целый пакет разнообразных продуктов, София только успевала щелкать на калькуляторе; потом сбилась, попросила меня всё выложить на прилавок и заново пересчитывала, а мне не оставалось ничего делать, как молчать и наблюдать за этой загадочной женщиной. Было в ней что-то неуловимое, какая-то вдовья аура, а вместе с тем непропорциональные черты лица и залызанные назад, окрашенные в черный, волосы. Вместо того чтобы скрывать недостатки, София их выставляла напоказ: лицо в форме груши; открытый высокий лоб; густые, лезвием частично обритые, брови; толстые красные губы. Ей бы чёлку и нейтральную помаду, — подумала я, — неужели она не смотрит на себя в зеркало?

— Ты здесь не продержишься и двух месяцев, — вдруг сказала София, устремив на меня жгучий взгляд.

— Почему ты так думаешь? — спросила я заинтриговано. Неужели Вероника и впрямь исчадие ада?

— Я это поняла сразу, как только мне рассказали, что видели «новенькую учительницу» с Хосе Игнасио. Вы *уже* заварили кашу *одним* своим приездом; из-за вас посёлок окончательно лишится спокойствия, потому что Вероника не устоит перед соблазном помыкать вами как марионетками. Ей доставляют удовольствие чужие страдания. Она будет смеяться, а ты хлебнешь горя, как те две несчастные до тебя; как я; я тоже жертва этой жирной стервы, и я никогда не прошу ей своих бед.

Я видимо застыла как истукан, переваривая информацию, — София поняла, что шокировала меня, но продолжила изливать душу:

— Она разбила мою семью, увела мужа, разорила, выставила на посмешище! Из-за неё мне приходилось голодать, отправлять детей в школу, не накормив завтраком, давая им на двоих лишь кусок черствого хлеба с вареньем, а она каталась с моим мужем по городу,

кувыркалась в гостиничных номерах, попивая шампанское. Он тратил на неё семейные деньги, не думая о детях. Когда шахту закрыли, начал выносить из дому вещи: по дешевке распродал моё золото, забрал телевизор и даже чугунную сковородку — единственное, что у меня оставалось от бабушки, царство ей небесное. Слава Богу, ей не довелось увидеть, в кого превратился мой Ян. Он опустился ниже плинтуса: у него то белая горячка после перепоя, то малярия от недопоя. Она высосала из него все соки как ненасытная вампирша, вытерла ноги и бросила подыхать под забором. Вот кто такая Вероника Намистина! И горе любому кто встанет у неё на пути — она обливает грязью, но при этом всегда остается чистой, белой и пушистой, как гусь.

Каллиста Зиновьевна упоминала Вислюкова Яна, и мне стало не по себе.

— Софи, мне очень жаль, — неуверенно начала я, — но почему ты связываешь мой приезд и приезд Хосе Игнасио с началом чего-то зловещего? Я с ним никак не связана! С Вероникой у нас будут исключительно деловые отношения — не думаю, что она сможет мне навредить. Если только морально...

Не успела я договорить, как София подхватила:

— Конечно, морально! Убить то она тебя не посмеет, даже если у тебя с Хосе Игнасио что-то и будет, — рассмеялась она, — хотя ходят слухи, что Хосе Игнасио безнадежный импотент, но мало ли: что если столичные доктора починили его мужское достоинство, и он снова стал маленьким гигантом большого секса. А если серьезно, то Вероника как голодная крольчиха не побрезгует и вялой морковкой — Хосе Игнасио станет её идеей-фикс, вот увидишь, а ты, как третья репетиторша, — козлом отпущения.

Воцарилась тишина.

— Сколько с меня? — спросила я, желая как можно скорее выйти на свежий воздух.

София назвала сумму и тяжело выдохнула:

— Попомни мои слова, Даша. Не спроста ведь учителя из ближних городов не согласились давать частные уроки Намистиным. Вероника проест тебе мозг своей ревностью, если ты слишком близко подпустишь её к себе. Она обвинит тебя во всех смертных грехах и со скандалом прогонит, не заплатив и копейки. Будь с ней предельно осторожна.

Я поблагодарила Софию за предупреждение и, не заостряя внимания на её скептических прогнозах, попрощалась.

Уже темнело. Кое-где зажглись фонари. На улице ни души, и только из маленьких окон сочился мутно-оранжевый свет, напоминая, что за стенами этих домов все-таки есть люди. Поместье Намистиных светилось всеми окнами, у Хосе Игнасио было темно, но с трубы шел дым. Его серый поток растворялся в воздухе, и за ним проглядывалась черная и тяжелая, как уголь, туча, медленно проплывающая над такой же черной крышей.

Дружок встретил меня, виляя хвостом. Я бросила ему куриную лапку, и он так обрадовался, что чуть ли не сказал мне «спасибо», издавая протяжные звуки. Каллиста Зиновьевна забыла дать мне ключ от левого хода, и я вошла так же, как и днём — с её стороны. С порога я громко сообщила о своём возвращении, дабы не напугать старушку; сменила ботинки на плотные носки, подсвечивая мобильным телефоном как фонариком, и вскоре оказалась в жаркой натопленной комнате, наполненной запахом жареных блинов и сметаны. Каллиста Зиновьевна гремела посудой на кухне. На миг я подумала, что вернулась в родительский дом — как же мне не хватало этого грохота сковородок о металлическую раковину, скрежета печных колес и вида кочерги с раскаленным кончиком после прочистки

объятых пламенем колесников.

— Блинчики горяченькие будете? — заботливо предложила Каллиста Зиновьевна. — Ну-ка садитесь!

Прежде чем сесть за стол, мы разложили продукты по полочкам, и потом не вставали из-за стола до поздней ночи, раскладывая по полочкам интересные факты из жизни многих односельчан.

Il ne faut pas jouer avec le feu

Не следует играть с огнём.

Первым был Хосе Игнасио, как вы понимаете, — Каллиста Зиновьевна обещала и рассказала всё, что ей было известно о трагедии, случившейся семь лет назад. Пожалуй, я не буду вас утомлять лишними подробностями, и полтора часа переливать из пустого в порожнее, подпитывая рассказ излишними жалостливыми эпитетами, которыми Каллиста Зиновьевна чрезмерно злоупотребляла, и расскажу лишь самое важное:

Однажды Вероника пригласила Хосе Игнасио на празднование своего дня рождения. Среди гостей были: местная поэтесса — Оливер Лилия Владимировна; Яблочная Фаина Александровна — участковый лейтенант полиции; Зельева Эмма Руслановна — подруга Вероники, работает секретарём в поселковом совете; Дифирамбов Элфи Евгеньевич — депутат, глава поселкового совета, нынешний любовник Вероники; Бонитетов Джеймс Игнатович — бизнесмен, владелец магазина. Раньше этих людей связывали общие интересы, и они собирались у Намистиных довольно часто. Жена Элфи и муж Фаины Веронику недолюбливали, поэтому у Намистиных не появлялись вовсе; в будущем разногласия привели эти пары к расторжению браков. Остальные были и остаются свободными, поэтому им никто не запрещал дружить с Намистиными. О том шумном празднике долго сплетничали все, кому не лень, потому что каждый в тот злосчастный вечер содрогнулся от залпов оружия. Сначала был салют, ликование захмелевшей молодежи, а помимо приглашенных гостей, Вероники и Семёна, в поместье были и другие Намистины — тоже молодые любители повеселиться. Потом, когда гости окончательно захмелели, началось что-то непонятное. Опять же, Каллиста Зиновьевна не может утверждать, что именно так и было, ведь информацию в единый клубок сплела из разных ниток: что-то видела и слышала лично, что-то из рассказов очевидцев, а что-то лишь чьи-то догадки. Суть всей истории в том, что гости попарно разбрелись по поместью как козы по весенним рощам. Семён с Фаиной играли в шахматы, Джеймс и Лилия читали стихи, Элфи с Эммой во все горло пели «И снова седая ночь», брат Семёна помогал жене с грязной посудой, а Вероника с Хосе Игнасио любовались звездами в телескоп до тех пор, пока Вероника не обвила его шею руками. Потом они закрылись в одной из ванных комнат поместья, и о подозрительных звуках Семёну незамедлительно доложил брат, намекая на олени рога и прямо называя Веронику шлюхой. Семён взбесился и пошел на проверку, но ни в одной ванной комнате не нашел жену с молодым любовником — в поместье вообще было трудно кого-то найти, кроме Элфи и Эммы, выдающих себя ужасным пением. Пьяным же всегда кажется, что их голоса звучат ничуть не хуже эстрадных исполнителей. Семён, одолеваемый подозрениями, снял со стены в своём кабинете охотничье ружьё, зарядил двумя патронами и, пригрозив убить Хосе Игнасио, начал активные поиски, переворачивая в поместье всё вверх дном. Застать жену в объятиях любовника Семёну не удалось — Вероника, почувствовав опасность, вышла из комнаты для гостей, оставив Хосе Игнасио под кроватью. Семён заметил покраснения кожи вокруг губ Вероники, и началась сцена выяснения отношений. На крики сбежались все, кроме Хосе Игнасио. Как не пытались гости утихомирить Семёна, он не поддавался уговорам и не выпускал оружие из рук. Семён влетел в спальню для гостей и как только его ноги остановились рядом с кроватью, Хосе Игнасио выскользнул из укрытия и попытался

скрыться, опасаясь за свою жизнь. Семён грозился вышибить ему мозги. Фаина и Джеймс сдерживали друга как могли, Элфи и брат пытались выхватить ружьё, но в результате Семён с дюжей силой Геракла раскидал всех и погнался за Хосе Игнасио. Хосе Игнасио тогда было всего семнадцать, и он как трусливый заяц, поджал хвост, унося ноги от рычащего хриплым голосом рогатого льва. Он ни на миг не остановился в коридоре, не пытался найти свои туфли и босиком выбежал во двор. Бледнее луны лицо взмокло от холодного пота; мальчишка звал на помощь; в его криках было столько отчаяния, что у соседских старушек сердце кровью облилось. Он кричал, понимая, что его жизнь висит на волоске. Семён выбежал следом, он ругался хуже портового грузчика, угрожал, оскорблял, наставляя ружьё. Тоже босой он бежал по брусчатой аллее, дыша в затылок Хосе Игнасио коньячным перегаром. На середине аллеи Хосе Игнасио наколол ногу об острый осколок брусчатки и споткнулся. Он замешкался, оглянулся и, понимая, что скрыться не удастся, выставил руки вперед, словно это могло бы остановить выстрелы. Семён, не раздумывая, нажал на курок, и первая пуля черкнула Хосе Игнасио вдоль колена. Куда целился Семён, может сказать только он, а вторая пуля сказала лишь одно: Хосе Игнасио сполна поплатился за минуты удовольствия с замужней женщиной и впредь вряд ли сможет повторить подобное, потому что пуля зацепила его детородный орган. Он кричал в муках, съезжившись в луже крови, а Вероника смотрела на него стеклянными глазами, не проявляя никаких эмоций. Хосе Игнасио лечил старый поселковый доктор, он и вынес вердикт, что лечение бесполезно. Семёна длительное время таскали по судам родители Хосе Игнасио, но адвокаты, мотивируя состоянием аффекта, добились смягчения приговора, и Семёну дали три года условного наказания. Семён рассорился с братом и выплатил ему энную сумму за отказ от права на наследство. Таким образом, Семён стал единственным законным владельцем поместья своего прадеда. Вероника гордилась этим поместьем, и какое-то время вела себя скромницей-затворницей, но со временем они заключили договор свободных отношений, что-то вроде контракта, в одном из пунктов которого упоминалось, что ни Вероника, ни Семён не имеют права обвинять друг друга в измене, ибо они позволяют друг другу полную свободу действий. В случае если кто-то потребует развод, то Семён обязуется обеспечить Веронике и детям безбедное существование, независимо от того, есть ли у Вероники любовник или нет, но это не означало, что Вероника не ревновала и не устраивала сцен, как и Семён. Измены и ссоры, казалось, этой парочке шли только на пользу.

Il vaut mieux être seul que mal accompagné

Лучше одиночество, чем плохое общество.

Каллиста Зиновьевна поведала мне и другие не менее интересные истории, но все они были самыми, что ни на есть, настоящими сплетнями. Придёт, конечно, время вспомнить и о них, но пока я продолжу свой рассказ.

На следующее утро я чувствовала себя слабой и утомлённой, словно проснулась, не успев уснуть. Кто-то скажет, что на новом месте всегда так, но со мной такое было впервые. Возбуждение и вялость как два потока слились в один ужасный вихрь; меня колотило изнутри; нехорошие предчувствия лезли в голову; я боялась Веронику. Именно боялась. Страх овладевал моими мыслями, и когда через стенку донесся слабый шорох, я вздрогнула так, как будто это ручища Вероники тянулись ко мне, чтобы удушить прямо в постели. Но пока я одевалась, я убедила себя, что нет причин для беспокойства, что видимо с возрастом я стала чрезмерно впечатлительной, что дело лишь в чужой кровати и в том, что накануне мы допоздна болтали, вместо того чтобы лечь спать. Но всё-таки с моей психикой что-то творилось, будто кто-то порчу навёл или сглазил.

В доме было прохладно, хотя вчера Каллиста Зиновьевна протопила две печи. Настала моя очередь, и в последующие дни я взяла эту обязанность на себя, также я проявила инициативу и предложила вывезти скопившуюся золу — жужалку, так местные её называли — на мусорную свалку. Каллиста Зиновьевна еле ходила, поэтому во дворе выросла чуть ли не египетская пирамида. В сарае я отыскала тачку, лопату, и, не боясь испачкаться, нагрузила тачку доверху золой и, захватив фотоаппарат, отправилась вверх по улице в сторону леса.

Утро было чудесное! Пели птицы, а чем ближе я приближалась к лесу, тем звонче были их голоса. Тачка ничуть не обременяла меня, и я наслаждалась ароматным дыханием весны, щебетанием птиц и предвкушением первой фотосессии. Избавившись от золы, я оставила тачку недалеко от свалки и пошла по тропинке. Вокруг никого. Далеко заходить я не собиралась, поэтому не переживала, что тачке приделают ноги.

К моему изумлению вся широкая поляна до первых редких деревьев была устлана желтыми солнечными цветочками. На нежных лепестках светились капли росы; я фотографировала эту красоту со всех ракурсов, приближая и отдаляя объектив, экспериментируя с режимами; лес манил меня, и я шла как зачарованная, останавливаясь перед муравейником, причудливыми цветами, молодым орешником с сочно-зелеными листиками. Я делала макро- и микроснимки, панорамы, не захватывая в кадр постройки, — только живая природа. Под дубами тонкой лентой вился ручей с кристально чистой водой; под бурлящим потоком неподвижно лежали горчичные камешки, гладкие как морская галька; я перебралась по ним на другую сторону. В овражке буйно цвели примулы — синие, нежные, их было целое море! Я фотографировала их по отдельности, кучками, на фоне ручья. Уходить не хотелось! Тачка всё ещё стояла, а мои глаза разбегались. Сделав несколько шагов в сторону густой чащи, я увидела крохотные фиалки. Пробежал фазан, торопясь укрыться. Я замерла как заяц, и он тоже. На снимке он получился великолепно! Жаль, что не захотел позировать и затерялся в глубине леса.

Я настолько увлеклась фотографированием, что не обратила внимания на

приближающуюся темную фигуру. Незнакомец заговорил со мной спокойнейшим голосом, а я опять вздрогнула с перепуга.

— Не помешаю вам? — спросил он, остановившись в паре шагов. — Мы с вами еще не знакомы. Вы ведь Дарья? Забыл отчество.

— Дарья Леонардовна, — ответила я и выключила фотоаппарат.

Настроение фотографировать улетучилось как утренняя свежесть под назойливыми солнечными лучами. Передо мной стоял высокий худой мужчина в комбинезоне и ватнике расцветки хаки, в черной шапке и начищенных ботинках. Хорошо, хоть без ружья, — подумала я. Кто это, я угадала сразу — «знаменитый глава семейства Намистиных», наверно косуль пришел кормить, а тут я цветочки фотографирую. Ничто в его внешности не показалось мне привлекательным — серый человек с серыми глазами, покрасневшей жирной кожей, тонкими искривленными губами, козлиной бородкой и дерзким насмешливым взглядом, присущим самоуверенным личностям. Он подошел вплотную, и я учуяла запах сигарет, а вместе с тем разглядела воспаленные прыщи, угри и аллергические пятна на лице.

— Намистин Семён Романович, — он театрально поклонился и ловко без малейшего стеснения в один миг преподнес мою руку к своим некрасивым обслюнявленным губам и оставил на ней мерзкий влажный поцелуй, пощекотав бородой, жесткой как щетка по металлу, мои дрожащие пальцы. Фу! Мне тотчас захотелось сполоснуть руки в ручье, а еще лучше вымыть с мылом в горячей воде.

— Не делайте так больше! — выпалила я. Перед глазами всплыл образ надутой и свирепой Вероники, и предупреждение Каллисты Зиновьевны набатом зазвучало в висках: *«Не подпускайте на пушечный выстрел к себе мужчин Вероники. Ни бывших, ни настоящих».*

Семён воспринял мои слова несерьёзно:

— Разве в этом невинном поцелуе есть что-то дурное? — спросил он, гипнотизируя меня взглядом.

Я вытерла руку о юбку и вдруг ужаснулась сильнее прежнего — я стою в лесной чаще наедине с совершенно незнакомым мужчиной; из-за деревьев с трудом проглядываются крыши домов; тачка Каллисты Зиновьевны выпала из поля зрения; если я закричу, то кроме зайцев и другой живности никто не услышит.

— Нет, — ответила я, отступая назад, — но впредь, пожалуйста, не вгоняйте меня в краску, и вообще я испугалась. Почему бы вам не отправиться по своим делам?

— Простите, Даша, я не хотел вас напугать! — он пожал плечами, и выставил в ехидной улыбке пожелтевшие от никотина и крепкого кофе передние кроличьи зубы.

— Мне нужно идти, Семён Романович. До свиданья, — попрощалась я.

— До свиданья, Дашенька! Буду рад видеть вас у нас в поместье! Простите, что помешал и напугал, — кричал он вдогонку, а я шла не оглядываясь; летела как сумасшедшая, натываясь на торчащие из-под земли сучки; они будто выросли за полчаса — когда я шла вперед, то ни разу ни на что не наткнулась.

Мы встретились и вечером. Он был опрятно одет, но по-прежнему отвратителен.

После уроков с Филиппом и Кириллом, Семён, совершенно позабыв о сдержанности, схватил меня за руку и не позволил сразу уйти, настойчиво уговаривая познакомиться со своей одноклассницей и подругой детства — Яблочной Фаиной Александровной, которая недавно пришла сразиться с ним в шахматы, как он выразился. Вы уже слышали это имя: Фаина была

среди гостей в поместье Намистиных в злосчастный вечер, исковеркавший судьбу Хосе Игнасио. Тогда они тоже играли в шахматы.

Сначала я отнекивалась, но Семён пристал как банный лист, и я не смогла придумать достаточно веские причины, чтобы улизнуть, не встречаясь ни с участковым в юбке, ни с Вероникой без лишней надобности. Но внезапно меня осенила одна мысль — я то добровольно-принудительно надела юбку по самую щиколотку, и мне интересно было узнать, в какой юбке ходит эта Фаина — столь близкая подруга Семёна. Только по этой причине я не уперлась как баран и согласилась пойти с Семёном в гостиную (уроки я проводила в детской комнате на втором этаже).

Аvec le renard on renarde

С воронами летать — по-вороньи каркать.

Вероника, Эмма и тогда еще незнакомая мне Фаина пили кофе с коньяком и перемывали косточки Хосе Игнасио, а вернее строили догадки: *стоит* — не *стоит*. Как только я вошла в комнату, их голоса резко умолкли; Вероника недовольно опустила уголки губ и подняла подбородок, выражая немой протест против моего присутствия, как мне показалось.

— Фаина, — Семён подтолкнул меня ближе к столу, — это наш новый репетитор — Даша... Дарья Леонардовна, — поправился он.

Фаина приветливо улыбнулась. У неё улыбка как у голливудских актрис — белоснежная, а губы припухлые не тронутые помадой, но первый мой взгляд пал именно на губы, а не на подкрашенные глазки редкого фисташкового цвета. Она носила форму! Юбка ниже колена с разрезом сзади. Фаина выглядела ухоженно — странно, что Вероника не видит в ней соперницу, — пришло мне в голову. — К такой женщине и я бы ревновала! Каштановый каскад густых волос; свежая кожа; аккуратный носик; плавные неспешные движения; кошачья грация. Стало быть, к Фаине и к Эмме Вероника своего муженька не ревновала, если им позволялось появляться в доме в юбках и в обтягивающих джинсах. Почему же мне она поставила условие носить длинную юбку? Возможно, кто-то другой не должен был видеть моих ног? — подумала я. — Но ведь вне этого дома я могла спокойно носить юбку любой длины. Стало быть, мои ноги Вероника спрятала под юбку всё-таки из-за Семёна.

Голос Фаины звучал задорно:

— Рада знакомству!

Вероника жестом пригласила меня присесть; Семён, не найдя лучшей темы, без умолку хвалил сыновей за хорошие оценки по математике; Эмма вышла и вскоре вернулась с чашкой для меня. Она сделала мне кофе без сахара, Семён предложил добавить немножко коньяка в чашку; я не отказалась — не успела бы. И вот мы — четыре женщины и один мужчина, удобно уселись вокруг стеклянного столика. На нем лежала шахматная доска, разбросанные фигуры, полупустая бутылка коньяка, сладости, блюдца и ложечки, вызывающие неприятные чувства.

— Фаина принесла нам забавное известие, — обратилась Вероника непонятно к кому с глумливым смешком, — Джеймс Бонд спит с продавщицей!

Семён затряс своей козлиной бородой, корчась от смеха; я ничего не поняла, кроме того, что от скуки Вероника и её подружки только и занимаются тем, что строят козни и сплетничают.

— Джеймс Бонд — это Бонитетов Джеймс Игнатович — чопорный джентльмен! Даша вы с ним еще не встречались? — спросила Эмма.

— Она вчера только приехала, Эмма, — Вероника с укором посмотрела на неё.

Слушать сплетни в этой малоприятной компании не хотелось, но кофе был вкусным, а глаза Фаины так любезно поглядывали в мою сторону, что я осталась ненадолго, дабы присмотреться получше к этой «великолепной четверке». Из всей шелухи, я имею в виду массу лишних слов, сарказм и черный юмор, я отделила несколько интересных эпизодов,

связанных с именем Бонитетова Джеймса:

Прошлым летом Семёну Намистину пришла в голову гениальная идея открыть в старом клубе, где во времена его детства были танцы, какое-нибудь современное увеселительное заведение. Подобная идея возникла и у владельца местного магазина, где бесменно работает София, — Бонитетова Джеймса. Между молодыми людьми разгорелся конфликт за право воплотить свою идею в жизнь. Делить площадь на двоих Семён категорически отказался и обманным путем переубедил вышестоящие органы пойти ему на уступки — так в посёлке появился боулинг-клуб, приносящий по меркам Вероники больше расходов, чем прибыли. Но если вспомнить, что прибыль это разница между доходом и расходом, то получается, что боулинг-клуб убыточным вовсе не являлся. Если честно, меня удивило, почему ссора произошла из-за участка со зданием в аварийном состоянии — вокруг гектары свободной земли: берите и стройте, открывайте новые рабочие места, возрождайте посёлок, но нет же — мужчинам нужна была лишь победа. Семён — победитель, а Джеймс — проигравший. После неудачи Джеймс на людях назвал Семёна вором и грозился спалить боулинг-клуб, за что получил по зубам и с тех пор стал объектом издевательских шуточек со стороны Намистинных и их окружения. Так, на этот раз Фаина красочно описала, как Джеймс и София страстно целовались за прилавком. А ведь раньше Намистины дружили с Джеймсом Бонитетовым — он в свое время чуть ли не вырывал ружьё из рук Семёна, чтобы тот не пристрелил Хосе Игнасио, но дружба в прошлом — в настоящем Джеймса воспринимали как шуту горохового.

Умом никто из этой «великолепной четверки» не блистал. Да, Семён мог зарабатывать деньги и содержать поместье в прекрасном состоянии; Фаина была лейтенантом полиции; Эмма красавицей-секретаршей у любовника Вероники; Вероника — домашней кошкой; а всех четверых объединяла одна болезнь — мания посплетничать.

Когда мне надоело слушать их колкости, я попросила Эмму провести меня через аллею, но Семён изъявил желание проводить меня лично. Вероника сверкнула глазами и сжала губы, но не остановила мужа. Я попросилась со всеми, и пошла с Семёном — ломаться как девочка и настаивать, чтобы меня провела Эмма, я не стала. Пусть думают, что хотят. Наверно, коньяк хоть и в малой дозе, но в голову ударил, потому что на улице я уже пожалела, что не отказалась от провожания Семёна. Он шел медленно, держал меня за руку и надоедливо извинялся и за утро, когда напугал меня, и за своих «дамочек, проглотивших смешинку», и всё время называл меня «Дашенька». Когда наконец-то он закрыл за мной калитку, я вздохнула спокойно. До чего же он навязчивый, нудный и к тому же ужасный слюнтяй.

Это его слащавое «Дашенька» слышалось мне днем и ночью; я не высыпалась; голова шла кругом от очередных порций сплетен и навязчивой любезности Семёна Намистина. Вскоре нервное возбуждение начало сказываться и на здоровье; Каллиста Зиновьевна из-за меня даже попросила соседку-поэтессу — Лилию, привести Хосе Игнасио. Ничего серьезного, но я не смогла встать с постели при всём желании — слабость была вызвана низким давлением, а низкое давление — опять будто *сглазом* или *порчей* какой-то ревнивой особы. Я встречалась с Хосе Игнасио нечасто, но мы провели вдвоем несколько романтических вечеров, прогуливаясь по живописным окрестностям. Как старые добрые друзья, хочу заметить, но всё-таки в воздухе пахло весенней нежностью, и мы затрагивали и щекотливые темы, но об этом никто не мог знать. Мы не афишировали свиданий и встречались тайно, если это слово уместно, принимая во внимание, что в посёлке работало

сарафанное радио. Вероника не упускала возможности больше меня уколоть, намекая, что я и Хосе Игнасио любовники. Я даже подумала, что это *она* навела на меня порчу.

Amour peut beaucoup, argent peut tout

Сильна любовь, да деньги сильнее.

Намистины подолгу не выходили у меня из головы. Дни шли; я вела уроки.

Аромат весенних цветов вперемешку со сладкими восточными духами Вероники наполнял её дом. В приоткрытое окно влетал легкий ветерок, принося с собой пьянящий запах белых абрикос, балеринами выстроившихся на заднем дворе поместья. Из детской комнаты были видны их пышные наряды — легчайшие, как фата невесты, и омытые свежими каплями слепого дождя. В росинках отражались солнечные лучи, и абрикосы-балерины за прозрачным занавесом гипюровых гардин блистали как в лучах прожекторов. Я вела уроки, не упуская возможности смотреть в окно, но думала не о том, как красива природа, а о «великолепной четверке».

Вероника, постоянно чем-то недовольная, вела себя крайне непредсказуемо. То делала всё возможное, чтобы я чувствовала себя белой вороной, то наоборот старалась увлечь в круговорот интриг, обсуждая в моём присутствии свои любовные похождения. Слышали бы вы, с каким жаром она говорила о Хосе Игнасио однажды, когда после окончания уроков Эмма опять пригласила меня на чашечку кофе!

Отпивая по глотку кофе с коньяком, вальяжно развалившись в белом кресле, застеленным желто-молочной накидкой с узорами тропических пальм, Вероника, как царица смотрела сквозь меня с довольной улыбкой, потом вскакивала и, закрывая глаза, массировала виски, отложив чашку, словно страдала от мигрени. Определенно, понять Веронику было невозможно. Не буду повторяться и описывать одно и то же событие (о том вечере, когда Семён стрелял в Хосе Игнасио) дважды: версия Вероники звучала более фривольно — с подробностями эротического характера, но, по сути, ничем не отличалась от представления Каллисты Зиновьевны.

— Дарья Леонардовна! — Вероника всякий раз тормозила меня, когда я никак не реагировала на её реплики. На этот раз я опять отвлеклась. — Что вы думаете о супружеской неверности? — она повернулась ко мне лицом, сдерживая хитрую улыбку.

— В вашем случае, — я наградила её выразительным взглядом, — это лекарство от скуки! Не так ли?! Вам бы направить свободную энергию в освоение какой-нибудь профессии, заняться полезным делом! — не знаю, что на меня нашло, но я вслух сказала о том, что подумала.

Вероника расхохоталась, привстав с кресла:

— Тоже мне еще! — сказала она. — Для освоения профессий и полезных дел есть те, у кого недостаточно денег для того, чтобы жить так, как им хочется! Я не говорю о детях — им необходимо учиться. Я надеюсь, что мои сыновья станут прокурорами, судьями; у них будет стимул к чему-то стремиться. А я... у меня всё есть, и эта жизнь меня вполне устраивает. Устраивает, когда есть пища для ума: новости, сплетни, тайные свидания, вот такие разговоры обо всём и ни о чем.

— Да, это и есть лекарство от скуки, — в разговор влилась Эмма, соглашаясь с моей точкой зрения. Как это они на меня не набросились за это сравнение и попытку поучать, кому что делать? — Я тоже задумывалась об этой поселковой жизни, — продолжила Эмма, — но кто знает, возможно, в городе нам потребовалось бы лекарство от других

недугов.

— Лекарство от людей! — выпалила Вероника. — Их там столько, что хочется галопом бежать назад в эти скучные стены. Дарья Леонардовна, — она снова устремила на меня хитрый кошачий взгляд, — вам Каллиста Зиновьевна уже всё рассказала о моих любовниках?

Всё? Как можно рассказать всё?

— А у вас есть любовник? — прикинулась я чайником.

— Неужели самой старой сплетнице посёлка сорока на хвосте еще не принесла это известие?! — с сарказмом произнесла Вероника. — Дарья Леонардовна, вы лукавите!

— А разве можно верить каждой сороке?

— Можете поверить мне! Мэр Элфи любит меня и хочет стать моим законным мужем.

Он настаивает на разводе, а я вожу его за нос. Дело в том, что я не хочу ничего менять, если не считать мужчин — некоторые из них приедаются уже через пару месяцев, не говоря о том, чтобы не приесться за долгие годы. Элфи — пылкий любовник, — она прямо расцвела, говоря о нём, — темпераментный, щедрый, с чувством юмора. Мы давно дружим, а после того, как его истеричка-жена уехала к родителям в город и подала на развод, наши отношения приняли другой поворот. Мы встречаемся три раза в неделю во время обеденного перерыва! — её распирало от чувства восторга. Глаза сверкали как у кошки в ночи.

Что за женщина! Зачем она всё это рассказывает мне — неужели хочет вовлечь в свою компанию? Я мысленно вернулась к списку друзей Намистиных (если отталкиваться от истории с Хосе Игнасио): брат Семёна с семьей покинули поместье; Хосе Игнасио оказался искалеченной игрушкой и после одного вечера в их обществе больше с ними не контактировал; Джеймс Бонитетов из друга стал недругом, а вместе с ним и поэтесса Лилия Оливер отгородилась от старых друзей; мэр Элфи из друга перекочевал в любовники. Из прежней компании осталась лишь «великолепная четверка»: Семён, Вероника, Эмма и Фаина. Элфи приходил лишь тогда, когда Семёна не было дома, предпочитая не смотреть ему в глаза.

Одиночество. Вероника утверждала, что ей одиноко в двухэтажном шикарном доме с четырьмя ванными комнатами, библиотекой из трехсот книг, с богатым мужем и двумя замечательными активными мальчиками, с Эммой, из которой она сделала прислугу, с Элфи, который, похоже, околдован её духами больше, чем её красотой и нравственностью. Мне тоже раньше было одиноко, но я оставалась в однокомнатной квартире наедине с тетрадами, у меня не было ничего кроме форума с виртуальными друзьями, но обо мне, как и о Веронике, распускали чудовищные слухи. С одной лишь разницей — Вероника гордилась тем, что о ней говорят, словно разговоры были напоминанием, что она еще жива.

— Элфи решительно настроен, — повторила она, нарушив воцарившееся молчание. Мне показалось, что Эмма была озадачена её словами; я и сама не понимала, к чему она клонит. — Разве я могу покинуть это имение? Нет!

Стало быть, в её душе нарастал бунт — одна часть боялась перемен, а другая — боялась прожить в золотой клетке до конца своих дней.

— Дарья Леонардовна, — продолжала Вероника, — если бы я по-настоящему любила Элфи, то уехала бы с ним хоть на край света; забрала бы детей; Семён перечислил бы на мой счет кругленькую сумму — у нас контракт; я бы... — она замолчала. Я увидела Веронику другой, и эта Вероника вызывала сочувствие. Не столько, сколько Хосе Игнасио со своим увечьем, но я её понимала чисто по-женски. Она несчастна.

Долив в остывший кофе немного коньяка, она обратилась к Эмме:

— Нет! Я не брошу тебя, моя девочка, — она коснулась её руки, и была в этом жесте и нежность, и страсть, будто с Эммой Веронику связывает не только дружба. — Элфи переберется; он не посмеет всё решать за меня.

Что решать? Почему Элфи бесится? — Вероника сразу не уточнила, а я спросить не осмелилась, но позже мне всё стало ясно. Мы продолжили пить кофе, завели разговор об уроках, о фотографиях — Вероника попросила в следующий раз принести флешку для просмотра снимков на мониторе. Потом разговор прервался — Веронику явно что-то беспокоило.

— Я хочу попросить вас об одной услуге, — сказала она взволнованно. — Вам не составит труда помочь мне; от вас требуется только одно — рассказать Каллисте Зиновьевне о том, что я вам сейчас скажу, а для лучшего результата убедите её вечером выйти на прогулку — она со своими больными ногами что-то совсем не выходит сплетничать с местными старухами.

Я похолодела от таинственного тона, а Эмма и вовсе покусывала губы вся белая, как мел.

— Вы ведь понимаете, что я не хочу ничего менять? — спросила меня Вероника. Я кивнула. — Элфи превосходный человек, но я не хочу разводиться с мужем! Я не люблю этого тощего слюнявого бульдога, но не хочу, чтобы после развода он достался другой женщине; не хочу, чтобы моё место заняла другая; я хозяйка поместья Намистиных и пока я жива никто не будет здесь хозяйничать вместо меня. Но Элфи вбил себе в голову, что мы должны узаконить отношения. Ну, не чудак ли?! Он не поддается уговорам, и боюсь, как бы он не решился на убийство. Понимаете меня? Элфи замышляет сделать меня вдовой, чтобы сохранить и мои интересы, и свои! Но я не хочу менять шило на мыло.

— Вы думаете, если сплетни разлетятся по посёлку, то ваш любовник откажется от своего замысла? — спросила я. Странно, что Вероника и Эмма сами не распустили эти слухи и с помощью меня решили воспользоваться Каллистой Зиновьевной, — подумала я в ту минуту.

— Я не вижу другого способа вразумить Элфи, — ответила Вероника. — Пусть всё остается как есть — на чужом несчастье счастья не построишь, так ведь?! У Каллисты Зиновьевны язык как помело — если она сегодня выйдет с этой новостью к своим подружкам-сплетницам, то завтра в посёлке все будут знать о намерении Элфи, и он не посмеет запятнать свою депутатскую репутацию. Только ни слова старушке, что это моя просьба, договорились?

— Договорились, — согласилась я, считая, что не лишним будет предотвратить убийство, если Элфи действительно всерьёз задумал избавиться от соперника.

L'amour ne se commande pas

Насильно мил не будешь.

Всё было сделано, как просила Вероника. Семён был жив-здоров и не упускал возможности при каждой встрече оказывать мне ненужные знаки внимания. Я его избегала.

После занятий каждый вечер я шла на край посёлка и прогулочным шагом бродила, любуясь закатом над речкой. Я не боялась встретиться с Семёном, сделав опрометчивый вывод, что вечера он проводил либо в боулинг-клубе, либо дома. По крайней мере, никто не упоминал, что Семён кормит косуль и вечером.

Был один из таких вечеров. Солнце с каждым днём садилось всё позже, продлевая волшебные минуты наслаждения зарей. Я свернула с дороги и не заметила, как оказалась на тропе между густыми кустами акации вперемешку со стройными дубами, дикими яблонями и боярышником. В руках то и дело сверкал фотоаппарат — вечерние снимки получались необыкновенно красивыми — даже сухая травинка на фоне заката. Я шла по тропе; она вела не в глубь леса, а кругом и к реке. В тишине пели птицы; тепло; спокойно. Я забывала обо всем. Шла, останавливаясь у каждого причудливого дерева, у пня, поросшего мхом; заметив на ветке птицу, приближала объектив и делала фотографии, шикарные и без специальных эффектов. Но вдруг где-то за спиной послышался хруст ветки, я испугалась и поторопилась выйти на открытую местность. Ветер шелестел камышами недалеко, и я метнулась к реке, сама не знаю, почему, ведь можно было вернуться назад. Но там ведь что-то хрустнуло.

Мрачные картины рисовало воображение; неосознанно я перешла на бег; бежала от чего-то призрачного, а натолкнулась на черную фигуру, выходящую из камышей. Я закричала от страха и, резко развернувшись, побежала назад. Солнце уже почти скрылось, и тонкие лучи едва выглядывали сквозь длинную узкую тучу фиолетово-стального цвета, в форме кухонного ножа для разделки мяса.

— Дашенька, не бойтесь — это я! — раздался знакомый голос, но я не думала останавливаться.

Семён побежал за мной и, догнав, упрямо преградил путь. Мы оба тяжело дышали. Темнело.

— Вы что, преследуете меня? — спросила я, не отдышавшись. — Зачем погнались за мной?

— А зачем ты убегала? Ты же знала, что это я, — он подхватил меня под локти своими костлявыми пальцами и сжал, взволнованно теребя.

— Поэтому и побежала? И уберите от меня руки! — опять крикнула я.

Он не послушал и еще сильнее сдавил руки, пристально всматриваясь в мои глаза.

— Глупенькая! — прошептал он на ухо, и меня словно обожгло горячим дыханием. Щеки запылали. — Расслабься! Я не обижу. Если позволишь, приласкаю, и ты потом бегать будешь не от меня, а за мной.

— Нет уж, лучше я побегаю от вас! — я вырвалась и опять побежала, понадеявшись, что смогу бежать быстрее, чем он.

— Эти игры во мне только страсть разжигают, душенька моя, — рассмеялся он.

Семён схватил меня железной хваткой и, заключив в объятия, уткой вытянул вперед свои мерзкие губы и попытался коснуться ими моих, но я выворачивалась как могла.

— Прекратите! — взбешенно я начала брыкаться и вырываться, но он лишь напористее прижимался животом, и его затвердевшее мужское начало ярче всех слов подтверждало намерения.

— Я заплачу за твою стоворчивость, — прорычал он, а потом спокойнее добавил, — назови сумму. — Его скользкие губы заслюнявили мне обе щеки, он присосался к мочке уха и запустил руку под куртку. — Оклад? Два? Ну же! Соглашайся!

— Помогите! — заорала я во всё горло.

Его рука закрыла мне рот.

— Не смей кричать! Иначе я приласкаю тебя по-быстрому; ты ничего не почувствуешь и только сорванное горло назавтра напомнит об упущенной возможности получить и удовольствие, и деньги.

Я ничего не могла с ним сделать. Ни шелохнуться, ни оттолкнуть. Он еще крепче обнял меня, и его губы — фу! — впились в мои ненасытным поцелуем. Слюни текли по подбородку; меня чуть не стошнило, а он вдобавок ко всему еще и вывалил свое хозяйство — я разревелась и стала умолять его отпустить меня, и — спасибо Господу — за спиной раздался голос:

— Отпусти её или от твоего члена останутся лишь два мешка воспоминаний.

Семён ослабил хватку, я оглянулась. В руке Хосе Игнасио блеснул серебристый пистолет. Щелкнул затвор, и Семён живёхонько натянул штаны.

— Щенок! — прорычал он. — Ты не посмеешь!

— Почему же? Ты ведь посмел.

— Я был пьян, и Вероника моя жена. Скажи спасибо, что я не убил тебя, сопляк.

Воспользовавшись случаем, я метнулась к Хосе Игнасио и повисла на нём, уткнувшись носом в плечо.

— Пусть он уйдет, — попросила я.

— Нет! Я не отпущу его просто так, — Хосе Игнасио обнял меня, продолжая держать Семёна на мушке.

— Опустить свой дамский пистолетик, если не хочешь неприятностей. Ни один адвокат не оправдает тебя — не тот случай, — заявил Семён и шевельнулся, чтобы развернуться, но тут раздался выстрел.

— Стоять! — потребовал Хосе Игнасио.

У меня задрожали колени, а ноги потяжелели, будто по жилам тёк расплавленный свинец. Бросило в жар, я протерла выступивший на лбу пот. Не представляю, что творилось с Семёном, — он снова стоял к нам лицом. Выражения его лица я не могла разглядеть — заря погасла, а молодой месяц заволокли дождевые тучи.

— Немедленно извинись перед Дашей, — продолжил Хосе Игнасио, — я не шучу.

— Окей, я вижу, что ты окончательно спятил, ботаник с заштопанным пестиком, но знай, ты еще пожалеешь, что осмелился вернуться и угрожать мне расплатой. Я этого так не оставлю.

— Не слышу извинений! Ну же, давай извиняйся и уходи пока цел.

— Прошу меня простить, Дарья Леонардовна. Не знаю, что на меня нашло, но клянусь... если бы не этот щенок, меня ничто не остановило бы. Может, *вам* не стоит гулять в одиночестве? Подумайте! Ведь в следующий раз поблизости может не оказаться никого, кто пришел бы *вам* на помощь, — он замолчал, но не сдвинулся с места. — Всё? Я могу идти?

— Уходите! — ответила я, скорее умоляя, нежели приказывая.

Хосе Игнасио опустил пистолет.

— Да, извиняться, конечно, тебя не научили, ну да ладно — ты можешь идти.

Семён развернулся и молча пошел прочь.

— Уходим! Уже темно, — я взяла Хосе Игнасио за руку и мы быстрым шагом направились к освещенной фонарями улице.

— Почему ты забрела так далеко? Ты ведь раньше не гуляла по этой дорожке? — спросил Хосе Игнасио, нежно сжимая мою ладонь.

— Я не гуляла и по дорожке, которая ведёт в глубь леса, а хотелось сходить и туда, посмотреть, как там красиво и сделать еще сотню новых снимков. Впредь я даже днём не рискну сюда ходить — похоже, Семён не из тех, кто легко отступится от намеченной цели, а он уже две недели подбивает ко мне клинья. Во время вечерних прогулок я его не встречала, поэтому со спокойствием удава свернула на эту дорожку. Обычно он по вечерам уходил в свой боулинг-клуб или дома играл с Яблочной Фаиной в шахматы. Правда, всегда находил возможность поговорить со мной, когда я приходила давать уроки. Как же он мне омерзителен! Не хочу даже думать, что бы было, если бы ты не появился.

— Всё позади, — успокаивал меня Хосе Игнасио. — Если хочешь, в воскресенье сходим в лес. Я покажу тебе свою любимую поляну. Там сейчас уже наверно вовсю цветут желтые тюльпаны и котики-ротики, а еще там можно понаблюдать за косулями, пьющими воду из ручья.

— С удовольствием! — согласилась я, но цветение желтых тюльпанов я всё-таки пропустила по непредвиденным обстоятельствам.

Il n'y a pas de roses sans épines

Нет розы без шипов.

— Я сегодня был у Миа, — после короткой паузы заговорил Хосе Игнасио.

Об этой юной смуглянке с черными косами я была наслышана и от него, и от Каллисты Зиновьевны. Миа жила на второй улице в арендуемом доме; дом её бабушки был не пригоден для жилья. Миа работала медсестрой в местной поликлинике. Кроме её и Хосе Игнасио не осталось ни одного медицинского работника — всех сократили, не считая старого доктора, которого и сменил Хосе Игнасио. Каллиста Зиновьевна о Миа отзывалась нелестно. С её слов, она росла капризной, избалованной девчонкой, злопамятной и недоброжелательной. Я с Миа за первые две недели своего пребывания в посёлке не встречалась ни разу, но, основываясь на ту информацию, которой со мной делились и Каллиста Зиновьевна, и София, и даже Эмма, я сделала вывод, что дыма без огня не бывает, и Миа, на самом деле, неординарная личность. На мой взгляд, её неординарность заключалась в первую очередь в замкнутости и твердом характере — она как одинокая волчица никого к себе не подпускала, а тех, кто пытался влезть в её пространство, резко отбрасывала назад, конечно, не без исключений. Верить потоку сплетен, которым местные обливали каждого, я отказывалась, но не только от Каллисты Зиновьевны я слышала, что Миа в прошлом была любовницей Семёна Намистина, и более того несколько месяцев назад она якобы сделала аборт, и с тех пор при встрече не здоровается ни с Семёном, ни с Вероникой. Хочу упомянуть еще один интересный случай, связанный с Миа. Каллиста Зиновьевна как-то застала с ней своего несовершеннолетнего внука — догадайтесь, чем они занимались? Миа тогда было тринадцать, и Каллиста Зиновьевна за руку привела её к бабушке, рассказав, за каким пикантным делом застала подростков. Миа всё отрицала, плакала и твердила, что это неправда; тогда Каллиста Зиновьевна поклялась крестом, и бабушка Миа строго наказала девочку. С тех пор Миа и стала замкнутой, жесткой и неприветливой.

— У неё есть доступ к высокоскоростному Интернету, — продолжил Хосе Игнасио. — Я разостлал резюме по множеству адресов крупных клиник. Надеюсь, рано или поздно для меня найдется вакансия, и мне не доведется куковать в этом богом забытом посёлке. Ты бы поехала со мной?

Его вопрос застал меня врасплох.

— С тобой? — переспросила я.

— К сожалению, я пока не могу предложить тебе ничего кроме дружбы, и если ты откажешь, я всё пойму. Я неполноценный мужчина и не могу рассчитывать на семейное счастье, на тепло домашнего очага, я не могу дать женщине ту ласку, о какой вы все думаете, — он запнулся, и мне стало не по себе от сочувствия. — Если бы я мог, я бы сделал тебе предложение, как там говорят в романтических фильмах, руки и сердца, но из-за случая с Вероникой, я на всю жизнь калека, хоть с виду и не скажешь. Ты ведь знаешь, о чем я?

Мне неловко было говорить об этом, но я не могла притвориться и изобразить удивление.

— Семён поступил бесчеловечно, — сказала я, — и ни опьянение, ни состояние аффекта не оправдывают такого зверства.

— Я не держу на него зла. Бог ему судья. Я не знаю, как бы я поступил на его месте,

будь у меня ружьё под рукой, когда моя жена в моём же доме кувыркалась бы с другим, и будь я также пьян, — он тяжело вздохнул и умолк на секунду. Мне хотелось утешить его, обнять и поцеловать по-братски в щечку, но я не решалась. Хосе Игнасио почти в любви признался, и я боялась, сама не знаю, чего.

— Давай уедем вдвоём, — предложил он, остановившись, как только перешагнул с проселочной дороги на шлаковую. Свет фонарей рассеивался во мгле, не освещая нас.

— Я подумаю, — ответила я, — если бы не Намистины и меньше грязных сплетен, опутывающих эту парочку как ядовитая паутина, то я бы наверняка даже не задумывалась о переезде. Здесь потрясающие пейзажи! Но и Семён, и Вероника внушают мне страх — они оба с приветом.

— Не только они.

— Кого ты имеешь в виду?

— Миа устроила мне сцену, — вяло и нехотя ответил Хосе Игнасио. — Она всё это время всячески оказывала мне знаки внимания: массировала плечи, приносила кофе, улыбалась и строила глазки, будто не знала о моём несчастье, а сегодня взяла и разделась передо мной, а я, как ты понимаешь, не оправдал её ожиданий. Пришлось объяснять ей, что и как, вот она и взбесилась: осыпала проклятиями и Семёна, и Веронику, кричала, что её надо сжечь на костре, — я еле её успокоил. Потом она загорелась желанием вылечить меня нетрадиционными методами, начала рассказывать, что её бабушке это не составило бы труда, но я врач и я, кажется, безнадежен. Мне трудно будет завтра смотреть ей в глаза. Поскорее бы убраться отсюда. Ты не представляешь, как мне здесь паршиво. Одна радость — ты.

— Я старше на одиннадцать лет, — возразила я.

— Твой возраст не имеет значения, а вот я... как дряхлый старик.

— Прекрати, дружочек, ты молодой, красивый, умный, элегантно одеваешься — какой же ты старик?!

— Идём, — он снова взял меня за руку. — Забудь всё, что я наговорил, но если ты захочешь уехать вместе со мной, я буду несказанно рад.

Эти простые слова вызвали трогательное умиление, и моя нежность к Хосе Игнасио возросла, заслоня собой недавно пережитое волнение. Какой же он хорошенький! Мы еще с пятнадцать минут поболтали о фотографиях, и он провел меня до самой калитки. Мы не целовались — лишь пожали друг другу руки и молча смотрели в глаза, как стеснительные школьники на первом свидании. Он ушел, и я пошла — жаловаться Каллисте Зиновьевне.

После ужина мы сели в гостиной на диване под «Утром в сосновом лесу» — я с чаем и плюшками, Каллиста Зиновьевна довязывала *последний* носок, возмущаясь поступком Семёна.

— Ох, и кобелина, — причмокивала она.

В тот вечер она часто чесала ноги и жаловалась на боль, пощипывание и судорогу. Смазала кремом выступающие варикозные вены и говорит:

— А Булавкина наша не дура, — сказала она тем же тоном, что и Вероника о Софии и Джеймсе, — охмурила таки Бонитетова. Тебя пока не было, Лиля прибежала. Бедняжка бледная взволнованная. Правду бабы говорили, спят они — эта усохшая Софья и красавец-джентльмен Джеймс. Это же надо продавщица и хозяин магазина! Да черт с ним, что она на него работает, но она же старше на семь лет! Подумать только! А знаешь, что случилось то?

— Откуда же мне знать — я у Намистиных была, потом вдоль леса приключения на

свою голову искала. Так что же произошло?

— А то, что Семён, прежде чем тебя домогаться, Джеймсу нос разбил. Софья уговорила его после работы сводить её в боулинг-клуб. Джеймс раньше туда ни ногой, как и Семён в его магазин — принципиально, понимаешь? Они же поругались из-за старого клуба. Видимо, Софья настояла — пойти то у нас в посёлке больше некуда, ну если только в лес или на речку. Короче, сидели они за столиком, выпивали, ясное дело, — куда же без этого, и тут Семён предложил Джеймсу забыть старые обиды и покатать шары. Джеймс неохотно подал ему руку; они вроде бы помирились; Семён даже поддался пару раз. Ничего не предвещало беды, как вдруг Семён решил подшутить над тем, что Джеймс шашни крутит со своей продавщицей. Смолчал бы Джеймс — ничего бы не произошло, но он за словом в карман не полезет. Знаешь, что он ответил Семёну, да так громко, что все взгляды были прикованы только к ним, а посетителей, судя по словам Софьи, было немало? Он сказал: «А чем Софи хуже других женщин нашего посёлка? Из простых? Так твоя Вероника ведь тоже Вислюковым не побрезговала в своё время!» И тут Семён дал ему прикурить, чтобы меньше языком болтал! Их еле разняли — сцепились как жуки. Софья отвела Джеймса домой, давай лёд прикладывать, а синяк на половину лица растекся. Никакого подходящего крема у Джеймса в аптечке не оказалось, и Софья побежала через огород к Миа, чтобы та открыла поликлинику и продала ей крем от синяков. Джеймсу завтра за товаром на оптовую базу ехать, а с него и так там посмеиваются, что он ни грузчика, ни водителя не наймет, а сам всю работу выполняет. Они бы его засмеяли, если бы с синяком увидели. Так вот, когда Софья и Миа уже из поликлиники вышли, их встретила Лиля — домой пешком из города шла, задержалась. Софья и разболтала всё. Бедная Лиля — любит она Джеймса с семнадцати лет, а он даже не догадывается. Уже десять лет стихи пишет — видела бы ты, сколько она тетрадок исписала. Всё страдает, страдает, а Джеймс ни сном, ни духом.

До первого убийства оставалось девятнадцать часов.

Vieillesse, tristesse

Старость — не радость.

Вы наверняка заметили, что я не расписывала каждый из четырнадцати дней в мельчайших подробностях, — у меня были на то две причины. Первая: я не веду дневник. Вторая: если бы я пересказала вам все сплетни посёлка, то эту повесть нужно было бы назвать «Мемуары и сплетни», а не «[Гарпия](#). Одержимая мстью». Но я не могла не упомянуть и об этом вечере, так как именно в этот вечер некто вздумал совершить правосудие и уже вынашивал коварный план мести. Кем был этот человек, я не знала, но я знала, что Намистиных недолюбливают многие, и не беспричинно. Причем женщины хуже отзывались о Веронике, а мужчины о Семёне. Не знаю, кто из них хуже — по-моему, они два сапога пара, но мотивы убить Семёна Намистина имелись у большего числа местных жителей, чем мотивы убить Веронику. Я категорически против мести, вражды и тем более против убийства, но другие люди, возможно, не видят иного способа избавиться от обиды, злости или зависти — как будто убив человека, они обретут покой. А если планы рухнут и пострадает невинный человек, если придётся по трупам невинных жертв идти к намеченной цели, что тогда? Неужели убийца не остановится? — Наш убийца войдёт во вкус, и выявить его из ряда подозреваемых будет непросто.

Что если Намистины сами в тайне готовы перегрызть друг другу горло? А другие? Бывший любовник Вероники — Вислюков Ян, на каждом углу кричал, что любит её и презирает Семёна, как жалкого таракана, и настанет день, когда справедливость восторжествует. Да, он каждый день пил, но разве нетрезвый ум не способен выдать гениальную идею, ну, хоть один раз на миллион? Разве Дифирамбов Элфи — настоящий любовник Вероники, настаивающий на разводе, не мог пойти к достижению цели самым простым способом: нет человека — нет проблемы? А Джеймс Бонитетов и вовсе — не только на людях называл Семёна вором и угрожал спалить его поместье, после того, как Семён открыл боулинг-клуб в старом клубе, на который у Джеймса были свои планы, но и уязвил его гордость, скомпрометировав Веронику. Даже у Хосе Игнасио был мотив, скажете вы и будете правы. А теперь подумаем над другими вопросами: кто мог тайно или открыто хотеть занять место Вероники? Кто ненавидит её? Кто желает ей смерти? Булавкина София? Журиева Миа? А может сама Яблочная Фаина — страж порядка в деловой юбке, которой Вероника не смогла навязать монашеский наряд?

Продолжим. С самого утра Каллиста Зиновьевна жаловалась на отечность ног. Я настоятельно уговаривала её разрешить мне привести Хосе Игнасио, чтобы он посоветовал, как правильно лечиться — крем, которым пользовалась Каллиста Зиновьевна, не помогал, как не помогли бы мертвому припарки.

— Само пройдет, — говорила она, а сама то капустными листьями ноги обложит и бинтом обмотает, то сырой картофелиной вздутые вены смажет.

Я сидела перед ноутбуком, подключила мобильный Интернет и добавляла вчерашние фотографии в галерею своего любимого творческого сайта. Моя покладистость почти сработала, но тревога не оставляла в покое. Нет, я не могла спокойно заниматься фотографиями, когда Каллиста Зиновьевна сидела рядом в таком состоянии, будто её ноги клевали вороны, как чайки печень Прометею.

— Так нельзя! — запротестовала я. — Хосе Игнасио облегчит ваши страдания. Я приведу его.

— Нет! — она схватила меня за руку, наклонившись к моему уху, трепещущая и обеспокоенная так, словно была маленькой девочкой, боящейся людей в белых халатах. — Не надо! — прошептала она умоляющим голосом. — Смерть стоит у порога, и я впускаю ее, а не доктора.

— Не говорите так, — я сжала её холодные пальцы и заглянула с опаской в глаза.

В избытке влаги таилась тревога. Дрожь пробежала по морщинистым щекам. Худые плечи содрогнулись, и Каллиста Зиновьевна легла мне на колени, всхлипывая и шмыгая носом.

— Ничто уже не спасет меня. Я обречена, — говорила она.

Я утешала, гладила по мягким белым волосам, потом помогла лечь и, подложив под голову диванную подушку, никак не могла решиться пойти за доктором и оставить её одну.

— Может, я куплю обезболивающее?

— Нет, я посплю, и всё пройдет, — наотрез заявила она.

Часы пробили полдень.

Вероника накануне попросила меня провести занятия раньше. Она на пять вечера пригласила своих дальних родственниц из города и Эмму с Фаиной, разумеется. Я должна была прийти в три часа дня. У меня в распоряжении имелась масса времени, но, как вы понимаете, ни о каких снимках я и думать не могла, поэтому я решила занять себя и мысли уборкой в доме. Дочиста натерла все окна, везде протерла пыль, вымыла полы — Каллиста Зиновьевна спала. Проснувшись она в бодром расположении духа, а я уже надела длинную юбку и собиралась идти к Намистиным.

— Даша, — встала она с дивана и, перекатываясь с ноги на ноги, вышла на середину комнаты, — я хочу сходить в поликлинику. Ну, что они со мной сделают?!

— Сходить? Давайте я приведу Хосе Игнасио!

— Нет! — опять прозвучало категорично.

— Тогда я вас проведу до кабинета Хосе Игнасио, но только поздороваюсь с ним и сразу же вас оставлю — у меня через пятнадцать минут занятия.

— Хорошо, — согласилась она.

Каллиста Зиновьевна пополоסקала рот, сунула в него мятную конфету, в коридоре накинула цветастый платок и выцветший плащ. Ни следа не осталось от недавних опасений, рыданий и жалоб, но каждый шаг по-прежнему ей давался тяжело. За двором мы встретили Эмму — она с пакетами продуктов шла из магазина к Веронике.

— Дружба с Вероникой ее *погубит*, — голосом прорицательницы, внушающим страх, сказала Каллиста Зиновьевна, когда Эмма уже не могла расслышать её слова.

Бесполезно было спрашивать, почему она так решила, — Каллиста Зиновьевна завела разговор о Лилии — соседке, тайно влюбленной в Джеймса, и размышляла над тем, как сблизить эту парочку.

— Моё самое большое желание, чтобы Лилия и Джеймс поженились! — сказала она у порога с красным крестом.

Что я могла ответить? — О Джеймсе я много слышала, но за две недели ни разу так и не увидела; с Лилией виделась несколько раз, но по душам не говорили. Я лишь улыбнулась, поощряя столь светлое романтическое желание, и мы вошли в поликлинику.

За стеклом с надписью «Регистратура» сидела смуглая медсестра с черными длинными

косами. Она подняла на нас маленькие карие глазки, серьезные и наблюдательные. На хитроватом лице вспыхнул алый румянец, и кожа на щеках напомнила панцирь сваренного рака. Что это — стеснительность или неприязнь? Девушка привстала, открыла окошко, и холодное «здравствуйте» заставило моё сердце биться быстрее — я с детства на дух не переношу больничный запах и белые халаты.

— На приём или в аптечный пункт? — спросила она.

— На приём.

— Окунева? — она повернулась к стеллажу и, не дожидаясь ответа, тонкими пальчиками начала перебирать толстые медицинские карточки, разложенные в алфавитном порядке.

Карточку Каллисты Зиновьевны в нужной стопке Миа не обнаружила и перешла уверенным шагом к другой полке. Её движения были торопливы, но пластичны. Холёной ручкой она расторопно отыскала карточку и, сделав наспех пометку в журнале, выдала её нам, наградив обоих вопиющим взглядом из-под раскосых бровей в форме месяца.

— Доктор в терапевтическом кабинете, — прозвучало монотонно.

В коридоре негромко играла музыка — Хосе Игнасио слушал радио. Без музыки здесь было бы тихо как в морге — посетителей нет, как будто никто не болеет. Хотя, что тут удивительного — время без двух минут три — даже в городских поликлиниках и больницах многолюдно только в первой половине дня. Я постучала в кабинет. Хосе Игнасио встретил нас милой улыбкой:

— Вы ко мне?! — он поднялся, отложив тяжелую книгу с пожелтевшими страницами. «Энциклопедия болезней желудочно-кишечного тракта» прочитала я название и улыбнулась — не устаёт самосовершенствоваться.

— У Каллисты Зиновьевны отекли ноги, вздулись вены и появилось покраснение на коже. Возможно из-за крема, которым она пользовалась, — добавила я после приветствия, но сама не верила в то, что говорила. Мне казалось, что всё это признаки какой-то болезни, которую нужно лечить.

— Вы присаживайтесь, — Хосе Игнасио заботливо усадил Каллисту Зиновьевну на кушетку. Она заметно волновалась, и мне не хотелось оставлять её в такую минуту, но часы показывали без одной минуты три.

— Я отменю уроки, — решила я молниеносно, — извинюсь и скажу, что не смогла...

Каллиста Зиновьевна не дала мне договорить:

— Не выдумывайте, Даша, вас с нетерпением ждут мальчуганы Намистиных. Идите и не волнуйтесь — я дойду домой и без посторонней помощи.

— Нет, — запротестовала я точно так, как Каллиста Зиновьевна утром.

— Хосе Игнасио, скажите Даше, чтобы не срывала уроки! — обратилась она к нему с наигранной строгостью.

— Даша, я провожу Каллисту Зиновьевну до самой калитки — не волнуйся — после обеда здесь всё равно делать нечего, а если кто-то придёт, то я ведь быстро вернусь. Одна нога там — другая здесь.

— Ну, хорошо — уговорили. — Я подмигнула своему спасителю, простилась взглядом с Каллистой Зиновьевной и вышла.

Миа беззвучно шла по коридору в самый конец. Судя по плакатам с рекламой медицинских препаратов, в конце коридора был аптечный пункт, а поскольку Миа — единственная медсестра на всю поликлинику, она совмещала две должности, поэтому в

одном кабинете и не сидела.

Les apparences sont trompeuses

Наружность обманчива.

Я поспешила к Намистиным. Не буду останавливаться на том, каким взглядом обволокло меня Семён — словно набросил сеть на бесчисленный косяк откормленных карпов; пропущу, пожалуй, и расспросы Вероники о здоровье Каллисты Зиновьевны, и, само собой, не стану вас нагружать тем, как я вела математику и французский, — всё это несущественно по сравнению с тем, что произошло за стенами поместья Намистиных.

Ещё светило солнце, низкое бледное, словно за плотной серой простынкой. К Намистиным приехали гости — пунктуальные — мои часы показывали ровно пять вечера. Я отправилась домой — мучительное беспокойство захлестнуло с новой силой. Было слишком тихо. Казалось бы, всё как всегда, но нет — калитка плохо прикрыта, Дружок не встречал, а на крыльце у самой двери я обнаружила розовый пакет с сердечками. Сначала я удивилась. Подошла к крыльцу, позвала Дружка — тишина. Заглянула в пакет — бутылка коньяка, коробка конфет и записка: «*Дарья Леонардовна, я осознал свою ошибку — прошу меня простить. Семён*». Я подняла пакет и толкнула дверь, но она оказалась запертой, и тут я испугалась не на шутку — неужели Каллиста Зиновьевна ещё не дома? Я постучала в дверь и крикнула: «Каллиста Зиновьевна, вы дома?» Она не отвечала. Ответом была лишь жуткая тишина. Ещё и Дружок куда-то исчез. Стоять и задаваться вопросами было невыносимо — от волнения я замерзла, хоть на улице во всю цвела весна. Войти я никак не могла — ключ от второго входа я никогда не брала с собой, а ключ от первого — Каллиста Зиновьевна положила к себе в карман, когда мы направлялись в поликлинику. Что же мне делать? — думала я.

Презент Семёна я вернула на прежнее место и хотела уже бежать к Хосе Игнасио, как заметила его легкую походку — он возвращался с работы. Я как гончая преодолела двор и, похоже, своим растрепанным видом перепугала и самого Хосе Игнасио.

— Что с тобой? — спросил он, метнувшись ко мне, как только заметил. Он смотрел на меня широко распахнутыми глазами, а я будто дар речи потеряла.

— Каллисты Зиновьевны нет! — объяснила я, переводя дыхание. — Ты обещал, что отведешь её домой? Ты выполнил своё обещание? — я упрекала его, предчувствуя, что-то нехорошее.

— Успокойся, может она зашла к соседке на чай. Не волнуйся ты так — я обработал ей воспаленные язвы таким составом, что она через пятнадцать минут и думать о боли забыла. Мы полчаса разговаривали, потом я вызвался её проводить, как и обещал, но пришел Ян Вислюков с ожогами обеих кистей — кричал и стонал, и Каллиста Зиновьевна, бодрая и разговорчивая, попрощалась со мной. Не думаю, что она свалилась бы где-то по дороге, но если хочешь, я пойду её искать — обойду всех старушек; ты только не накручивай себя — найдется твоя Каллиста Зиновьевна.

— Она за две недели выходила со двора всего пару раз, и еще ни разу не случилось, чтобы она не ждала меня дома. Она ведь знает, что я не беру с собой ключ. У нее ведь не склероз, а только ноги больные.

— Тогда давай так: я по правой стороне обхожу каждый дом — ты по левой.

Я согласилась, и пошла к калитке Лилии Оливер. Залаял её лохматый пёс, похожий как

две капли воды на Дружка; я ему повторяла как сумасшедшая: «Лай громче, лай, ну, где же твоя хозяйка!» Лилия выглянула в окошко, и уже через минуту быстро шла мне навстречу, с легким румянцем на белой алебастровой коже. Соломенные волосы были собраны высоко на затылке, а прямые длинные пряди ниспадали на плечи; их теребил ветер, то и дело бросал в нежное невинное личико с мягкими чертами. Лилии не было и тридцати — стройная миниатюрная девочка с лебединой шеей, мелодичным голосом и миллионом сложных образов в голове.

— Здравствуйте, Даша, — заговорила она, не дойдя до калитки, — что-то случилось? Вы так напряжены, будто проглотили баскетбольную битву.

Очень остроумно! Но в тот миг я пропустила мимо ушей это сравнение.

— Каллиста Зиновьевна не у вас? — спросила я, сдерживая волнение.

— Не у меня, и я в полном неведении, где она и с кем. С вашим приездом я перестала читать ей стихи; новая поэма дописана до точки, а трагический финал я оплакиваю в полном одиночестве, потому что у Каллисты Зиновьевны тоже дар рассказчика и теперь, когда у неё появился постоянный слушатель, мои сонеты ей уже не так важны, как раньше.

— Бросьте! Если хотите, вместе поплачем над вашей поэмой, только помогите отыскать Каллисту Зиновьевну. Она исчезла.

— Как исчезла? Испарилась как роса на солнце?

Вдруг откуда ни возьмись на меня налетел Дружок, схватил за подол юбки и потащил за собой.

— Он знает, где Каллиста Зиновьевна! — закричала я.

Хосе Игнасио, опросив соседей Намистиных, шел к нам; Дружок запищал, и его мордочка, словно мокрая от слез, жалобно вздрагивала; Лилия решительно взглянула на меня:

— Бессмертны только боги, — раздался её голос, и мне почудилось, что я слышу похоронный марш.

Втроём мы побежали за Дружком. Он вёл нас к поликлинике, но не к центральному входу — дворняжка остановилась у дальнего угла здания и заскулила. У меня сердце колотилось от бега, а тут еще и словно оборвалось и в пятки ушло. Я боялась увидеть Каллисту Зиновьевну мертвой за этим углом.

— Стойте здесь, я посмотрю, что там, — сказал Хосе Игнасио и преградил нам путь, расставив руки.

— Нет, что бы там ни было, я с тобой, — запротестовала я.

— И я, — отозвалась Лилия.

Хосе Игнасио не стал спорить, и мы пошли втроём.

Каллиста Зиновьевна лежала без чувств, вывалив язык. Плащ был расстегнут, на груди лежал крестик на порванном шнуре. Вероятно, её им и задушили, но как всё это могло произойти, я не представляла. Хосе Игнасио принялся щупать пульс, но стеклянный неподвижный взгляд говорил сам за себя. Я опустилась на колени — меня привлекла рука, а точнее белая фигурка в ней. Это был шахматный конь — белый конь. Я побоялась прикоснуться из-за отпечатков. Мало ли.

— Её убили, — констатировал Хосе Игнасио. — Нужно вызывать полицию.

— Цветы отцветают, и солнце заходит, но кто же насильно тянул за шнурок? — так, то ли гениально, то ли наоборот, говорила Лилия.

— И белый конь в руке...

— Откуда?

— Загадку эту наша дама должна в два счета разгадать! — опять сказала Лилия, и мы переглянулись.

— Фаина? — спросила я.

— Нужно вызывать городских, — Хосе Игнасио поднялся и начал звонить по телефону.

— Неужели никто ничего не слышал? — я огляделась. Место прямо идеальное для тихого убийства — никаких свидетелей. Вопросы так и лезли в голову. Что Каллиста Зиновьевна делала за поликлиникой — зашла за угол справиться нужду, но почему не воспользовалась служебным туалетом? Кто заманил её сюда? Если она кричала, почему Хосе Игнасио не услышал, или Миа? Почему убийца задушил её, а не стукнул камнем по голове? Откуда взялся белый конь? Случайное ли это убийство или запланированное? Если запланированное, то что плохого сделала эта несчастная старушка? Растрепала всему посёлку, что о планах Элфи? Я содрогнулась, чувствуя себя отчасти виновной — я должна была отменить уроки, и Каллиста Зиновьевна осталась бы жива.

Такого испорченного вечера еще не было в моей жизни. Первый, но не последний. Двигать тело Хосе Игнасио запретил, но, похлопав по карманам, определил, в каком из них лежит ключ, достал и передал его мне; Лилия привела Фаину, еще не слишком пьяную, но толку от неё было как с козла молока; подходили любопытные соседи; Фаина заметила белого коня, как и мы, и тоже не взяла его в руки, так мы и толпились за поликлиникой, дожидаясь приезда наряда полиции.

Позже нас допросили (меня, Хосе Игнасио и Лилию). Фаина уехала вместе с полицейскими, телом Каллисты Зиновьевны и фигуркой коня в прозрачном пакете. Все разошлись по домам, а меня охватывала паника от одной мысли, что я буду ночевать одна, что мне опять не с кем будет поговорить, а еще я подумала, что это только начало вереницы загадочных убийств, и была права. Знала бы, ни за что бы не нанималась к Намистиным: речки, леса и живописные пейзажи и в других посёлках есть, где старушек не душат нательным крестом.

— Если хотите, Даша, я переночую эту ночь у вас, — предложила Лилия, будто читала мои мысли.

Я согласилась. Мы пошли. Лилия словно впала в транс и всю дорогу молчала, потом попросила подождать ее — ей нужно было закрыть дом; Хосе Игнасио выглядел не наилучшим образом — как и я, винил себя, что не отвел Каллисту Зиновьевну домой.

— Ян так кричал, что кроме его криков я ничего не слышал, — повторил он перед тем, как проститься, — возможно, в те минуты Каллиста Зиновьевна нуждалась в моей помощи больше, чем он, но я слышал только Вислюкова. Только его стоны и мольбы спасти ему руки.

— Скорее всего, так и было, — ответила я, и мы попрощались.

La vengeance est plus douce que le miel

Месть слаще мёда.

Через полтора часа Хосе Игнасио был уже у меня — Лилия жутко напугала меня, а дело было так:

Стресс — как еще назвать состояние, когда осознаешь, что смерть неминуема, и что она прибрала к рукам женщину восьмидесяти пяти лет таким чудовищным образом. В доме без Каллисты Зиновьевны было пусто и страшно. Я надела вязаные носки, чувствуя внутри неопишное опустошение, — Лилия была в таких же. От стресса разыгрался зверский аппетит, и мы на скорую руку приготовили омлет на сале, бутерброды с колбасой и сыром, открыли банку грибов и бутылку коньяка, презентованную мне накануне. Лилия сразу отметила: «Любимый коньяк Намистиных», но не расспрашивала ни о чем, хотя не могла не понять, что это презент.

Мы сидели за кухонным столом. Печь прогорела. Было не жарко.

— Я неразбавленный коньяк не пью, — сказала я, когда Лилия простодушно ухватила две чашки. — Только с кофе.

Я поставила чайник. Лилия налила себе в чашку совсем немножко — на два глотка. Что-то в её лице казалось мне сердитым, суетным, что-то спокойным и невозмутимым никакими событиями. Брови сдвинуты, и на переносице образовались две четкие морщинки, а глаза не выражали никаких эмоций, словно её душа вместо зеркала смотрела в пустой колодец. Губы стиснуты, но овал лица оставался безобидным и прекрасным. Она поднесла чашку к носу, глубоко вдохнула и произнесла медленно, тихо и загадочно:

— Следы от шнура на ладонях убийца не смоешь водой.

— Лиля, мне кажется, что убийца не стал бы душить таким способом, — предположила я, — шнур бы не только порезал ему руки, но и следы на шее Каллисты Зиновьевны были бы глубже. Он вполне мог задушить её голыми руками, а крест сорвать после. Зачем убийца вообще трогал крест?

— Из *мести* оставляют знаки и тешат свое «я» возмездием над злом, — манера Лилии выражать свои мысли при других обстоятельствах меня бы позабавила, но тогда я терялась в догадках, что же она имеет в виду.

— Каллиста Зиновьевна как-то рассказывала о давнем случае с Миа, когда она поклялась крестом, что застала девчонку со своим внуком на горячем, но это было так давно, что вызывает массу сомнений в том, что Миа могла пойти на такой поступок. Не могла же она задушить старушку из-за старой обиды — столько лет прошло? И она помогала Хосе Игнасио оказывать первую помощь Яну.

Лилия смочила губы в коньяке:

— Улики не всегда виновных выдают! — и снова этот стихотворный ритм. — Еще не факт, что крест не совпадение, как белый конь не значит, что Семён стоит с Фаиной за коварным преступлением!

— Но кто же мог отважиться убить старушку — она как божий одуванчик, да еще больна? — спросила я.

— Её душили — это факт неоспоримый. Руками или шнуром — вопрос иной. Ожоги и бинты *перчатками* ль не послужили, когда под синим змеем обезумел Вислюков?

Я несколько смешалась:

— При чем здесь Вислюков? Хосе Игнасио сказал, что Каллиста Зиновьевна ушла, а Ян Вислюков пришел. Вероятнее всего, Каллисту Зиновьевну задушили во время оказания помощи Вислюкову. Что бы она делала за поликлиникой, пока Вислюкову раны обрабатывали? Да, и как он больными руками смог бы удушить? Нет, что-то не так. Мне кажется, что Вислюков кричал в кабинете у Хосе Игнасио, когда кто-то набросился на Каллисту Зиновьевну за поликлиникой, — отстаивала я свою точку зрения.

— У Семёна и Фаины — короля и королевы, алиби, как не крути, — хоть конь белый прямым текстом не в их пользу говорит.

— Убийца намерено подложил фигурку, чтобы запутать следствие. Если бы шахматист совершал убийство, то не выдавал бы себя подобными штучками.

— Что гадать нам на гуще кофейной, разбудил кто дремавшее зло? Пусть гадают Фаина — наш гений, шахматист и любитель кино! — произнесла она, улыбаясь.

Её глаза загорелись, в них блеснул огонек. Лилия отбросила повадки скромницы, и лицо уже не казалось столь невинным. Общее его выражение наталкивало на мысли о сумасшедшей поэтессе. Она допила коньяк, чуть поморщила носик и, не закусывая, сказала, что коньяк настолько хорош, что хочется облизать губы, а не занюхать рукавом, как после дешевой бормотухи местных виноделов. Тем временем закипел электрический чайник; я сделала нам кофе с коньяком, и разговор плавно перетек в другое русло — Лилия читала наизусть свою поэму о несчастной любви глобуса к шариковой ручке. Стихи были специфические — длинные монологи глобуса, написанные в стиле рондо с систематическим повторением первых двух слов: «Прости, прощай».

У меня мурашки побежали от её стихов, я и про кофе забыла, а в Лилию будто дух вселился — её бледная кожа покрылась каплями липкого пота; к ней приклеились потемневшие пряди; лицо перекосилось, а губы заметно распухали и приобретали фиолетовый оттенок; глаза расширились, и в черных значках застыла растерянность. Я вскочила с места, ничего не понимая.

Лилия пошевелила изуродованными губами:

— Мне диктует душа слов порядок незвучный. В моём мире мигрени рождают рассвет, буквой «Г» ходит солнце по шахматным тучам... Я лечу белой птицей. Кто выключил свет? — она упала с табуретки на пол, обе руки прижимая к вискам.

Возможно, аллергия на грибы, — подумала я. Коснулась её лица — она горела. Распухшие губы ничего хорошего не предвещали, и я пулей побежала за помощью к Хосе Игнасио. Он как доктор больше меня знает, что делать в подобных случаях.

Я оторвала Хосе Игнасио от чтения. Постучала в окно, и он обеспокоенный сорвался с места, так же быстро, как и я, когда поняла, что есть серьезная угроза здоровью и жизни Лилии. Мы побежали к ней, не теряя ни единой минуты, — Хосе Игнасио был в полосатом махровом халате, носках и комнатных тапочках. Его волосатые икры тогда ничуть не заботили меня, но позже я вспоминала его ноги с улыбкой. По пути я перечислила всё, что лежало на столе и чем, по моему мнению, могла отравиться Лилия. Хосе Игнасио больше заинтересовал коньяк, чем грибы. Он предположил, что в бутылке был яд.

— Коньяк? — встрепелась я. — Я тоже отпила несколько глотков, но не чистого коньяка, а только кофе с коньяком, и со мной всё в полном порядке. Слава Богу! — я сплюнула через плечо три раза.

— Лилия пила и чистый коньяк, и кофе с коньяком? Возможно, дело в дозе, а

возможно, и в особенностях организма.

Надо ли описывать, что творилось со мной — возможно, *меня* пытались убить. Мне предназначалась эта бутылка коньяка, а пострадала и без того несчастная поэтесса. Я в двух словах рассказала о пакете с сердечками, записке и коньяке с конфетами. Хосе Игнасио предположил, что Семён так решил наказать меня за отказ, но я отказывалась в это верить.

— Сильное токсическое отравление, — сказал Хосе Игнасио, как только увидел отекающие губы Лилии. — Сомнений нет, в бутылке яд.

— Это не грибы? — спросила я с надеждой на случайное стечение обстоятельств.

— Нет, это не грибы, и я тут, похоже, бессилен.

Хосе Игнасио попросил воспользоваться моим телефоном. Он вызвал скорую помощь, а до приезда городских мы перенесли Лилию в ванную комнату и пытались привести её в чувства — она, не открывая глаз, послушно пила воду и сплевывала редкую пенную слизь. Рвотный рефлекс срабатывал; она кашляла и плевалась; как мне хотелось тогда вывернуть её желудок наизнанку, чтобы она не мучилась, чтобы в желудке не осталось ничего, что вызвало такую реакцию.

— Это сильнейший яд, — всё удивлялся Хосе Игнасио, глядя то на меня, то на муки Лилии. — Понятия не имею, что именно, но если в малом количестве, он вызывает отек тканей и жар, то не представляю, что бы было, если бы вы выпили по бокалу этой ужасной гадости из красивой бутылки.

— Это подсудное дело, — закричала я. — У меня есть записка Семёна, откупоренная бутылка... Мы проведем экспертизу. Надо и конфеты отдать на анализ! Слава Богу, мы так и не открыли коробку. Если это Семён, я всё сделаю, чтобы он получил по заслугам.

Бедняжка Лилия содрогалась, склоняясь над ванной. Мы вдвоём удерживали её легкое тело, стараясь облегчить болезненные мучения. Наконец её вырвало темной мутной массой, и она обессиленная сползла вниз. Хосе Игнасио заставил её выпить еще чашку воды, и на обескровленной белой коже появился слабый румянец. Я обняла Лилию, словно согревая от холода. Она всё еще была горячее, но дрожала как мокрый котенок на ветру. Прическа распалась, и я гладила её длинные красивые волосы, разбросанные по спине.

— Она поправится, верно? — спросила я.

— Думаю, да, но придется очистить кровь от вредных токсинов. Ей повезло, что она не пьет коньяк бокалами, как Вероника, к примеру, иначе мы бы её не спасли, а городские доктора, ты видишь, не спешат на вызов.

— То есть, если бы эта бутылка предназначалась, скажем, для праздничного застолья, то все, кто выпил бы по бокалу, умерли бы? — я вдруг подумала, что Семён не собирался меня травить: я же коньяк пью только с кофе, да и то не увлекаюсь. — Что если этой бутылкой хотели отравить Намистиных? У них сегодня гости — уверена, они запаслись коньяком... Что если...

— Пусть Семён и потрудится ответить нам, откуда у него эта бутылка коньяка. Ты и Лилия должны написать заявления в полицию. Отравление — это не шуточное дело. Пусть выясняют, какое отношение к яду в бутылке имеет Семён.

Мы слышали, как за двором остановилась машина. Приехала «скорая». Хосе Игнасио высказал доктору свои предположения об отравленном коньяке и конфетах, и мой злополучный подарок отправился вместе с Лилией в городскую больницу. Мне ехать не потребовалось, а результаты анализов я узнала на следующее утро — в коньяке действительно был смертельный яд.

La nuit porte conseil

Утро вечера мудренее.

Не знаю, в котором часу я уснула, но мои мысли словно шли по кругу: то перед глазами возникала сцена как кто-то в черных перчатках душит Каллисту Зиновьевну толстой веревкой, потом срывает с неё крест и зажимает в её ладони шахматного коня; то сцена, как Семён переходит дорогу, входит во двор и оставляет на пороге пакет с презентом. Также мой ум рисовал и другие смутные картины: например, как те же руки в черных перчатках протыкают коньячную пробку медицинской иглой и с помощью шприца вводят яд в бутылку. Меня мучил этот вопрос не меньше, чем другие странные обстоятельства. Как же иначе, если с убитой я жила под одной крышей, и бутылка с ядом оказалась подарком *для меня*? Одно воспоминание об этой ночи и теперь заставляет моё сердце пульсировать в ускоренном ритме. Каллиста Зиновьевна, Лилия, Семён, Вероника, Фаина, Хосе Игнасио Миа и даже Ян Вислюков, которого тогда я могла себе лишь представить жалким пьяницей с обожженными руками в белых повязках, словно в рукавичках, — все эти лица мелькали перед моими зажмуренными глазами и не хотели уходить, как я ни пыталась их прогнать. В сознании всё перемешалось как две колоды разных карт. Голос несчастной поэтессы, излагающей мысли образами и метафорами, твердил мне: «*Из мести* оставляют знаки и тешат свое „я“ возмездием над злом»; голос Каллисты Зиновьевны повторял дюжину раз: «Смерть стоит у порога, и я впускаю *ее*, а не доктора». От их голосов я не могла заставить свой мозг отключиться. Глаза начинали слипаться, а каждая извилина мозга, будто пружина, готова была разжаться и острым краем вонзиться в череп, чтобы он разбился как глиняный горшок. Без двух таблеток от головной боли я не смогла обойтись и, запив их из чашки, где еще недавно был отравленный коньяк, я все-таки в скором времени уснула.

Не знаю, кого вы сейчас подозреваете в убийстве Каллисты Зиновьевны, как не знаю и того, кто, по-вашему, затеял историю с отравлением, но я утром подумала вот что: без шприца дело не обошлось, а кто имеет прямое отношение к шприцам, и где собственно произошло убийство? Волнение подкосило мне ноги, как только я встала с постели и подумала о Хосе Игнасио. Я вспомнила, как называлась книга, которую он читал, когда я привела Каллисту Зиновьевну на прием, — «Энциклопедия болезней желудочно-кишечного тракта». Что если это Хосе Игнасио ввёл яд в заранее подготовленную бутылку коньяка? Кому он мог бы пожелать зла? Семёну? Веронике? Им обоим? Что если Хосе Игнасис покидал рабочее место и таким же способом, как Семён, презентовал отравленный коньяк Веронике? — подумала я. Таким образом, я мысленно опять сняла обвинения с Семёна в попытке отравить меня — не знаю, почему, но мне хотелось верить, что Семён хоть и омерзителен внешне, но не полное аморальное чудовище внутри. Он мог взять первую попавшуюся бутылку коньяка из домашнего мини-бара, и именно она могла оказаться той бутылкой, которая точно могла бы убить и Семёна, и Веронику, и всех их гостей. Неужели Хосе Игнасио мог пойти на такой бессердечный поступок и оставить двоих мальчишек сиротами? Я пожалела, что мне в голову пришла мысль обвинять Хосе Игнасио, но я решила, что проведу личное расследование и первым делом поговорю с Софией — она ведь должна знать, кто покупал у нее «любимый коньяк Намистиных».

Если у меня были хоть какие-то предположения относительно яда в бутылке, то по

поводу смерти Каллисты Зиновьевны я терялась в догадках. Хосе Игнасио, Миа и Ян Вислюков находились втроём в терапевтическом кабинете, Каллиста Зиновьевна вышла, а потом кто-то её задушил за углом — информации немного. Вся надежда на специалистов, — подумала я, — мало ли, вдруг под ногтями найдут частички чьей-то кожи, если, конечно, Каллиста Зиновьевна успела вцепиться в убийцу, а не умерла, не сопротивляясь. Я не Шерлок Холмс, но в маленьком посёлке не составит труда обойти каждый двор и вычистить того, у кого на лице или на руках есть свежие царапины или другие повреждения, например, раны и синяки, которые можно получить, когда рука скользит по прочному натянутому шнуру. Вы никогда не пробовали разорвать нейлоновую нить, когда под рукой не было ножниц? Я, будучи несмышленной девочкой, однажды сильно порезалась таким способом — порезалась ниткой, и такое бывает. Поэтому я подумала, что полицейским удастся найти убийцу, — меня же больше волновал коньяк и, само собой, предстоящие хлопоты, связанные с похоронами.

Настроение было плачевное. Чтобы взбодриться, я приготовила кофе, прошлась с горячей чашкой по пустому дому — «Утро в сосновом лесу» навело еще большей тоски, и я пошла в свою комнату подыскивать подходящую блузку, соответствующую траурному настроению. В моём гардеробе имелась и такая — черно-синяя с мелким кружевом на широком воротнике. Я собрала волосы в улитку, оделась как монахиня, и пошла в магазин, но, как вы понимаете, не за свежим хлебушком, а с расспросами.

София встретила меня с минорной гримасой на вытянутом бледном лице. Она протирала витрину влажной тряпкой сомнительной чистоты — я обратила внимание на её розовые замерзшие пальцы. Никаких царапин. Её черные глазки выражали обеспокоенность, но взгляд оставался потупленным. Мы обменялись пожеланиями доброго утра, и я задала ей вопрос:

— Софи, ты знаешь, что вчера скорая увезла Лилию Оливер с сильнейшим отравлением?

София неуклюже протиснулась между двумя витринами и встала на своё место у кассы, оставив недомытой часть стекла.

— Да, Джеймс говорил вчера с Хосе Игнасио, и я догадываюсь, о чем ты хочешь спросить — о том, кому я продавала коньяк, не так ли?

— Да, именно с этим вопросом я и пришла, — подтвердила я. — Кто кроме Намистиных покупает самый дорогой коньяк, — я указала взглядом на полку с алкогольной продукцией.

— За последнюю неделю я продала всего четыре бутылки коньяка — местные предпочитают самогон, настоящий на орехах и пряностях. Вчера Эмма купила две бутылки, на днях — Элфи и Фаина. Точно такую бутылку я передала позавчера Миа от Джеймса в качестве благодарности за услугу — она поздно вечером бегала со мной в поликлинику: Джеймсу срочно нужен был крем от синяков. Они с Семёном сцепились из-за меня. Джеймс поступил как настоящий джентльмен, еще и подковырнул Семёна, чуть ли не назвав его рогачом!

— Значит, Эмма, Элфи, Фаина, Миа ... У Джеймса дома тоже есть коньяк?

— А как же — сапожник и без сапог останется? У Джеймса дома два ящика этого добра!

Как видите, список подозреваемых увеличился. Я могла бы исключить, пожалуй, Эмму — тогда она еще не вызывала у меня никаких подозрений, а в остальном — я сомневалась.

Элфи и Джеймс точили зуб на Семёна, но стали бы они подвергать смертельной опасности и Веронику, ведь она тоже пьет коньяк и не только с кофе. Подозревать Фаину — блюстителя порядка, признаюсь, мне было стыдно, но мой развращенный ум говорил, что женщины самые хитрые и безжалостные существа на планете, и чисто теоретически Фаина могла претендовать на место Вероники. А какими способами она могла бы избавиться от подруги — это уже другой вопрос. А медсестра Миа не могла ли покушаться на жизнь Намистиных? Ох, от всех этих вопросов я расстроилась еще больше и, поблагодарив Софию за информацию, пошла в поликлинику — мне хотелось поговорить с Миа и с Хосе Игнасио.

Bouche de miel, coeur de fiel

На языке мёд, а на сердце лёд.

Крики я услышала, не успев войти, — кричала Миа:

— Повторяю, я знать ничего не знаю, что творилось за стенами поликлиники! Я ничего не видела, не слышала, и не нужно мне задавать провокационные вопросы! Я никого не душила, не травила, и оставьте меня в покое, Фаина Александровна, тем более вас отстранили от расследования этого дела!

Значит, Фаина с самого утра взялась за работу, но её отстранили по каким-то причинам. Уж не из-за фигурки коня?

— Еще бы не отстранить, если тем конем я сотни раз сбивала не только пешки Семёна, но и ставила шах его королю! Это просто возмутительно, что какая-то жалкая сволочь пытается запятнать мою репутацию! — Фаина не стеснялась в выражениях и кричала как потерпевшая. — Я этого так не оставлю. Я выведу убийцу на чистую воду, чего бы мне это не стоило. Того коня Семён потерял еще по зиме, его мог подобрать любой, вы слышите, любой, и подложить старушке, чтобы пустить следствие по ложному следу.

— Я то же самое могу сказать по поводу сорванного креста, — снова огрызнулась Миа, — крест вовсе не указывает, что мне спустя пять лет взбрело в голову поквитаться со старухой. О моей неприязни к ней знают многие, но я бы не стала убивать её из-за давно забытого скандала. Я простила ей вмешательство, хотя из-за неё мне сильно досталось и от бабушки, и от родителей, но это давно в прошлом. Можете еще раз посмотреть на мои руки. Ну, довольны?

— То, что на твоих руках нет характерных следов, еще не значит, что это не ты накинулась на старушку в коридоре, не усыпила её, ловким движением воздействуя на сонную артерию, и не выволокла под крики Яна Вислюкова через заднюю дверь на улицу, а там ты могла её придушить даже своим шарфом. С помощью шарфа и крест сорвать можно! — говорила Фаина. — А фигурка... Так ты же встречалась с Семёном — может, того белого коня *ты* и хранила все эти месяцы, пока он не потребовался для воплощения в жизнь мстительных идей!

— Это какое-то безумие! — снова раздался звонкий голос Миа. — Что за голословные обвинения?! Говорю же, я оказывала помощь Вислюкову; я отлучалась всего на пару минут — принесла необходимые мази, бинты, успокоительное и его медицинскую карточку. Я не сумасшедшая, чтобы среди белого дня набрасываться на людей, и я не Геракл, чтобы таскать по коридорам тяжести. Ваша версия — бред сивой кобылы, Фаина Александровна! Лучше бы настоящего убийцу поискали!

— Можешь не сомневаться, найдётся убийца! За это дело взялся капитан Каратов, и он со своими помощниками выяснит, у кого тут рыльце в пуху, а у кого руки по локоть в крови! Он возбудил и дело об отравлении Лилии Оливер. Жаль, что мне остается только следить за ходом следствия со стороны — я ухожу. Всего доброго, — попрощалась Фаина.

Вероятно, я пропустила интересную часть разговора, но и услышанное подействовало на меня чуть ли не сногшибательно — я застыла на пороге, так и не открыв перед собой дверь. Фаина вылетела раскрасневшаяся, взволнованная, и мы чуть не столкнулись лбами.

— О! И вы пожаловали! Мне как раз хотелось с вами поговорить, — сказала она

значительно мягче и уважительнее, чем говорила с Миа. — Что за история с бутылкой коньяка? Я ни в чем вас не обвиняю, Даша, но с вашим приездом весь посёлок будто с ума сошел, а теперь еще это убийство и неудавшаяся попытка отравления. Лилия чудом осталась жива. Мне как сказали, какой яд был в бутылке, я просто ужаснулась, — Фаина медленно произнесла последнее слово по слогам.

— Эта бутылка коньяка была в пакете, — начала я отвечать. — Пакет и записка от Семёна у меня, и я могу предоставить их по первому требованию. Этот отравленный презент мне принес Семён, как я полагаю, но с ним после вчерашних событий я еще не виделась — поэтому не представляю, что он скажет по этому поводу, особенно если брать во внимание, как вы говорите, ужаснейший яд в бутылке.

— Яд был и в конфетах, — тяжело выдохнув, сказала Фаина.

Она активно жестикулировала, давая возможность рассмотреть ухоженные ручки — чисты и прекрасны.

— Кто-то проявил искусное мастерство! — продолжила она. — Не думаю, что Семён способен на такое. Да, он стрелял в Хосе Игнасио, но это было необдуманно, сгоряча, на пьяную голову. Семён не убийца. А вот Хосе Игнасио мог и отомстить — говорят, у него по мужской части ничего не получается, и без шприца яд в бутылку и в конфеты не ввели бы. Запутанное дельце, Даша, что тут скажешь. К вам сегодня наведается капитан Каратов, покажите ему записку, пакет, и всё расскажите, а меня отстранили от расследования. Всё из-за той шахматной фигурки.

Можете считать меня наивной, но Фаина разжалобила меня своим обиженным видом, и я временно исключила и её из своего списка подозреваемых. Мы попрощались, и я вошла, наконец, в поликлинику. Миа плакала, раскачиваясь на стуле, а когда увидела меня, вытерла слёзы, и её лицо приобрело недовольный, но не расстроенный вид. Я первая с ней заговорила: поздоровалась и спросила, почему она плачет.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

— Фаина с самого утра прилетела с криками и обвинениями, — ответила Миа, продолжив раскачиваться на стуле, — сначала оторвалась на Хосе Игнасио, заявив, что это он придушил Каллисту Зиновьевну, как случайного свидетеля. Якобы он сидел у себя в кабинете и готовил отравленный сюрприз, которым намеревался отравить Намистиных, а старушка ему помешала. Потом на меня наехала. Фаине детективы писать надо! Вот бы её герои там натворили дел, что и черт бы не разобрал! Ненормальная! Хосе Игнасио сам не свой на работу сегодня пришел. Лица на нем нет — переживает. Он даже спорить с Фаиной не стал — с ней спорить бесполезно. Она бесится, что её отстранили от расследования, — оказывается, на шахматной фигуре нашли отпечатки Каллисты Зиновьевны, Семёна и Фаины. Так что этим убийством займется какой-то другой следователь из городского отделения, и хорошо, потому что Фаина неадекватная — она обвиняет, основываясь на предположения. Если так рассуждать, как она, то Лилию, например, мог отравить любой, потому что шприц и те компоненты, которые использовались для получения яда, продаются в любой аптеке, но это же не значит, что нужно на каждого набрасываться с обвинениями.

— И в вашем аптечном киоске тоже? — спросила я.

— Да, и у нас тоже, — прозвучало в ответ спокойным голосом.

— И вы, Миа, кого-то подозреваете?

— Нет, на моей памяти нет такого случая, чтобы кто-то одной покупкой брал все те компоненты, о которых говорила Фаина. У нас посёлок маленький, очередей за

лекарствами, как в городе, нет.

Я набралась смелости и уподобилась Фаине:

— А вы сами могли бы приготовить такой яд? Доступ к лекарствам у вас есть и, судя по истории с кремом от синяков для Джеймса, то у вас и бутылка коньяка имелась?

Миа вспыхнула как новогодняя елка:

— Я ничего такого не делала! — закричала она. — Что за день сегодня такой?! Не делайте из меня крайнюю, я же вас не обвиняю, хотя это вокруг вас, Дарья Леонардовна, творится что-то загадочное: пили вдвоём, а в больницу попала только Лилия, — может это вы кого-то отравить вздумали, а на Лилии эксперимент провели? А Каллиста Зиновьевна вам не мешала случайно? Может вы дом её прибрать к рукам захотели? Как видите, я тоже обвинять могу! А бутылка коньяка, которую мне Джеймс передал, вон она, — и Миа приподнялась, чтобы достать из шкафчика откупоренную бутылку, — мы с Хосе Игнасио вчера тоже кофе с коньяком пили.

Её руки были без единой царапины. Что же, — подумала я, — зря еще сильнее девчонку расстроила:

— Не сердитесь на меня, Миа, я тоже волнуюсь. Вы правильно подметили, что вокруг меня творится что-то загадочное, и я хочу разобраться, что происходит. Не принимайте близко к сердцу мои расспросы — я не хотела вас обидеть.

Миа в свою очередь тоже извинилась, и я не стала надоедать ей и дальше — пошла к Хосе Игнасио.

В его кабинете играло радио; я постучалась, вошла — он курил, распахнув настежь окно. На него жалко было смотреть. Как я могла заподозрить и его?

— Я знаю, что у вас тут произошло, — начала я, — я разговаривала и с Фаиной, и с Миа. Я на пару минут, можно?

— Проходи, конечно, — он потушил окурок и папкой с бумагами разогнал дым; закрыл окно. — Как же я жалею, что согласился проходить практику в этом захолустье. Вчера проверил электронную почту — на все мои письма с резюме ответили отказом. Связь здесь отвратительная, мобильный Интернет заторможенный, еще и это убийство и отравленный коньяк. Боюсь, что это только начало. Нужно уезжать отсюда, Даша!

Я взяла его за руку. Какие у него красивые пальцы, форма ладони! Ни царапин, никаких других повреждений — гладкая нежная кожа. Он обнял меня, и я не сопротивлялась — я и думать не хотела, что Хосе Игнасио способен на убийство. Мы молча смотрели друг другу в глаза, и словно наши души говорили вместо нас. Потом я спросила вслух:

— Тебе что-нибудь известно о состоянии Лилии? Интересно, как она? Я хочу её проведать.

— Её организм справился. Здоровью ничто не угрожает. Думаю, на днях её выпишут.

— Скорее бы прошли эти дни. Меня еще волнуют похороны Каллисты Зиновьевны — не знаю, что мне делать: у неё есть сын и внуки; знают ли они о случившемся?

— Фаина говорила, что её сыну сообщили. Он организует похороны — не волнуйся по этому поводу.

— Одной заботой меньше. Хосе Игнасио, а ты ничего странного вчера не замечал? Вот, пришел Ян Вислюков с обожженными руками, и... вы втроём находились здесь... — у меня язык не поворачивался вслух обвинять ни Миа, ни Хосе Игнасио, само собой, а Вислюков, по-моему, больными руками не мог ничего сделать, даже если бы захотел.

— Нет, Даша, всё было естественно, так, как и полагается в подобных случаях. Мы

оказали Яну помощь; он успокоился, перестал кричать; Миа заполнила его карточку; я вывел его на порог — он, как всегда, был под градусами; мы с ним выкурили по сигарете; он с трудом управился своими забинтованными руками; всё было тихо и ничто не предвещало беды.

— А Миа как себя вела? Она привела Яна, так? Потом пошла за медикаментами, так? Она с Каллистой Зиновьевной вышла в коридор... Как долго её не было?

— Я не засекал, Даша. Не думаешь же ты, что Миа задушила Каллисту Зиновьевну прямо в коридоре, спрятала труп, а потом как-то перетащила его на улицу?! Она достаточно быстро принесла всё необходимое и мастерски обработала Яну раны. Миа не была слишком уж взволнована. По крайней мере, я ничего такого не заметил.

— Я просто пытаюсь воссоздать в уме последние минуты жизни Каллисты Зиновьевны. Её нашли за поликлиникой, а не за магазином или за боулинг-клубом. Значит, убийца был где-то здесь.

— Даша, часто бывает, что убийца это тот, на кого меньше всего можно подумать. Мне кажется, в этом деле *замешан* Намистин. Не буду утверждать, что он задушил Каллисту Зиновьевну, но ведь в промежутке между тремя и пятью часами он выходил на улицу, чтобы отнести тебе презент. Он принес тебе отравленный коньяк в то время, когда убили Каллисту Зиновьевну. Мне кажется, что эти два случая как-то связаны, но как именно, не догадываюсь. Может, капитан Каратов разгадает эту загадку. Главное, чтобы не оказалось так, что кто-то покушался на *твою* жизнь, и чтобы этот кто-то не довел до конца задуманное. Так что будь осторожна.

— Я должна с ним поговорить, — я заторопилась. — Как думаешь, Вероника не сильно расстроится, когда узнает о записке? Там написано: «Дарья Леонардовна, я осознал свою ошибку — прошу меня простить. Семён». Она особа ревнивая, несмотря на договор о свободных отношениях.

— В записке нет ничего интимного, чтобы ревновать к тебе, но с Вероникой лучше вести себя осторожно.

Хосе Игнасио на прощанье заботливо поправил мне челку:

— Можно я вечером приду? Я подумал, что тебе будет одиноко, и мы могли бы спокойно поговорить, как тогда в поезде.

— Приходи.

Я с удовольствием приняла его предложение и ушла из поликлиники. Разговоры с Софией, Фаиной, Миа и Хосе Игнасио только запутали меня, и я уже с трудом отделяла свои догадки от реальности.

Такова жизнь.

Прежде чем мне удалось поговорить с Семёном, меня почти два часа допрашивал капитан Каратов.

Каратов Станислав Денисович, как брат-близнец, Семёна Намистина постоянно облизывал губы и пальцами обдирал кожицу. Его губы были шершавыми, словно он любил целоваться на ветру, обветренными и растрескавшимися. Рыжеватые реденеющие волосы были тщательно зачесаны набок — так он скрывал рано образовавшуюся плешь. Я бы не дала ему и тридцати пяти — лицо гладкое, с мимическими морщинками вокруг глаз; глаза смотрели с живым интересом, в них загорались искры под золотистыми пушистыми ресницами. Капитан Каратов вел беседу непринужденно, но время от времени отбрасывал в сторону протокол и, зажав ручку обеими руками за спиной, расхаживал по комнате. Высокий, худощавый и неприятный, вопреки чистому хорошо отутюженному костюму, ну точно, как Семён. Мы сидели под тем же «Утром в сосновом лесу». Он не бросался обвинениями, как Фаина, как я, — каждое слово произносил обдуманно, не горячась. Несомненно, он был хорошо осведомлен и опыта в подобных разбирательствах ему не занимать, но он больше говорил о Фаине, чем о делах, причем говорил с душевностью, свойственной старым близким знакомым. Капитан Каратов ничем не выдал своих подозрений, если они у него, конечно, имелись; задавал вопросы по существу и каллиграфическим почерком записывал мои ответы. Ничего нового из разговора с ним я не узнала, кроме того, что сын Каллисты Зиновьевны к вечеру привезет тело из морга, и гроб всю ночь будет стоять в доме; будут гореть свечи, соберутся старушки, а похороны завтра.

Ночь мне предстояла, сами понимаете, какая, но до ночи произошли еще кое-какие события, о которых стоит упомянуть:

Я пришла к Намистиным раньше положенного времени. Вероника лично вышла к воротам и провела меня через аллею. Арабель, опустив морду, покорно шла за хозяйкой, как провинившаяся.

Вероника выглядела обеспокоенной, но натянуто улыбалась. Она сначала завела разговор о контрольной работе по математике и, казалось, оценки сыновей волновали её больше всего остального.

— Я понимаю, что обстоятельства крайне печальны, — сказала она прискорбным голосом. — Смерть Каллисты Зиновьевны шокировала весь посёлок. Я бы с удовольствием дала вам пару выходных, но на носу контрольная, а Филипп и Кирилл принесли сегодня не очень хорошие оценки. Классный руководитель написала мне длинную петицию на тему успеваемости и поведения. Я надеюсь, вы позанимаетесь с ними сегодня математикой? Французский отложим, и завтра можете весь день посвятить... — она замаялась, — посвятить личным делам.

— Конечно, Вероника Наумовна, мы подготовимся к контрольной работе, и дети справятся с ней как белочка с орешками.

— Вот и хорошо. Дарья Леонардовна, мне неудобно расспрашивать вас, но у нас сегодня был капитан Каратов, да и Фаина заходила не в шахматы играть, в общем, мне известно, что Семён преподнес вам ту бутылку коньяка, ну вы понимаете, да? Так вот меня интересует,

что между вами было, если Семён, судя по всему, хотел загладить свою вину?

— Загладить вину отравленным коньяком? — съязвила я.

— Оставим содержимое в покое — это какое-то недоразумение, но вы ведь взрослая женщина и понимаете, о чем я вас спрашиваю. За что Семён извинялся перед вами? — настаивала Вероника.

— А разве он не рассказал вам, как напугал меня позавчера вечером?

— И это всё — просто напугал? Я хочу слышать, что произошло, из ваших уст.

— Ничего существенного, — солгала я. На самом деле я пережила ужаснейшие минуты в своей жизни, но последние события вытеснили прежние переживания. — Я фотографировала закат над речкой и была так увлечена, что не заметила, как ваш муж подошел ко мне. Я закричала, испугавшись, — вот и всё.

— И всё? Вы вдвоём гуляли по лесу?!

— Нет, честное слово, *с вашим мужем* по лесу я не гуляла! На крик прибежал Хосе Игнасио и провел меня до самой калитки, а ваш муж отправился в противоположную сторону, извинившись, хочу заметить.

Не знаю, к кому Вероника приревновала больше, но её насупленное лицо говорило красноречивее любых слов — она блеснула глазами как пантера и скривила губы в недовольной ухмылке. Почему я должна скрывать, что дружу с Хосе Игнасио? Он не её собственность, не так ли? У Вероники есть муж, есть Элфи, и я на них не претендую, впрочем, и с Хосе Игнасио нас тогда связывали далеко не любовные отношения, что бы он не говорил о симпатии ко мне. В общем, я ослушалась советов Каллисты Зиновьевны, и Вероника вполне могла обозлиться на меня.

Эмма еще не вернулась с работы, и Вероника вместо неё отвела меня в детскую комнату, не проронив больше ни единого слова. За короткий срок репетиторства в семье Намистиных я заметила, что Эмму воспринимают как члена семьи (Вероника — как прислугу), и она чаще ночует в поместье, чем у себя дома. В ходе урока (а мы чертили на плоскости четырехугольники по заданным координатам и находили координаты точек пересечения сторон с осью x и осью y) нам потребовались инструменты, и Филипп раскрыл ящик своего стола, где среди линеек, треугольников, карандашей и всякой чепухи типа карточек с марками автомобилей и изображениями мультипликационных героев, я обнаружила шприц. На мой вопрос «Откуда это у вас?» мальчишки ответили, что нашли в комнате Эммы.

— Когда у Эммы насморк, она делает себе промывания соленой водой, — объяснил Кирилл, но сами понимаете, появление шприца после яда в коньяке и конфетах не могло меня не насторожить, и я даже спросила себя: «Могла ли Эмма стоять за отравлением, и кто ей мешает?», но она казалась мне слишком добродетельной и милой, и я не могла найти ответа эти вопросы.

С Филиппом и Кириллом мы закрепили тему «Координатная плоскость и графики»; отмечу, что они отлично справлялись с заданиями и никогда не стояли при мне на ушах. Мы уже повторяли материал, когда к нам вошел Семён. Мы пересеклись взглядами. Он пригладил свою козлиную бородку и смочил губы, подходя к столам (в детской имелось два письменных и два компьютерных стола).

— Дарья Леонардовна, я хотел ты обсудить с вами успеваемость своих ребятишек — вы ведь уделите мне несколько минут? — спросил он и развернул стул Кирилла. — Бегите, поиграйте в танчики. — Дети радостно послушались и убежали, а мы сели на их места. — Я

сожалею о случившемся, — сказал он шепотом, чтобы никто не смог расслышать его слов. — Я должен объясниться, чтобы вы ни в коем случае не подумали, будто бы я намеревался вас отравить. Ни в коем случае! Это страшная нелепость, дурацкое стечение обстоятельств. Я сейчас всё объясню. У меня и в мыслях ничего дурного не было. Рассудите сами, разве я писал бы вам записку, отставлял бы кучу своих отпечатков на бутылке, коробке, на том же пакете, если бы желал вам смерти — меня бы вычислили, как пить дать?! Я не убийца! Вы, между прочим, эффектная леди, и я не теряю надежды, что мы найдем с вами общий язык. Зачем мне вас травить? Из-за того, что вы отказали мне? Так я сам виноват — признаю, вел себя недостойно. Я искренне сожалею, что набросился, потому что нет ничего приятнее, когда женщина отдается добровольно. Забудем тот случай в лесу — подобное никогда не повторится, обещаю вам. Но если вы передумаете, то дайте мне знак, и я буду целовать ваши колени и...

— Тсс, — остановила я его, — где вы взяли бутылку и конфеты?

— Дома! В нашем баре! Это может показаться невероятным, но... но всё-таки кто-то хотел кого-то убить. Капитан Каратов вывернул всё наизнанку, открылись кое-какие любопытные подробности, но чья была бутылка и конфеты остается неясным. Мы ждали гостей: в баре оставалась одна не раскупоренная бутылка, одна початая; Эмма покупала коньяк и конфеты в магазине Джеймса (две бутылки и две коробки); две бутылки я привез из супермаркета вместе с конфетами и другими продуктами к столу. Считайте, бутылок должно было бы быть шесть, но я человек не мелочный — не считал, а сегодня подсчитать пришлось. После того, как я отнёс вам пакет, число бутылок коньяка в баре не уменьшилось. Чертовщина какая-то! Капитан Каратов насчитал в мусорном ведре пять пустых бутылок, одна полупустая осталась на барной полке. Значит, вчера бутылок было семь, а не шесть. Откуда взялась седьмая бутылка, не хотя рассказала Вероника. У неё роман с нашим мэром — вчера он принес ей её любимый коньяк и те же любимые конфеты. Уж не знаю, не он ли закачал яд в свой подарочек — пусть Каратов разбирается, а я для себя давно решил, что не стоит отовариваться у Бонитетова — местного Джеймс Бонда, и высказал Веронике всё, что думаю об Элфи. Эти два идиота у меня уже в печенках сидят. Но самое интересное — Элфи отрицает, что приносил Веронике коньяк и конфеты, а его записка, которую Вероника показала Каратову, написана не его рукой. Кто-то другой, получается, оставил подарочек в почтовом ящике и позвонил в звонок, но как ни странно никто из соседей никого не видел. Прямо полтергейст, Дашенька. Не знаю, на кого и грешить.

Я поверила Семёну. Приоткрыв ящик стола, я взглядом указала на шприц:

— Эмма часто промывает нос соляным раствором?

— Эмма? — переспросил он и потянулся рукой к шприцу.

— Я бы не стала брать его в руки, а лучше предложила бы Каратову проверить, соль или яд засох на стенках.

— Конечно, соль! Эмма и мне как-то предлагала нос промыть. Такая уж она заботливая и экономная — аптечные капли для носа не покупает! — захихикал Семён, уставив на меня повеселевшие глазки.

— Ну, если вы уверены, не смею настаивать, но вся эта история с отравлением ни чуть не легче истории с убийством Каллисты Зиновьевны. Можно умом тронуться, если подозревать каждого.

— Да, жалко эту старую сплетницу, что ни говори, а умерла она паршиво; хорошо, хоть Лилия за ней на тот свет не отправилась.

— Семён Романович, мне пора идти, — я встала, услышав приближение шагов.

— Да, конечно, — он тоже поднялся, — не говорите Веронике, как я вёл себя в лесу — мне стыдно, честное слово.

— Будьте спокойны, от меня подробностей она не услышит.

Быть замешанной в любовные дела Намистиных у меня не было ни малейшего желания, и я попрощалась с детьми как раз перед появлением Вероники.

Она искоса посмотрела на нас с Семёном:

— Дарья Леонардовна, там Окунев Глеб Васильевич — сын Каллисты Зиновьевны ищет вас. Он приехал на катафалке с гробом, крестом, венками и телом. Поторопитесь.

Celui qui sait beaucoup dort peu

Меньше знаешь — лучше спишь.

Эммы всё еще не было, и Веронике снова пришлось провожать меня через весь двор. Мы перебросились парой реплик о похоронах и у ворот попрощались — меня ждал коренастый седой мужчина в серых брюках и старомодном пиджаке с затертыми рукавами. У него была свежая стрижка, и короткие волосинки на воротнике свидетельствовали о недавнем посещении парикмахерской. Я сразу отметила, что сын Каллисты Зиновьевны обладает привлекательными чертами лица. Было в нем что-то женское, но его лицо мне понравилось большими голубыми глазами с легкой зеленцой, выразительным очертанием губ и волевым подбородком. Он заговорил со мной хриплым грудным голосом, соблюдая нормы приличия и этикета:

— Здравствуйте, Дарья Леонардовна, жаль, что нам довелось познакомиться при столь неприятных обстоятельствах. Меня зовут Глеб Васильевич. Мама с восторгом отзывалась о вас, звала в гости, а я за две недели так не выкроил дня, чтобы приехать. Как я жалею об этом, вы себе и не представляете.

Он предложил руку, и мы направились к машине. Я в свою очередь выразила соболезнования, а он похлопал влажной ладонью по моим пальцам и сказал опечалено:

— Жену не отпускают с работы, а я толком не разбираюсь в похоронных обрядах, поэтому обратился в бюро ритуальных услуг. Они всё сделают и сегодня, и завтра. Единственное, нужно найти в шифоньере черное платье с алыми пионами — мама неоднократно напоминала, что хочет, чтобы её положили в гроб именно в нём.

— Мы его непременно отыщем. Вы останетесь ночевать, Глеб Васильевич? — спросила я.

— Нет, я уеду вместе с этими ребятами, — он указал жестом на двух парней, переносящих во двор крышку от гроба. Крест и венки уже стояли под стенкой. — Завтра с самого утра приеду с женой и сыновьями. Надеюсь, вы не побоитесь спать под одной крышей с покойником?

— Бояться нужно живых, — ответила я. — За меня не беспокойтесь — мне уже пообещали составить компанию на вечер, да и ночь я как-нибудь скоротаю.

— Думаю, местные вечером и так не дадут вам скучать — соберутся все старушки, обступят гроб со всех сторон и будут судачить допоздна. Я тут подумал, что мы поставим гроб на вашей части дома. Большая комната ведь по-прежнему пуста? Принесем стулья, стол, лавки, если вы не возражаете, конечно.

— Нет, не возражаю. По-моему, так будет даже проще — не нужно занавешивать простынями трюмо и сервант, и ковры сворачивать в гостиной Каллисты Зиновьевны.

— Да, и еще я хотел вам сказать, что мы с женой не планируем ни переезжать в этот дом, ни продавать его — будем использовать как дачный участок, поэтому ваше присутствие нам несколько не помешает. Живите сколько хотите! Но только не занимайте часть дома матери. Я хочу, чтобы там всё осталось без изменений.

— Разумеется, Глеб Васильевич, — ответила я.

Не буду останавливаться на этом эпизоде и расскажу вам о том, что случилось через некоторое время.

Посреди комнаты три на четыре метра с местами отклеившимися желтыми выцветшими обоями и крашеным деревянным полом со щелями, в которые запросто может проскользнуть не только монетка, но и коробок спичек, стоял гроб на двух табуретках. На столе горели свечи; мутноватый свет разгонял вечерний полумрак по углам. Унылые старухи шептались, сидя на лавках. Одна с видом провидицы утверждала, что Каллиста Зиновьевна потянет за собой в могилу виновника своей смерти; другая — плевалась, оспаривая её слова; третьи — тупили взгляды на сложенных на груди руках покойницы и без толку качались взад-вперед, время от времени вспоминая других покойников, их предсмертные часы и подобные вечера. Я заглядывала в комнату, но тут же исчезала, как только старухи оборачивались в мою сторону — говорить с ними я не хотела. Я не хотела абсолютно ничего и пряталась в спальне, глядела сквозь оконные стекла на алый закат. По темнеющему небу медленно растягивались перистые облака. Рыжий кот Лилии умывался на пологой крыше опустевшего дома, а внизу лаял её пес. Я расчувствовалась и поспешила через двор в запертую часть дома, чтобы взять что-нибудь съестное и накормить несчастных животных, но меня остановил мужчина в грязной фуфайке и с растрепанными редкими волосами. По забинтованным кистям я догадалась, что это был Ян Вислюков.

Он неуклюже переминался с ноги на ногу, вжал голову в туловище так, что не было видно шеи. Из-за узких штанов и фуфайки не по размеру он был похож на напыщенного индюка с сине-красным носом. У него были темные густые брови и стеклянные бледные глаза, жесткая борода, скрывающая губы, грубый голос и фамильярная речь неадекватного человека.

— А это *ты*, Дашка? — пробормотал он, вытянув вперед руку, будто намеревался схватить меня за локоть. — Так вот ты какой, северный олень?! Ничего бабёнка! Не зря слюнявый таракан как кенгуру скакал вчера с розовым пакетом! Только говорят, подарочек был со смертельным ядом, да? Собирала бы ты манатки и съезжала отсюда, пока цела. Видишь, что началось? И докторишку забирай с собой.

Я отступила назад. От Яна пахло настолько отвратительно, что я не могла дышать с ним одним воздухом.

— А что началось? — спросила я.

— А *ты* сама не знаешь? — он обнажил верхний ряд кривых зубов, как это делают волки, пугая противника. Хорошо, хоть не рычал. — *Ты* раздраконила гарпию и этим всё сказано!

Он посмотрел сквозь меня, дьявольски насмехаясь, и я проследила за его взглядом — он смотрел в окно. К подоконнику уже припали старухи, и их головы появлялись одна над другой.

— Я вас не понимаю.

— Может гарпии гнездо здесь свить надумали, а может на этом участке залежи нефти! — расхохотался он и набросился на меня, двигаясь как воскресшая мумия.

— Не говорите глупости! — я оттолкнула его назад.

— Это правда! Гарпии не дремлют — они всё спланировали. Не зря же бабу Каллисту придушили и тебя убрать хотели. Гарпии и слюнявый таракан, скорее всего, за одно, так что поберегись! Уезжай отсюда и докторишку забирай с собой.

— Вам что-то известно? Расскажите! — попросила я негромко. — Кого я раздраконила? Чем? Кто задушил Каллисту Зиновьевну?

— Ага, так я и сказал! С гарпиями шутить опасно. Собирай чемоданы и проваливай

отсюда!

С такими словами Вислюков Ян прошел мимо меня и направился к старушкам-сплетницам. Я уже представляла себе, *что* они начнут говорить обо мне, *как* исковеркают услышанное, но идти вслед за пьяным невменяемым больным человеком я и не подумала. Разве хоть один здравомыслящий воспримет всерьёз его слова? Какие еще гарпии? Но, тем не менее, почему он сказал «гарпии»? Кому мешаю я? Неужели под гарпиями он имел в виду Намистиных? Нет, он сказал: «гарпии и слюнявый таракан», значит, если слюнявый таракан — это Семён Намистин, то гарпии — это — и тут меня осенило — остальные члены «великолепной четверки»: Вероника, вспыльчивая красавица Фаина и скромница-блондинка Эмма.

Bouche baisée ne perd pas sa fraîcheur

От поцелуев уста не блекнут.

Тогда я обезумела от подозрений. Вопросы так и навязывались, и отделаться от них мне удалось лишь в не полной мере, погладив пушистого кота Лилии. Он жадно грыз куриную лапку, как и два лохматых пса по разные стороны забора, а потом еще долго терся о мои ноги, выпрашивая добавки. С котом на руках меня застал Хосе Игнасио.

Вислюков Ян всё еще находился в доме, а старушки потихоньку расходились. Мы стояли на крыльце; я гладила пушистого кота; Хосе Игнасио рассказывал о допросе — Капитан Каратов и с ним беседовал около двух часов.

— Меня задержала Миа, — сказал он позже с виноватым видом, — у нее сломалась розетка, и она попросила меня починить. Я снова был у неё дома. Пользуясь случаем, проверил электронную почту в надежде хоть на один утвердительный ответ по моим письмам — ничего. Эта глушь действует мне на нервы. За всё время ко мне на приём приходили от силы человек двадцать, и то чаще дети с простудными заболеваниями. Я здесь умру от скуки, — жаловался он.

— Неужели тебе скучно и сегодня? — спросила я. — У меня голова пухнет от догадок. Я успокоиться не могу. Меня так и распирает желание узнать, кто за всем этим стоит.

— Мне тоже интересно, но я не хочу гадать и уподобиться местным сплетницам.

— Это *так* по-мужски!

Пару мгновений мы молча смотрели друг на друга. В этом молчании была симпатия, робость и неуверенность, но это молчание действовало на меня как бальзам на раны.

— Зайдем? — предложила я и выпустила пригревшегося кота.

Мне показалось, что Хосе Игнасио хотел что-то сказать, но он так и не решился. Мы вошли в дом.

Старушки переглянулись и не произнесли ни слова. Ян Вислюков стоял к нам спиной и неразборчиво говорил сам с собой, слегка наклонившись над столом. Что он там делал, невозможно было угадать, не подойдя к столу. Любопытство потянуло меня в противоположный конец комнаты. Ян держал двумя забинтованными руками свечу и неуклюже писал каплями расплавленного воска зашифрованное послание на металлическом подносе. Что за тараканы жили в его голове, если он не мог прямо рассказать о том, что ему известно, вместо того чтобы водить окружающих за нос.

Определенно он написал три слова. Трудно было распознать все буквы с первого раза, но я прочитала. Каплями воска было написано «Дочь пророка и Зелье».

— У гарпий разные перья, но белая гарпия это тоже гарпия, а не ангел, — тихо произнёс Ян.

— У него белая горячка, — зашептали старухи. — Совсем ополоумел.

Из коридора донесся звук шагов. Я оглянулась. В дверном проёме остановились Семён и Вероника Намистины. Она презрительно окинула всю комнату надменным взглядом и заметно свела брови, глядя прямо мне в глаза. Так уж получилось, что по обе стороны меня окружали её бывшие любовники. Она не удостоила вниманием Яна, а от Хосе Игнасио не могла оторвать глаз. До чего смешно она выглядела: элегантная (в черных перчатках по локоть, пальто персонального кроя), серьезная, с двумя гвоздиками и с отвисшей челюстью.

Семён вывел её из состояния ступора и подвел к гробу. Она бросила гвоздики, не опуская глаз.

— Рано или поздно каждый получит по заслугам, — Ян нарушил тишину и, обойдя гроб с другой стороны, покинул комнату.

Хосе Игнасио обнял меня за талию и, не здороваясь, сверлил взглядом Намистиных. Его дыхание стало прерывистым, я чувствовала, как нарастало его волнение. Это была их первая встреча спустя неполные семь лет. Похоже, Семён догадался, что Вероника тоже разволновалась, и, лихорадочно облизав губы, предложил ей уйти:

— Выражать соболезнования не кому — идём, дорогая. Не стоит задерживаться. Своё почтение мы уже проявили. Ну же, идём. Идём! — он силой развернул её, и она пошла с ним, медленно переставляя ноги. Тонкие, как гвозди, каблуки пару раз застряли в щелях, и она с трудом их вынимала, будто нарочно продлевая время пребывания в одной комнате с Хосе Игнасио.

— «Дочь пророка и Зелье», — я взяла в руки поднос, — что это значит?

— Уж не Зельеву Эмму Вислюков белой гарпией прозвал? — задорно предположила та старушка, которая недавно говорила, что Каллиста Зиновьевна заберёт на тот свет и своих обидчиков.

— С какой стати Эмме душить Каллисту? — подхватили остальные.

— В тихом омуте черти водятся, — прозвучало в ответ. — Кто-то же её задушил.

— Я бы не воспринимал всерьёз эту надпись — Ян ненадежный источник информации. С ним вообще творится что-то странное. Он живёт в своём нереальном мире. — Сказал Хосе Игнасио и взял из моих рук поднос. Он повертел его и вернул на стол. — Какая-то ерунда.

Мы постояли еще пару минут у гроба. Все молчали. Атмосфера была напряженной. Я увела Хосе Игнасио в коридор:

— Ты ужинал? Я бы с удовольствием съела сейчас огромный кусок медовика и выпила полулитровую чашку крепкого чая с бергамотом! А ты?

— А я бы не отказался от яичницы! Давай прогуляемся в магазин и, если ты не против, вместе поужинаем.

Предложение было принято. Мы выбрали торт, купили необходимые продукты. Хосе Игнасио расплатился. София подмигнула мне, лукаво улыбаясь. Встал вопрос, где нам ужинать. Не в кухоньке смежной с комнатой с гробом, однозначно. Хосе Игнасио пригласил к себе, но подобный поступок вызвал бы бурю обсуждений и осуждений у местных сплетниц, в том числе и у Вероники, поэтому мы расположились в кухне Каллисты Зиновьевны. Я подумала, что её сын не сильно расстроится по этому поводу — я обещала, что не буду занимать весь дом и сдержу обещание, но лишь после похорон.

Мы нажарили картофеля, яичницу из пяти яиц. Я достала из погреба бутылку с солеными помидорчиками; наложила в тарелку квашеной капусты, порезала луковицу, добавила подсолнечного масла; почистила селёдку и заварила чай. Хосе Игнасио ел как волк. Такой забавный! Его аппетиту можно было позавидовать — что значит двадцать четыре года. Глядя на него, и я не отставала. Очередь пришла и к десерту. Мы уплетали торт за обе щеки, не стесняясь испачкать руки и губы в заварной крем с кондитерской крошкой.

— Когда я с тобой, я забываю обо всём, — произнёс Хосе Игнасио, вытирая кончиками пальцев мои губы. Я почувствовала, как краска заливает лицо, и неохотно уклонилась от его руки.

— Мы можем быть лишь друзьями. Не прикасайся больше ко мне, — я встала и начала

убирать пустые тарелки со стола, а сама думала и о его прикосновениях, и о разнице в возрасте, и о том, что он импотент тоже.

— Прости, — прошептал он и осторожно взял меня за руки, вынуждая отложить посуду. — Я люблю тебя, Даша, но не осмеливаюсь добиваться твоей любви, потому что неполноценный. Я боюсь, что не дам тебе того, что может дать другой мужчина. Но со мной происходит что-то необычное, когда ты рядом. Я оживаю с тобой. Я чувствую в себе желание. Вот и сейчас, когда прикасаюсь к твоим запястьям, чувствую твой ускоренный пульс, вижу смятение в твоих глазах, я мечтаю о поцелуе, и всё во мне трепещет как в семнадцать лет.

— Я для тебя старуха, Хосе Игнасио. Я старше на одиннадцать лет!

— Меня тянет к тебе как магнитом.

Он подошел вплотную, взял меня за талию и крепко прижал к себе. Я на миг забыла, сколько мне лет. Неопытная девчонка в моём теле тоже хотела поцелуев, нежности и признаний в любви. Я и не думала, *какие* чувства нахлынут; не думала, что позволю губам Хосе Игнасио покрывать мою шею ласковыми поцелуями. Я не чувствовала ног; в голове розовый туман; на губах робкий поцелуй горячих губ.

— Это безумие. — Я отталкивала его. Он снова целовал меня. Я не находила в себе сил отказаться от его поцелуев. Они были слишком сладкими и вкусными, как голодному горбушка свежего пахучего хлеба.

— Да, это безумие, потому что не может быть продолжения, — раздосадовано шепнул Хосе Игнасио. — Скажи, если бы мы с тобой... — он нерешительно посмотрел мне в глаза. — Может, мне бы удалось... Что если нам было бы хорошо вместе?

Никогда мне еще было так неловко перед мужчиной. Его руки сжимали талию и гладили по спине; за окном цвела сирень и щебетали птицы; я боялась влюбиться в импотента.

— О нас будут говорить. Ты слишком молод для меня. Меня назовут аморальной... Вероника уволит меня сразу, как только узнает! Нет, забудь эту идею. Проводи эксперименты на Миа — она как раз подходит для тебя, да и ты ей нравишься, сам же говорил, что она и раздевалась перед тобой.

— Ты думаешь, что я выбрал тебя для эксперимента?! Нет! Тебя выбрало моё сердце. А Миа к нему не подобрала ключей. Она утверждает, что может вылечить меня, но я, кажется, могу обойтись и без её помощи.

— Ты хочешь сказать, что...

— Да, он подает признаки жизни. Это невероятно! Ты мое лекарство, Даша.

— Горькая микстура, которую ты готов пить с закрытыми глазами, лишь бы чувствовать себя мужчиной? Это не любовь, Хосе Игнасио.

— Ты, та женщина, к которой меня влечет впервые за семь лет. Как называется это чувство, когда я думаю лишь о тебе, прокручиваю в памяти наши разговоры, фантазирую и представляю разные ситуации, придумываю наши диалоги, мечтаю быть с тобой, засыпать, обнимая твои плечи, целовать твою шею, вдыхая запах твоих волос. Я хочу жить с тобой! Разве это не любовь? Каждая клеточка во мне стремится к тебе. Каждая! И твой поцелуй — а ты ответила! Ответила! — Твой поцелуй дал мне надежду. Прошу, давай попробуем. Разреши мне любить тебя.

От его слов у меня закружилась голова. Слабость по всему телу разлилась с бурным потоком нежности. Стать любовницей Хосе Игнасио в прямом смысле слова? О Боже! Я не

нашла ничего подходящее для ответа и сказала, что подумаю.

— Подумаю! Подумаю! — бормотала я в его объятиях, а он ласкал меня поцелуями, и я была уже почти согласна.

— Переночуем сегодня у меня? — предложил Хосе Игнасио весь вспотевший от страсти.

— Нет, я еще не готова. Не торопи события.

Mieux vaut assez que trop

Во всем знай меру.

На часах было одиннадцать, и я решила, что пора закругляться — нужно было посмотреть, все ли старушки разошлись по домам, погасить на ночь свечи и ложиться спать. Я мечтала залезть под одеяло, укрыться с головой, оставить лишь щелочку для носа и думать перед сном о пленительном времени, проведенном в объятиях Хосе Игнасио.

— Нужно вымыть посуду и прибрать со стола, — засуетилась я.

Хосе Игнасио не возражал и как мог помог мне.

Мы вышли во двор и вошли в дом с другой стороны. Межкомнатная дверь, соединяющая две части дома, была закрыта мной на оба шпингалета, чтобы посторонние не ходили по всему дому, а вот дверь в мою спальню не закрывалась. Я понадеялась, что в моё отсутствие никто не посмеет рыться в моих вещах, но оказалось, что кто-то либо что-то искал, либо нарочно разбросал по полу мои личные вещи вплоть до нижнего белья. Все двери, кроме той, что на шпингалетах, были настежь раскрыты. Мои блузки, юбки, платья скомканными лежали как ненужный хлам.

— Кто посмел устроить здесь погром? — возмутилась я, поднимая с пола бюстгальтер. — Кто посмел залезть в мой шифоньер?

— Может Дружка впустили? — предположил Хосе Игнасио.

Я подбирала свои вещи, то и дело выхватывая их рук Хосе Игнасио то трусы, то майки для сна. В комнату с гробом я вошла с ворохом тряпок и в дверном проёме застыла от увиденного, не решаясь сдвинуться с места. Около сотни свечей были воткнуты в половые щели. Часть, приклеенные расплавленным воском, стояли на обшарпанных досках. Огнями светилось слово «Ведьма» и буква «Э» в правом углу, словно подпись автора послания.

— И свечки тоже Дружок расставил?! Наш с тобой ужин слишком затянулся, Хосе Игнасио. Я должна была находиться здесь. Кто-то дурачится, мне кажется. Может, проделки Вислюкова. У него явно не все дома — то про гарпий мне рассказывал, а теперь вот, пожалуйста, ведьма из свечек.

— И буква «Э», — добавил Хосе Игнасио. — Эмма не стала бы себя афишировать. Кто-то хочет, чтобы её подозревали. Кто-то отводит от себя подозрения.

— Ян Вислюков? — мы переглянулись.

— У него ожоги. Сомневаюсь, что он мог бы задушить Каллисту Зиновьевну, но он мог оказаться на месте убийства и, действительно, мог что-то знать. Что если он видел кого-то за поликлиникой? Идём, — он направился к столу, взял в руки поднос, но восковые капли исчезли. Остались лишь остатки счищенного воска.

— Здесь было написано «Дочь пророка и Зелье», — сказала я. — Может быть, он не дописал «ва» после «Зелье». Тогда получилось бы «Зельева». Эмма Зельева.

— Давай думать логически: у Эммы нет причин набрасываться на Каллисту Зиновьевну...

— Но у кого-то же они были!

— Возможно, её убрали как ненужного свидетеля. Но что такого она могла увидеть, услышать в районе поликлиники, я не могу себе представить.

— А я, кажется, догадалась! Каллиста Зиновьевна видела того, кто принёс Намистиным

ядовитый презент. Точно! Других вариантов и быть не может. Цель убийцы Намистины, а Каллиста Зиновьевна случайная жертва. Убийца заманил её в глухой угол и безжалостно лишил жизни. Вислюков тоже мог стать свидетелем, но уже после убийства. Убийца, возможно, находился еще на месте преступления, когда ты с Вислюковым курил на пороге. Потом ты ушел, а Вислюков... Что если он пошел за угол, а там... Или у меня уже паранойя, как думаешь?

— Мне нравится, как ты рассуждаешь. Но есть несостыковки — это шахматная фигурка и «гарпии» во множественном числе. То есть гарпий как минимум две.

— И одна белая, а вторая черная. А про Семёна он говорил, что он, *скорее всего*, за одно с гарпиями. «*Скорее всего*» — Ян не утверждал. У меня мозг сейчас взорвется. Помоги мне погасить свечи и собрать их в кучу, — попросила я и принялась делать то же самое.

Хосе Игнасио охотно помогал мне:

— Даша, я боюсь оставлять тебя одну, — сказал он. — Если ты не пойдешь ночевать ко мне, я останусь здесь. Лягу на лавках и буду сторожить тебя как преданный пёс.

— Не нужно. Я закрою дверь на замок, и меня никто не потревожит. Нам не нужны лишние сплетни. Уверена, завтра о нас с тобой и так разговоров будет больше, чем надо. Поэтому иди домой и не тревожься обо мне. Всё будет в порядке.

Уговорить Хосе Игнасио было непросто, но в двенадцатом часу мы всё-таки попрощались. Свечи погасили, и на утро о загадочной надписи напоминали лишь застывшие восковые лужицы. Без свечей по ним трудно было определить, что же там было написано, а вот у меня перед глазами это огненное слово «ведьма» стояло еще долго.

Вот бы можно было лечь спать, а на утро проснуться без забот и хлопот, чтобы все опасения и неприятности попросту исчезли, испарились, улетучились как сон, но проблемы сделаны из другого теста — они бесследно не исчезают. Утром мне нездоровилось — снова будто какая-то ведьма порчу навела — и голова кружилась, и всё зеленело и прыгало перед глазами как лягушки на болоте. Но нежиться в постели — роскошь непозволительная, каким бы не было состояние, — нужно было привести и себя, и мысли в порядок.

Я ходила по дому как душа неприкаянная; нигде места себе найти не могла. Перебрала охапку одежды — всё требовалось перестирать: полы были грязные; проверила другие личные вещи — пропала розовая губная помада и шейный платок из цветастого атласа. Хорошо, что я папку с документами и банковской картой спрятала в надежное место — хоть это меня порадовало. После того, как кто-то рылся в моих вещах, я решила, что не оставлю впредь посторонних без присмотра, даже если с виду они будут как божьи одуванчики. О пропаже платка и помады я не стала заявлять в полицию. Надо было всё-таки заявить, но, как говорится, *умная мысль приходит опосля*, и о пропаже я рассказала лишь Хосе Игнасио и Лилии.

Перед работой Хосе Игнасио зашел проверить, как я. Утром я уже и не верила, что вечером мы жарко целовались и что я мечтала уснуть, летая в розовых облаках, а уснула, словно проваливаясь в черную дыру, поглощающую весь оптимизм, наэлектризованное спокойствие и весеннюю романтику. Мы недолго постояли на крыльце. Хосе Игнасио со смущенным видом поцеловал меня в губы; при свете дня я видела румянец на его гладко выбритых щеках. На мгновение я подумала, что уехала бы с ним куда угодно, далеко-далеко, где нет Намистиных, живущих как в мыльном сериале: любовники, любовницы, сплетни и к тому же убийства. Я закрыла глаза, и меня охватил трепет перед несдержанной силой нахлынувшего чувства. Как бурная река этот поток вымыл из моей головы тяжелые, словно

камни, мысли, болотную зелень, и осталась лишь слабость, легкая и приятная как воздушный зефир. Я увлекла Хосе Игнасио в коридор, чтобы никто не подглядывал за нами, и сама впервые за два года проявила инициативу — я пила его поцелуи как сладкий нектар, и меня ничто не останавливало. Это был кипящий вихрь страсти, порожденной тысячами ночей воздержания; вихрь, срывающий крыши и лепестки бульдонежей; вихрь, в котором черное сливалось с белым и буйствовало разноцветьем полевых цветов.

Хосе Игнасио шептал мне признания в любви с юношеским пылом. Это было лучшее лекарство от моих недугов. За пять минут я снова обрела силу и уверенность, ко мне вернулась радость и азарт перед неизвестностью. Хосе Игнасио зарядил меня энергией как электрический ток гальванические элементы.

— Беги на работу, — сказала я, уловив неприветливое рычание Дружка во дворе, — кто-то идёт.

Хосе Игнасио поглядел на меня пристальным взглядом, полным протеста, но сдался, блаженно опустив ресницы:

— Обещай, что уедешь со мной! — умолял он с ребяческой наивностью.

Я погладила его по щеке; его губы покрыли поцелуями мою ладонь. Он неуверенно опустил голову, глядя на меня распахнутыми заклиняющими глазами. В расширенных зрачках таилась глубокая душевная рана, чернее вороньего крыла, чернее самой черной ночи на Земле.

— Давай посмотрим, что принесёт нам время, — ответила я, отрезвев, — не будем загадывать, ладно?

Лицо Хосе Игнасио вдруг сделалось смешным как у обиженного ребенка:

— Что мне сделать, чтобы ты согласилась?

— Ничего. Просто будь собой!

Mordu de chien un de chat, c'est toujours la bête du à quatre pattes

Хрен редьки не слаще. (Какой палец не укуси, все больно).

Я открыла дверь. На крыльцо как раз поднялась Лилия Оливер. Её выписали из больницы, и она первым делом пришла ко мне, но принесла с собой дурные вести:

— Пастух сегодня с дыркой голове в канаве, что напротив сельсовета, нашел разутого, в заштопанном носке пропойцу Вислюкова на рассвете.

— Убили Яна?

В моей душе опять переполох. Хосе Игнасио мгновенно изменился в лице. На нём попеременно оставляли отпечатки удивление, жалость, непонимание, подозрительность и тревога. Все эти же чувства поочередно нахлынули и на меня, как холодные морские волны на горячие прибрежные камни. Эти неистовые высоченные волны вдавливали меня в пол, но я отчаянно сопротивлялась:

— Не может быть! — закричала я в ужасе. — Что же это творится такое?

— Злого джина из лампы старинной будто выпустил некий шельмец; или шельма готовит на ветках крапивы приворотное зелье из мертвых сердец.

Голос Лилии тягучий и приглушенный взбудораживал до дрожи в коленях. Хосе Игнасио будто спросонья смотрел на неё с недоумением:

— Какая гадость! — заговорил он взволнованно. — Да расскажи же нормальным языком, что произошло!

Лилия молча повела плечами и стала ногтем царапать облупившуюся краску на дверном косяке, потупив взор.

— Вы никогда не играли в литературные игры? — вдруг спросила она обычным человеческим языком, без ямбов или хореев, без рифм, сравнений и метафор. — В «Мафию», например?

Хосе Игнасио в замок сложил руки на уровне груди, защелкал суставами и задумчиво ответил:

— Надо быть больным на всю голову, чтобы играть в такие игры, совершая реальные убийства.

— Вислюков — второе убийство за неделю, — Лилия повела бровями и прищелкнула языком. — А смертей могло бы быть в два раза больше, если бы мы с Дашей выпили по бокалу коньяка. Никто бы тогда нас не спас, и мы бы сейчас здесь не стояли. Кто-то затеял эту игру, и я уверена, что вы, — она обвела нас двоих взглядом, словно рисовала большое сердце, — вы имеете прямое отношение к этой истории. До вашего появления в посёлке было тихо и ничего не предвещало калейдоскопа убийств. Подумайте, кто из вас кому-то наступил на больной мозоль?! А может это ты, Хосе Игнасио, задумал отомстить Намистиным, но что-то пошло не по плану?! — она засмеялась, переведя свои слова в шутку, но намёк был ясен как солнечный день.

— Я не играю в подобные игры, Лилия, — уверил Хосе Игнасио грозным тоном. Его задело обвинение, но он не стал распыляться и приводить аргументы — лишь эмоционально изобразил возмущение жестами и мимикой.

— А кто-то играет! — продолжила Лилия. — И этот кто-то зачем-то снял с Вислюкова

обувь и один носок, огрел по голове чем-то тяжелым и бросил в канаву. При этом Вислюков лежал на спине с расставленными руками как снятый с креста.

— Кто бы это ни был, его вычислят — посёлок маленький, раз, два и обчелся; здесь же даже у стен глаза и уши есть, — сказал Хосе Игнасио торопливо. — Мне нужно идти, — он сжал мою ладонь и многозначительно посмотрел в глаза, — увидимся.

День похорон Каллисты Зиновьевны прошел в суматохе. Капитан Каратов по второму кругу проводил допросы, расспрашивал о Вислюкове и о надписи воском на подносе — кто-то расписал ему эту историю в красочных деталях, добавив много такого, чего и в помине не было. Так, например, капитан Каратов выдвинул гипотезу, что Эмма Зельева влюблена в Семёна Намистина и могла бы отравить Веронику; что Ян Вислюков поплатился жизнью за надпись на подносе, выдав имя убийцы, зашифрованное в послании, которое по-разному толковали местные сплетницы. По горизонтальным волнистым морщинам на вспотевшем лбу капитана можно было судить о том, что он не в восторге от грязного потока сплетен, вылившегося на его полысевшую голову. То ли он нюх потерял, то ли кто-то хорошенько запудрил ему мозги, потому что ни через неделю, ни через две, ни через три — он так и не вышел на след настоящего убийцы (или убийц, как говорил Ян Вислюков, называя их гарпиями).

А в конце мая, когда Филипп и Кирилл Намистины готовились к итоговым контрольным работам, произошло третье убийство. Прежде чем назвать вам имя жертвы и раскрыть обстоятельства её смерти, я хочу вкратце посвятить вас в те незначительные романтические события, которые произошли со мной и Хосе Игнасио, и поведать вам еще одну историю любви — любви Лилии Оливер и Джеймса Бонитетова — того, кто состоял в легких интимных отношениях с продавщицей Софией Булавкиной и враждовал с Семёном Намистиным.

Май закружил нас в водовороте разноцветных радужных сердечек, причудливых соцветий полевых цветов, в водовороте светлых мыслей и волшебных грёз. Вы ведь догадались, что я влюбилась! Влюбилась как школьница в самого красивого, в самого умного, в импульсивного, нежного и страстного парня с именем из фильма «Просто Мария»!

После того, как Вероника увидела меня с Хосе Игнасио, когда мы застыли у стола со свечами, а перед нами гроб, она стала избегать встреч со мной, и все вопросы относительно уроков Филиппа и Кирилла я решала с Эммой. Эмма по-прежнему в поместье Намистиных оставалась членом семьи, вопреки слухам о том, что она и есть та, кого Ян Вислюков перед смертью окрестил гарпией с белыми перьями. Много грязи вылили на подругу Вероники сплетницы-старухи, но у Намистиных отношение к ней, казалось, ничуть не изменилась. Семён с Фаиной, как и раньше, несколько раз в неделю играли в шахматы. Эмма всякий раз провожала меня через двор по зеленой аллее с высокими старыми липами; Арабель сопровождала нас — какой же умной была эта овчарка, как человек с добрыми глазами цвета чая. Если честно, то оттого, что Вероника не хотела меня видеть, я ничуть не огорчалась — её общество действовало на меня отрицательно: портилось настроение, и страхи закрадывались во все потайные уголки моей впечатлительной души. Не видя её, я испытывала облегчение, хотя и понимала, что как не закрывайся зонтом от дождя, дождь не прекращает лить, и стоит лишь высунуть вперед ладонь — дождь непременно её ударит холодными острыми каплями, как кавказец кинжалом пойманного барашка.

Я *предчувствовала*, что в скором времени Вероника откажется от моих услуг репетитора. Почему? Потому что она не могла спокойно наблюдать за развитием моих

отношений с Хосе Игнасио. Не зря Каллиста Зиновьевна предупреждала меня, чтобы я подальше держалась от её мужчин, но я ослушалась. А вы бы не ослушались на моём месте, будь вы так же одиноки как я?

Каждый вечер этого теплого по-настоящему летнего мая приносил мне массу удовольствия. С Хосе Игнасио мы гуляли у речки до поздней ночи, когда стихало всё в округе, и только ветер шелестел камышами, разнотравьем и тревожил каменный берег спокойными накатывающимися волнами. В синих водах покрытых вздрагивающей рябью отражалась круглая луна, как увеличенная до гигантских размеров серебряная монета с затертыми символами; звёздное небо сливалось с линией горизонта, и не было ни конца ни края этой умопомрачительной красоте. Кто знает, если бы я смотрела на звёздные ночи не влюбленными глазами, воспринимала бы я настолько тонко каждый рисунок ночи, каждый фрагмент неповторимой мозаики природы. Может дело и не в чувствах, а в том, что я смотрела глазами фотографа, но почему-то раньше многое для меня оставалось незамеченным, и вдруг я словно прозрела. Я увидела и услышала радостное волнение жизни! Соловьи, не один и не два, а стаями, ансамблем, занимали дубовую сцену с декорациями из ароматных кустов бузины и акаций; они заливисто и возбужденно пели, и в их голосах я слышала классические симфонии Чайковского и Шостаковича. За этими мелодиями нельзя было расслышать даже собственное дыхание. По ночам я превращалась в семнадцатилетнюю девочку, а может в фею, у которой за спиной росли легкие прозрачные крылья, и я летала окрыленная любовью к прекрасному, а за руку меня держал Хосе Игнасио, и мы летали вдвоём.

L'amour est de tous les âges

Любви все возрасты покорны.

Немного позже наше общество влюбленных пополнили Лилия и Джеймс. Мне довелось стать свидетелем их романа, набирающего бешеные обороты за короткий срок. Мы сдружились, и со временем нашей «великолепной четверке» с завистью смотрели в след Семён, Фаина, Эмма, София и Миа. О Веронике ничего не говорю, потому что она как улитка спряталась в своём панцире и носа не показывала на улицу, но могу предположить, что за разговоры велись в поместье Намистиных, когда в гостиной собиралась их компания любителей почесать языками.

Вы уже знаете, что Лилия Оливер — эта гармонично сложенная куколка (не могу назвать её иначе) с молочной нежной кожей и мягкими пшеничными волосами, была тайно влюблена в Джеймса Бонитетова еще задолго до моего появления в посёлке. Ей было двадцать семь лет; она не утратила девичьей невинности, и это проявлялось в мягкости её личика с розовым румянцем, в смущенном взгляде и даже в движениях — само очарование. Не трудно догадаться, почему она не поддерживала отношений с Намистиными: чтобы тебя не жалили змеи, нужно быть змеёй. Будь Лилия смелее и хитрее, она давно бы сделала так, чтобы Джеймс добивался её внимания, вместо того, чтобы самой чахнуть от неразделенной любви, писать поэмы в каждой строчке тетрадок в клеточку, размером в девяносто шесть листов каждая. Да, часто я ловила себя на мысли, что Лилия не от мира сего, но её метафорические образы разжигали моё воображение, и она всё больше и больше нравилась мне. Она не такой поэт-зазнайка как мой бывший муж — она тонкая чувствительная натура с большим сердцем и нестандартной логикой мышления.

С Джеймсом Лилия познакомила меня в день похорон Каллисты Зиновьевны. «Красавец-джентльмен», — вспомнились мне слова старушки, едва я только взгляделась в его породистое лицо. Джеймс Игнатович Бонитетов был атлетически сложен, широк в плечах, узок в бедрах. Его торс, облаченный в модную рубашку, напоминал треугольник, а ноги — две прямые параллели в брюках, заканчивающиеся начищенными туфлями из толстой кожи. Он не носил фрак, но и без него походил на англичанина. Его темно-русые волосы при помощи геля легкой фиксации были тщательно зачесаны назад, открывая безупречный овал лица. Его словно лепили профессионалы из эластичного раствора, позволяющего добиваться совершенства. Чисто выбритые щеки, не раздутые, не обвисшие, не втянутые, а соблазнительно упругие и гладкие, переходили вниз в безупречный подбородок с ярко выраженным холмиком, как у Венеры Милосской, к примеру. Его нос был прямой как четкая геометрическая фигура, и только от глубокого вдоха крылья носа расширялись, нарушая четкость линий. Его тонкие, но не уродливые губы говорили о безграничном энтузиазме и уверенности, а серые маловыразительные сами по себе глаза, казались озорными и то и дело глядели, точно глаза котенка на подвижный мячик.

Не удивительно, что Лилия влюбилась именно в Джеймса, — такой мужчина если войдет в мысли как муза, то и тот, кто не блещет никакими талантами, начнет писать поэмы о любви. А в Лилии творческая жила была ключом. Лилия плела из слов кружевные узоры, изливая свою душу пятистопными анапестами, ямбами, хореем; она видела истину в мышлении образами и, словами Блока, могла *«строить находить в нестройном вихре чувства,*

чтобы по бледным заревам искусства узнали жизни гибельный пожар».

Я однажды наблюдала, как она записывала стихи в тетрадь. Мы сидели у неё перед телевизором, смотрели «Званный ужин» в утреннем повторе, она вдруг вспорхнула во время рекламы и принесла тетрадь (черновик); за несколько минут не усердного труда она мастерски написала два четверостишия беглым, но каллиграфическим почерком. Она произносила вслух каждую фразу, с улыбкой на лице останавливалась, поднося ручку к губам и покусывая и без того корявый колпачок. Она оттачивала рифмы, играя словами, посмеиваясь над своим воображением, и трепетала, находя особо удачный вариант. Я удивлялась её стремлению писать. Стихи для Лилии как воздух, как цветы — она ими живёт и наслаждается. До окончания рекламы она прочла целиком своё незаконченное стихотворение выразительным и мелодичным голосом, жестикулируя правой рукой, как дирижер в оркестровой яме. Восемью складными строчками она раскрывала всю силу своей необузданной любви, описывая свои романтические фантазии и мечтая о счастье вместе с лирической героиней, точь-в-точь как она сама — чувствительной особой, не умеющей смолчать о переполняющей её радости.

Джеймс пересмотрел своё отношение к Лилии после несчастного случая. Что подтолкнуло его, трудно сказать — видно, в его жизни начался новый виток; виток, обусловленный тридцать первым днём рождения. Да, будучи столь привлекательным и далеко не последним человеком в посёлке, пожалуй, не стоит ограничиваться обществом продавщицы, то и дело выпрашивающей подарки за близость, — пора, как мне кажется, было задуматься и о семье, распрощавшись с холостяцкой жизнью.

Поскольку наши две сладкие парочки — я так называю нас с Хосе Игнасио и Лилию с Джеймсом, стали не разлей вода, я могу судить о характере отношений Джеймса с Софией: любовью там и не пахло.

После того, как весь посёлок подобно растревоженному пчелиному рою гудел, обсуждая наши совместные вечерние прогулки в сторону реки и леса, и каждой собаке стало известно, что Джеймс и Лилия планируют осенью сыграть свадьбу (да, так быстро всё произошло!), София от горя стала пить, уподобившись покойному Яну Вислюкову. Бывало, я заставляла её в нетрезвом виде прямо за прилавком. Она перестала со мной разговаривать, назвав однажды предательницей. Чем я её предала? Тем, что выбрала в подруги Лилию, а не её? София лишь скупо здоровалась при встрече, когда я заходила в магазин, и будто нарочно всякий раз подсовывала мне просроченные продукты, на что я как-то пожаловалась Джеймсу, и он в качестве компенсации за несъедобный плавленый сырок предложил сходить вчетвером на шашлыки — он как раз собирался зажарить жирного индюка-драчуна.

Мы все охотно согласились. Ходили на ту самую поляну, о которой рассказывал Хосе Игнасио, когда спас меня от Семёна. Я, конечно же, взяла с собой фотоаппарат и снимала с полтысячи невероятных, потрясающих кадров. Мне казалось, что вместе с дубами-великанами, зарослями орешника, акаций, колючих кустов тёрна с каплями росы на сочных листьях, вместе с ароматами свежести меня наполняла сладкая нега, состоящая из тысячи кусочков разнообразных чувств от восторга до томной грусти, от блаженства до сожаления, что всё это я вижу, чувствую, переживаю лишь теперь. Я не видела раньше прелести природы во всём том многообразии, открывшемся мне, может быть, благодаря одному единственному человеку, который ворвался в мою жизнь, однажды присев напротив с дорожным чемоданом.

Образ Хосе Игнасио не выходил из моей головы ни днем, ни ночью.

В тот день я сфотографировала на его ладонях муравьев и божьих коровок. Эти фото поразили сотни фотолюбителей из просторов Интернета. Еще бы, ведь у Хосе Игнасио красивые мужские руки, а мелкие насекомые, как нельзя кстати, смотрелись, ползающими по его линии жизни. Мне даже написал один редактор литературно-художественного журнала с предложением использовать мою фотоработу для обложки издания. Вы не представляете, какое это было радостное известие — меня заметили как фотографа! Это фото украшало альманах современных авторов, среди которых были и Лилия Оливер, и мой бывший муж со своими малосодержательными пустыми стихами, представляющими собой в большей степени банальные рифмы и ни капли сердечности, свойственной пылкому слогу Лилии.

Я забежала немного вперед, а пока вернемся во время, когда журнал еще не вышел.

Хосе Игнасио не любил фотографироваться, но всё же мне удалось уговорить его позировать на зелёной полянке, вдали от костра. Получилось не хуже фотографий букашек на его ладонях! Эти портреты мне нравилось пересматривать днём, когда я оставалась одна. Я не показывала Хосе Игнасио своим виртуальным друзьям — первое время он был моей тайной. Впрочем, все местные знали о наших отношениях, и я с каждым днём всё меньше стыдилась своего выбора. Хосе Игнасио моложе меня на одиннадцать лет, и мне можно было только позавидовать, что я смогла заинтересовать его, если бы не одно «но». По поводу импотенции, может быть, кто-то за спиной и смеялся надо мной, жалел меня, но в лицо никто не осмеливался говорить обидные слова. Почему обидные? Потому что все поголовно считали Хосе Игнасио импотентом. В какой-то степени они были правы — у Хосе Игнасио были явные проблемы с потенцией на протяжении последних семи лет. Но то ли свежий воздух, во что слабо верится, то ли коровье молоко от Бурёнки Яблочных (родителей Фаины), то ли бабка какая-то пошептала — Хосе Игнасио подавал надежды. Не знаю, смотрели ли вы сериал «Женщина с ароматом кофе» — я вспомнила одного из главных героев, его звали Диего, так вот он мог быть полноценным мужчиной лишь с одной женщиной, с той самой женщиной с ароматом кофе. Она работала на кофейных плантациях дона Лоренсо Санчеса, а звали её Палома, — я с удовольствием сопереживала их несчастьям, будучи в те годы еще студенткой педагогического института. И вот, кто бы мог подумать, что я встречу Хосе Игнасио с проблемами Диего по половой части!

Я засыпала с мыслями о нём! Закрывала глаза, и воссоздавала в памяти его образ: и с серьезным выражением лица, и с сияющей доброй улыбкой, и с растрепанными ветром светлыми мягкими волосами, и можно продолжать до бесконечности, пока сон не одолеет, и одни картинки не сменят другие, не менее радужные и прекрасные.

В мае во время наших прогулок, похода в лес, а также мы дважды сходили на рыбалку вчетвером, с Хосе Игнасио мы ограничивались страстными поцелуями под открытым небом. Честно! Можете поверить мне на слово, я не стремилась проверить, насколько плох мой любимый человек в сексе, — где-то на подсознательном уровне я боялась, что ничего не получится, что Хосе Игнасио расстроится, будет переживать и меня терзать своими переживаниями. Вместе с опасениями разочароваться во мне и надежды не гасли — я думала, а что если... и утешала себя тем, что можно заниматься любовью, не снимая с мужчины трусов — главное поцелуи, объятия, нежность, ласковые слова и сумасшедшее дыхание, а всем этим Хосе Игнасио с лихвой баловал меня как ни один мужчина!

Ne fais pas à autrui ce que tu ne voudrais pas qu'on te fasse

Не делай другим того, чего бы ты себе не пожелал.

Семён ко мне больше не приставал, и впредь я не опасалась его любвеобильности. Мы часто пересекались с ним и за пределами поместья Намистиных — он занимался пасекой с краю у леса, где акаций было больше, чем дубов; ходил на охоту с ружьём, носил домой зайцев, фазанов и уток; рыбачил на собственной кладке; я всё удивлялась, как он успевает вести столь активный образ жизни, еще и шары по вечерам катал в боулинг-клубе. Лилия рассказала, что у него были большие сбережения после закрытия шахты — он четырнадцать лет проработал в забое, как и его отец, дед и прадед. Лишившись работы, Семён не сильно огорчился и стал заниматься тем, что ему нравилось, — охотой, рыбалкой и пчеловодством. Мёд и рыбу продавал, а дичь и зайчатину сам разделывал и готовил для семьи. Мужчина он пробивной, с таким не пропадешь, но с Хосе Игнасио ему не сравниться!

Я доверяла Хосе Игнасио как себе, также Лилии и Джеймсу — остальные из окружения Намистиных по-прежнему вызывали у меня ряд подозрений. Я сильно не заморачивалась по этому поводу из-за своего романтического настроения, но в уме поставила галочки напротив этих личностей. Кто эти остальные? Ну, например, Дифирамбов Элфи Евгеньевич — «мэр», как его называют в народе. Он для меня оставался темной лошадкой — я видела его лишь однажды, и то издали, не разговаривала и поэтому собственное мнение о нём сложила не сразу. Знала немного из поверхностных разговоров: старше меня на четыре года; внешними данными особо не отличался; жена бросила и с детьми уехала в город к родителям; официально разведён; более трех месяцев встречается с Вероникой Намистиной и, судя по сплетням, настолько горит желанием жениться на ней, что подумывал или и дальше подумывает избавиться от Семёна Намистина. Что тут скажешь? Мужчина, мог и задушить, и кирпичом голову пробить, и отравленный презент принести, но лишь в одном случае, если Вероника знала о его планах и сама бы не стала пить из той бутылки. Меня смущало, что в день отравления у Намистиных были гости, но если хорошо подумать, то в весёлой хмельной компании легче всего было бы налить Семёну отравленного коньяка и дать закусить отравленной конфеткой. Но Вероника уверяла, что не хочет ничего менять, и даже просила меня рассказать Каллисте Зиновьевне о том, что Элфи якобы хочет убить Семёна. Неужели она передумала и стала соучастницей неудавшегося преступления? Мог ли Ян Вислюков называть гарпиями Веронику и Элфи? Элфи белая, а Вероника черная гарпия? Как понимаете, я и Веронику со счетов не сбрасывала — странная она была женщина, надменная, самовлюбленная, эгоистичная и к тому же собственница.

Семён Намистин вызывал у меня меньше подозрений, чем Элфи и, раз уж на то пошло, Вероника, и его занятой образ жизни внушал мне доверие. Не обезумел же он, стреляя зайцев? Но шахматная фигурка белого коня всякий раз всплывала перед глазами, когда я видела Семёна. Интуитивно я испытывала неприязнь к Семёну. Слюнявый рот, козлиная бородка, худой и высокий — может, дело было лишь во внешности, но я окончательно не могла вычеркнуть его из своего надуманного списка подозреваемых. Слова Яна Вислюкова часто слышались мне, когда я задумывалась о тех убийствах, которые уже произошли. Он говорил, что Семён и гарпии могли спеться. Стоит ли верить заядлому алкоголику? Как ни

пыталась разгадать послание «Дочь пророка и Зелье», ничего кроме намека на Эмму я не видела: блондинка с ангельской внешностью и с фамилией Зельева.

Эмма! Я редко ошибалась в людях. Обычно мне хватало одного взгляда, одного незначительного разговора, чтобы понять, что представляет собой тот или иной человек. Жизнерадостная и услужливая Эмма играла с овчаркой Намистиных, когда я впервые увидела её, ошибочно приняв за Веронику. Её глаза излучали позитив и доброжелательность, она открыто улыбалась — я симпатизировала ей. Не очернил ли Ян Вислюков это милое создание? Не поплатился ли он жизнью за надпись воском на подносе? Могла ли Эмма быть убийцей Каллисты Зиновьевны? Могла ли замышлять отравить Веронику? Могла! В тихом омуте черти водятся — Эмме могла надоесть роль прислуги; Вероника затмевала её, приглушала её «я», использовала, в конце концов. Я же могла лишь надеяться, что за преступлениями стоит кто-то иной, не такой светлый, как Эмма, но в послании Яна Вислюкова и в букве «Э» под словом «ведьма» я видела указание на неё.

О своих подозрениях я активно не распространялась, но обходить тему загадочных убийств во время дружеских бесед не стремилась. Лилия, Джеймс и Хосе Игнасио тоже считали, что «зелье» указывает на Эмму, но подозревали и ряд других «гарпий». Впрочем, мы называли одни и те же имена: Семён и Вероника Намистины, Элфи Дифирамбов, Эмма Зельева, Яблочная Фаина, Булавкина София, Журиева Миа. Как нам казалось, каждый из них имел мотивы отравить кого-то из Намистиных, но Семёна и Эмму постоянно кто-то защищал.

— Воспринимать всерьёз надписи пьяницы нельзя, — неоднократно повторял Джеймс, — Эмма не сумасшедшая, чтобы убивать.

Если бы вы знали, как мне стыдно, что я её подозревала.

Три недели посёлок пребывал в легком возбуждении. Сплетницы-старушки перемывали всем кости, спорили, гадали, кто же убийца, а гарпия тем временем парила высоко в небе, ничем не выдавая себя. Убийца вынашивал новый план расправы над неудобными, и в четыре часа утра совершил очередное хитро спланированное убийство.

Я проснулась от лая Дружка. Он неугомонно скулил, выл как волк на луну. Уже светало, но на улице всё еще горели фонари, и люди должны бы были еще спать, но не спали. В окно я увидела, как из поместья Намистиных на носилках выносят накрытое пледом тело. Оно было накрыто с головой, и, судя по росту, это была женщина. У ворот стояла машина скорой помощи и полицейский УАЗ. Я, не раздумывая, выбежала во двор, схватив на ходу халат и на быструю руку надела его шиворот-навыворот.

Хосе Игнасио стоял рядом с машинами, понурился головой. Он был в том же полосатом халате, что и в вечер отравления Лилии; и в резиновых шлепках на босую ногу. Страшно было подумать, что Вероника мертва. Вокруг столпились еще человек десять — усохшие и сплюснутые старушки в длинных блеклых ночнушках. Лилия, как и я, тоже выскочила из дому, растрепанная, взволнованная, в майке и коротких шортах. Семёна не было видно.

Я, запыхавшись, подбежала к Хосе Игнасио. Одного взгляда в его опечаленные потускневшие глаза было достаточно, чтобы понять, как он потрясён.

— Её сожгли, — сказал он с жалостью в голосе и в каждой клеточке озадаченного лица. — Веронику убили.

— Как? — допытывала я. — Что произошло?

— В поместье проникли воры, — ответила одна из старух, бляя как голодная коза. — Они вскрыли сейф, а Веронику оглушили и подожгли. Она вся черная, обугленная...

— И собак отравили, — сказала другая, — вон они лежат: одна прямо на аллее, а вторая возле крыльца.

— Бедный Семён... Какое горе... Бедная Вероника... — слышалось отовсюду.

Зашумел двигатель машины скорой помощи, и она отъехала от ворот Намистиных. Соседи не расходились — всем было любопытно, что скажет Семён и полицейские. Из поместья никто не выходил. В окнах первого этажа горел свет — никакого пожара, ни дыма, ни языков пламени.

— Как же это могло произойти? — задавалась я вопросом.

Лилия слышала слова Хосе Игнасио и старух. Она была поражена не меньше меня, не меньше всех собравшихся.

— Отравили собак, — повторила она протяжно, — их отравили.

— А Веронику как будто бензином облили, — раздался всё тот же блеющий голос старухи.

— Или медицинским спиртом, — сказал Хосе Игнасио.

— А кто у нас тут медик? — зашипела одна из старух. — Признавайся, это ты всё устроил, — и кинулась на него с кулаками.

Хосе Игнасио схватил её за руки и оттолкнул от себя:

— Ничего я не устраивал! — закричал он. — Не выдумывайте!

Старуха взбунтовалась и не стеснялась в обвинениях:

— Как ты приехал, так жизни в нашем посёлке не стало! Сплошная череда нераскрытых убийств! Убирался бы ты восвояси — без тебя спокойнее было!

Мы с Лилией еле утихомирили её.

— Собак отравить можно даже таблетками от туберкулеза, — сказала я решительно громко, чтобы все замолчали, — и спирт купить в аптеке не проблема. Это мог сделать кто угодно, даже София, которая ненавидела Веронику. (и что это мне в голову стукнуло?) Не нужно иметь медицинское образование, чтобы убить человека. Хосе Игнасио не злопамятный и не опустил бы до убийства!

— Ты защищаешь его, потому что он шуры-муры с тобой крутит! — отозвался кто-то из толпы. — И что у него, хочешь сказать, нет причин ненавидеть Веронику и Семёна? Скажи нам всем, нам очень интересно, неужели Хосе Игнасио не импотент и у него всё в полном порядке с его морковкой?

Il ne faut pas courir deux lièvres à la fois

За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь.

Раздался звонкий прерывистый смех. Все замерли от удивления. Я оглянулась и не верила своим глазам — к воротам подошла Вероника целая и невредимая, в эротичном кружевном пеньюаре и открытых туфлях на высоченном каблуке. Она смеялась, видимо, над вопросом об импотенции Хосе Игнасио, потому что спросила, не прекращая смеяться: «Так что там у Хосе Игнасио с морковкой?»

— Матерь божья... Живая... — начали креститься старухи.

— Что с вами всеми? — спросила Вероника, отбросив шуточки. — Кого скорая увезла? — она подошла ближе, и я учуяла от нее запах коньяка. Навеселе Намистина, однако.

— Так тебя, обугленную как деревяшка, и увезла, — закричала одна из старух. Все они были на одно лицо, непримечательные.

— Что значит «обугленную»? — Вероника прищурилась, с подозрением всматриваясь в окна поместья. — Эмма! — закричала она и метнулась в распахнутую калитку.

— А где это ты на каблуках ходила по ночи? — крикнула ей вслед блеющая старуха.

— У реки гуляла! — бросила ей в ответ Вероника и, сняв обувь, кинулась по аллее в дом, размахивая туфлями во все стороны.

— Так речка в другой стороне, — дивились старухи.

Я, Хосе Игнасио и Лилия недоуменно переглянулись.

— Арабель! Моя девочка! — Вероника присела над неподвижной овчаркой и гладила её за ушами. — Твари! Чтоб у вас руки отсохли! — ругалась она.

— Во дела... Живая... Бедная Эмма... А Вероника то от Элфи небось така расфуфыренная пришла, и коньком от нее разит как из бочки... Во дела... — завелись старухи.

— Мне кажется, Вероника родилась в счастливой рубашке, — пробормотала я вслух свои мысли, — она — цель убийцы, а Каллиста Зиновьевна и Ян Вислюков знали, кто задумал от неё избавиться.

На минуту все замолчали. Старухи обступили меня, собравшись в тесный круг. По их неприветливым лицам пробежались волны нескрываемого негодования.

— Я тебе больше скажу, деточка, — блеющая старуха стояла напротив и сверлила меня взглядом своих маленьких, но выпученных глаз. Её беззубый, как сморщенное яблоко, рот постоянно шевелился, будто бы она жевала жвачку. — Убийца вхож в дом Намистиных, как ты, например, или как Фаиночка наша. Софка бесхребетная! Она бы не додумалась до такого. Сейф вскрыть! Тут смекалки мало — надо код из циферок знать — у Намистиных то сейф не абы какой!

И всё эти старухи знают! Я о сейфе и не подумала, и Софию сгоряча приплела.

— И что вы хотите сказать, что кроме меня и Фаины у Намистиных в доме никто не бывал? — я закипела от злости. Почему меня пытаются обвинить в том, чего я не делала?! — Я даю уроки Кириллу и Филиппу, но это вовсе не значит, что я знала о сейфе!

— Не горячись, — Хосе Игнасио положил мне руки на плечи, останавливая, будто бы я собиралась бросаться с кулаками на старух. — Тебя никто не обвиняет. Вон идёт капитан Каратов — послушаем, что он скажет.

Я чувствовала тепло и поддержку Хосе Игнасио.

— Даша, ты надела халат шиворот-навыворот, — прошептал он еле слышно.

Переодеваться при всех я не стала и лишь поправила халат на груди, осознавая, что выгляжу крайне неприлично.

Все в ожидании капитана молчали. Лилия держалась невозмутимо, словно была выше склок и маразматических бурь. Капитан Каратов приближался в сопровождении двух полицейских; Вероника шла с ними; успела накинуть розовый махровый халат по щиколотку и туфли, на этот раз на низком каблуке.

Станислав Денисович — капитан Каратов, выглядел не лучшим образом: рыжеватые редяющие волосики торчали как парашютики на круглом одуванчике, наверно, не успел толком причесаться; весь какой-то помятый, растерянный, тер свои сжатые шершавые и облизанные сотни раз губы; глаза, как погасшие во дворе Намистиных фонари, не излучали света.

У меня руки заледенели, пока он дошел к машине — мне было страшно подумать, что же конкретно произошло с Эммой. Убить двадцатипятилетнюю женщину, еще молоденькую, незамужнюю, у которой вся жизнь была впереди — это жестокость, кощунство, грех, в конце концов, впрочем, такой же грех, как и убийство Каллисты Зиновьевны, но та хоть до глубокой старости дожила.

Капитан Каратов шел прямо на меня:

— Оливина Дарья Леонардовна, — сказал он мрачным подавленным голосом, — вы задержаны по подозрению в убийстве Зельевой Эммы Руслановны. Вы должны проследовать с нами в полицейский участок.

— Как? На каком основании? — возмутилась я.

— Это ваше? — он жестом попросил своих коллег показать мне улики, найденные в доме Намистиных.

В прозрачных пакетах я увидела свои вещи: украденные розовую губную помаду и атласный платок.

— Да, это моё, — ответила я, — но эти вещи у меня украли в ночь перед похоронами Каллисты Зиновьевны.

— Вот это дела... Убийца... Убийца... — зашипели старухи.

— Где вы были этой ночью? — спросил Каратов.

— Дома. Спала, — ответила я.

— Одна?

— Одна!

— Стало быть, — продолжал он, загадочно усмехаясь, — никто не может подтвердить, что вы на момент убийства находились дома? Значит, *и вы* могли отравить собак Намистиных, проникнуть в дом, вскрыть сейф, убить Эмму, возможно, восприняв её за Веронику, сжечь её лицо до неузнаваемости, написать на зеркале своей помадой на французском языке «L'affaire est dans le sac». (Дело в шляпе), а потом забыть замести за собой следы и еще и платок обронить, покидая дом через окно?

Я обомлела:

— Нет, конечно! Зачем мне это надо! Станислав Денисович, вы же опытный следователь, капитан полиции, неужели вы не видите, что кто-то подставляет меня?

Вероника блеснула зловещим взглядом:

— А если вы, мадам Оливина, сами нарочно себя выдали, чтобы потом вот так вот

причитать, мол, меня подставили, не виновата я. И что за надпись вы написали, я не разобрала?

— Ничего я не писала!

Капитан Каратов устремил суровый взгляд на Веронику:

— Я сказал, что задерживаю Дарью Леонардовну *подозрению* в убийстве, но это не значит, что я подозреваю *ее*, — громко и во всеуслышание заявил он. — Разбираться в этом запутанном деле будем в участке. Садитесь в машину, — потребовал он.

Старухи опять зашипели:

— Убийца... Сжечь на костре как ведьму... Бедная несчастная Эмма...

— Будь ты проклята, ведьма, — зашипела и Вероника как змея. — Я уверена, что это ты прокралась в мой дом, чтобы убить меня! Где мои украшения? Ты отдала их Хосе Игнасио? Вы сообщники, я знаю! Он ненавидит меня и Семёна за тот несчастный случай! Но я в том не виновата! А вы же мстительные, злобные двуличные людишки! Я вас ненавижу!

— Вероника Наумовна, сохраняйте самообладание, — капитан Каратов грозно посмотрел на неё.

Меня знобило от её слов, от шипения старух, от осознания, что Эмма мертва и меня обвиняют в том, чего я не делала.

— Убийца! — всё скандалили старухи.

— Стойте! Я знаю, кто настоящий убийца! — послышался голос еще одной старушки, неуклюже ковыляющей к нам. — Я всё видела! Видела и слышала!

Капитан Каратов заинтересовано пошел ей навстречу. Всё внимание было приковано к нему и к старушке с добродушным слегка глуповатым видом.

— Что вы видели и слышали? — спросил капитан.

— Элфи Дифирамбов в два часа ночи кормил овчарок Намистиных печеньем! У меня бессонница, и я выгуливала Барсика по двору, когда услышала лай этих собак. Я подошла к забору, ну и припала к нему, увидев, нашего мэра с большой яркой упаковкой печенья. Он скормил собакам всё печенье, а упаковку выбросил. Вон она валяется возле забора Игнатовых, — и указала рукой под куст сирени, где, действительно, лежала упаковка от печенья. — Разбрасывает тут мусор, понимаешь, а еще мэр называется!

Вероника закрыла лицо руками и вся поникла, обмякла, покраснела.

— Что было дальше?

— А дальше мой дед закричал: «Марфа, утку тащи!», и не дал проследить за мэром, а когда я вернулась, то мэра и след простыл. Но подумайте сами, какой нормальный человек по ночам будет шататься по улицам и собак печеньем кормить? А тут еще такое дело... Как пить дать, Дифирамбов и отравил собак печеньем! Вы возьмите упаковку на экспертизу. Я в одном фильме видела...

— Достаточно, — прервал её капитан Каратов. — Подымите упаковку! — дал распоряжение помощникам.

Вероника окинула собравшихся стыдливо-ненавистным взглядом:

— Элфи приходил за мной! — выдала она сконфужено. — С двух часов ночи до половины пятого мы были вместе. Это не он убийца. Не он!

Её слова внушали доверие. У меня не оставалось ни малейших сомнений, что убийца охотится на Веронику — ядовитый коньяк с конфетами готовили для неё, и Эмму убили только потому, что она ночевала у Намистиных. Убийца принял Эмму за Веронику. Но почему убийца устроил маскарад с *моим* платком и надписью *французскими* словами *моей*

помадой? Почему убийца выбрал *меня* для этого не смешного маскарада? Убийца желает смерти Веронике, а мне... неприятностей, тюремного срока? Убийца хочет избавиться и от меня, и от Вероники... У меня закипал мозг, а конечности были фиолетовые, как зимой в неотапливаемой комнате.

— Гулящая же ты стерва... Что за поколение... Как не стыдно... — накинулись старухи на Веронику.

— Напомните адрес Дифирамбова? — потребовал капитан Каратов, пристально глядя в покрасневшее лицо Вероники. — Я должен допросить и его.

— Дом из красного кирпича вниз по улице, — вяло ответила Вероника и небрежно махнула рукой, указывая направление.

— Приведите Дифирамбова, — распорядился Каратов, — а вы, — он обвёл глазами старух в ночнушках, — все свободны. Расходитесь по домам. Нечего здесь накалять атмосферу своим недовольным шипением.

Старухи, как улитки, медленно стали расползаться в разные стороны; бурчали себе под нос не пойми что и то и дело оглядывались.

Ясно как день.

Мы остались впятером: капитан Каратов в гражданском, Вероника, Хосе Игнасио и я в халатах, Лилия в майке и в шортах. Мне показалось, что Вероника уже достаточно протрезвела, чтобы осознавать, что я не могла быть убийцей Эммы. Она не скрывала напряжения, но во взгляде читалась злость, а не боль утраты, ненависть, а не страх, что на месте Эммы могла бы быть она. Вероника не извинилась, но вдруг заговорила с достоинством благоразумной женщины, строго, но без оскорблений и излишних обвинений:

— Нечего объяснять вам, каково это прийти домой после любовных утех, а тут такое. Я не знаю, кто озверел до безумия, но эта надпись на французском заставила меня грешить на Дарью Леонардовну. Считайте меня истеричкой, кем хотите, мне все равно, но я требую привести сюда розыскных собак, и пусть они отыщут мои пистолеты и золотые украшения, пока не поздно! Если в доме Окуневых ничего не найдут, я попрошу прощения у Дарьи Леонардовны так же прилюдно, как и назвала её убийцей.

Она повернулась лицом к капитану:

— У вас ведь есть возможность вызвать своих коллег с ищейками? Если хоть одна из ваших собак окажется хоть наполовину похожей на мою Арабель, то уже сегодня мы будем знать, кто вскрыл сейф и убил Эмму.

— Я сделаю всё, что от меня зависит, — нерешительно проговорил Каратов, — но у меня нет волшебной палочки, к сожалению, чтобы ускорить этот процесс.

— Ну, я не прошу вас вызывать спецназ на вертолетах, а всего лишь собак!

— Я должен сделать несколько звонков, — сухо сказал капитан и достал телефон, — а вы бы, Вероника Наумовна и Дарья Леонардовна, сходили, что ли, домой переодеться. Через три минуты трогаемся. Доктор Хосе Игнасио, и вы, Лилия, можете быть свободны, если, конечно, вам нечего добавить относительно ночного происшествия.

— Я не экстрасенс, — Лилия пожала плечами.

— Мне тоже ничего не известно, — сказал Хосе Игнасио ровным спокойным тоном и добавил эмоциональнее: «Вы ведь не задержите Дашу надолго?»

Капитан Каратов вместо того, чтобы ответить Хосе Игнасио, смочил свои растрескавшиеся шероховатые губы и обратился ко мне деликатно и сдержанно:

— Дарья Леонардовна, я не могу не взять у вас показания и не составить протокол, потому что и ваш платок, и ваша помада, и эта надпись на зеркале — всё указывает на вас. Даю слово, что не задержу вас дольше необходимого. А сейчас поторопитесь привести себя в надлежащий вид, и дайте мне спокойно сделать несколько телефонных звонков.

Вероника, не дослушав, ушла. Лилия молча ждала меня — нам идти в одну сторону, Хосе Игнасио обнял меня и ласково прошептал: «Всё будет хорошо. Я в это верю. С нетерпением буду ждать твоего возвращения».

— У вас три минуты! — поторопил капитан, и мы тоже разбежались по домам.

Итак, я, Вероника и Элфи были доставлены в полицейский участок для составления протоколов. Впервые у меня появилась возможность внимательно рассмотреть «мэра» и пронаблюдать за ним в действии не чужого для Вероники человека. Он производил впечатление озлобленного пекинеса, который злился, но продолжал вилять хвостом. Русые с

желтизной волосы прикрывали отогнутые эльфийские уши; лицо круглое с непривлекательными носогубными складками; широкий толстый вздернутый нос; перевернутая улыбка; дряблые щеки и скулы, скрытые под мешками провисших жевательных мышц. Пожалуй, это всё, что отталкивало, но во всём остальном он был великолепен, как Дэвид Копперфильд в исполнении трюка с исчезновением слона. У Элфи были жгучие глаза красивого кофейного цвета, почти черные, с густыми длинными ресницами. Одним взглядом он околдовывал! Не думаете же вы, что Вероника встречалась с пугалом! Элфи отличался крепким телосложением: плечи и шея как у боксера-тяжеловеса, никакого обрюзглого живота, ровные подкачанные ноги. У него были крупные ладони способные без труда удерживать по два громадных арбуза. На безымянном пальце сверкал перстень с черным камнем, а при улыбке — золотая коронка на одном из зубов. Элфи потакал Веронике во всём, старался услужить, приободрить, ластился, ну точно как ручной лохматый пекинес с черными глазами-пуговками. В его тоне присутствовала фальшь, циничные нотки, но Вероника в его присутствии была совершенно другой Вероникой: дерзкой, но человечной и по всем признакам влюбленной.

Глядя на них, у меня отпали всякие сомнения, что Ян Вислюков называл *эту* парочку гарпиями. Как бы они *спелись* с Семёном? Любовь втроем?! Не могли же они инициировать ограбление и убить Эмму? Смущало лишь то, что сейф, как выяснилось, действительно был с кодовым замком, и знали шифр только Вероника и Семён.

Кто мог знать шифр кроме них? — этот вопрос постоянно всплывал у меня в голове. — Семён, Вероника; Фаина и Эмма — были как члены семьи; Элфи тоже мог знать — наверняка Вероника хотя бы единожды показывала ему что-то ценное из спрятанного в сейфе, например, свой дамский пистолет или украшения; медсестра Миа тоже бывала у Намистиных в отсутствие Вероники, и её роман с Семёном носил длительный характер — она тоже могла знать и о сейфе, и о том, что в нём хранится, и код могла подсмотреть. Единственной из ненавидящих Веронику, которая не могла знать шифр, по-моему, была как раз Булавкина София, и как подметили старухи, она меньше всего подходила под описание жестокого убийцы, но она первая из всех высказала мне свою неприязнь к Веронике, поэтому я думала и гадала над тем, могла ли София быть гарпией, которую трудно заподозрить в убийстве, в убийствах?

Круг сужался, и интуиция подсказывала мне, что за серией убийств стояла женщина. Женскому коварству нет предела. Я так и сказала капитану Каратову, когда он напрямую спросил меня, отбросив все формальности: «Кого вы подозреваете?»

— Станислав Денисович, — говорила я, — кого бы я не подозревала, у меня нет никаких доказательств, а основываться на «ОБС» (одна баба сказала) недостаточно, чтобы в кабинете капитана полиции называть чьи-либо имена. Вы сами за три недели не сдвинулись с мёртвой точки. Сельские сплетни кого угодно собьют с панталыку, не так ли?! Если убийство Каллисты Зиновьевны не отличалось изощренностью, за исключением шахматной фигурки, которая указывает на двоих заядлых шахматистов посёлка, то убийство Эммы продумали до мелочей. На мой взгляд, планировать убить женщину может только женщина — мужчины существа или не способные на убийство, или импульсивные, действующие под влиянием нервного возбуждения, опьянения, но никак не вынашивающие план расправы над женщиной. Это низко. Какой порядочный мужчина захочет отравить знакомую, подругу, любовницу, жену? Даже женщину, вызывающую неприязнь и отвращение... Конечно, случаи бывают разные, и мужчин убийц может быть ого-го сколько, но чем могла Вероника вызвать

столько ненависти к себе, чтобы ей слали в подарок отравленный коньяк или намеревались убить в собственном доме, еще и выпотрошив наизнанку сейф с дорогими безделушками?

Капитан Каратов задумчиво постукивал ручкой по исписанным бумагам, лежащим перед ним:

— Вы заметили, что я не вызвал на допрос Хосе Игнасио, — спросил он, откинувшись на спинку кресла, — а ведь ваши местные взъелись на него не на шутку. Каждый второй, с кем мне приходилось беседовать, называл его имя и говорил, что у Хосе Игнасио давние счеты с Намистиными. Говорят, он импотент. Свечку никто не держал, разумеется, но слухи есть слухи. Официальная информация о том, что ему сделали две дорогостоящие, но малоэффективные операции, у нас имеется. Импотенция для мужчины — большая психологическая травма. Я разговаривал с психологами, и все они в один голос трубят, что Хосе Игнасио может представлять угрозу для виновников своего несчастья. Мотив есть, как ни крути, а вот с доказательствами негусто, если не сказать, что их вообще нет.

Он непрерывно говорил, и я не перебивала, хотя была готова поклясться, что Хосе Игнасио не виноват.

— Я осведомлен, что вы встречаетесь, — продолжал капитан, — допоздна гуляете по окрестностям с Лилией Оливер и Джеймсом Бонитетовым — у кого, как не у вас, я могу поинтересоваться, есть ли повод у Хосе Игнасио мстить Намистиным? Он таки импотент или наговаривают на него?

— Хосе Игнасио темпераментный, страстный и нежный! — воскликнула я. — У нас еще не было столь близких контактов, о которых вы спрашиваете, но я же чувствую, что меня обнимает мужчина, у которого есть порох в пороховницах. Там определенно что-то есть.

Капитан хмыкнул лукаво:

— Тогда ему нет смысла мстить! Я не вчера сел в это кресло, Дарья Леонардовна, — продолжил он серьезно, — и у меня есть своё видение происшедшего. Слишком ярко обрисован мотив Хосе Игнасио, слишком ярко выглядят улики и против вас, как салатным маркером надпись на ценнике, и вся эта история с гарпиями — сплошная путаница, но я должен разоблачить убийцу.

Своими подозрениями капитан со мной не поделился, но то, что он не верил в причастность Хосе Игнасио к убийствам, я поняла — иначе Хосе Игнасио допрашивали бы, как и меня.

À l'impossible nul n'est tenu

На нет и суда нет.

В полицейском участке я провела четыре часа без пятнадцати минут, а в половине десятого уже приехала домой на служебном автомобиле с неразговорчивым водителем. Тем временем кинологи с собаками во всю искали убийцу и похищенные драгоценности. Об этом мне рассказала моя вторая соседка — Ивановна.

— Ох, и хитрые наши бабоньки, — сказала она будто бы и не мне, а обращаясь к кусту смородины, ветки которого через прорехи в заборе торчали на участке Окуневых.

— Вы это о каких бабоньках? — удивилась я и подошла к низкому забору.

— Да о Пушкине нашем и о Каспарове, — хихикнула старуха.

— И что же такого они отчебучили, что вы их в один ряд с рыжими плутовками поставили? — спросила я, придав голосу тот же мягкий шутливый тон, что и она.

— Так эти дамочки и есть лисички рыжие: Лилька с русо-золотистыми волосами, а Фаина с огненно-красными! Отчебучили *они*, или на них вину кто-то переложил, знать не могу, но в летней кухне Лилии нашли цепочку Вероники. В ящике стола среди ложек и вилок лежала. А у Фаины... — закачала головой Ивановна, — у Фаины в гараже в смотровой яме нашли пистолет. Вот и думай теперь, кто тут гарпии вислюковские.

— А кто нашел то? — спросила я, хоть и догадалась, что ищейки.

— Из центра приехали... на белом фургоне с заграничными надписями... два молоденьких смазливеньких паренька в камуфляжной форме, а с ними два Мухтара на поводках. Псы дебелие! Говорят, они и в поликлинике что-то нашли, а что именно и у кого, не знаю, — добавила она с таинственным оттенком в голосе.

— Вот оно что... — пробормотала я.

Жара стояла словно июльская полуденная, а я в длинной юбке и блузке с рукавом в три четверти полетела сломя голову со двора. От упоминания о поликлинике мне нестерпимо захотелось увидеть Хосе Игнасио, и я помчалась к нему, не зайдя ни на минуту в дом, не выпив и полстакана прохладной воды, не переодевшись в летний сарафан. В общем, как услышала, что собаки вокруг поликлиники что-то вынюхивали, так и побежала.

Думала ли я о Лилии и Фаине в те минуты? — Мысли о них отошли на задний план. Я отказывалась верить, что Лилия — эта светлая милая девочка, чем-то похожая с Эммой, могла быть замешана в убийствах. Её подставили, так же как и меня с губной помадой и платком. А Фаина? — О Фаине я не стала говорить капитану Каратову, как и о Миа, или о Софии, но я их *подозревала*. Я, как мисс Марпл, могла взять любого из своих подозреваемых и расписать его видимые и невидимые причины для убийства одного из Намистиных. На мой взгляд, и Фаина могла желать смерти Веронике, чтобы занять её место, — такая уж я подозрительная. Но в минуты по пути в поликлинику я думала исключительно о Хосе Игнасио; другие мысли я выметала как дворовой метлой из своей головы; сомнения закрадывались черными пугающими тенями; я твердила себе: «Нет! Хосе Игнасио хороший! Он не сумасшедший, чтобы вытворять безумства».

По тротуарной плитке, ведущей к входу в поликлинику, я бежала, перескакивая квадратики, не зная, какие известия меня ждут. Сердце ныло от скверного неясного предчувствия. В регистратуре пусто, в коридоре тишина, и только с терапевтического

кабинета доносились едва уловимые ноты и слова песни Ирины Аллегровой «Я тебе не верю».

Я остановилась у двери, но не успела коснуться ручки, как дверь распахнулась и передо мной возникла полюбившаяся широкоплечая фигура Хосе Игнасио в белом халате. Я тяжело дышала и не сразу нашла, что сказать — он протянул ко мне руки и, обнимая, увлек к себе.

— Ты чего? — спросил он ласково и покрыл нежными поцелуями моё лицо.

— У тебя всё нормально? — я ответила вопросом на вопрос. — Ищайки что-то нашли?

— Успокойся, — прошептал он и крепче обнял меня, запустив одну руку в волосы на затылке. — У меня всё более чем нормально.

Движения его пальцев успокаивали, но вдруг мне стало по-настоящему страшно. Я подумала, что Хосе Игнасио готовит меня к недобрым новостям.

— Я рад, что тебя не арестовали! — произнес он тихо и заботливо, будто говорил с ребёнком. — Мы скоро уедем с тобой далеко от этих мест, и все неприятности останутся позади.

Я вгляделась в его голубые сияющие глаза. Он мечтательно смотрел сквозь меня.

— Тебе прислали утвердительный ответ насчет вакансии?

Хосе Игнасио расцвел довольной улыбкой, и его позитив отозвался и в моей душе радостью, несмотря на то, что я еще не приняла окончательное решение, хочу ли я ехать вместе с ним.

— Да, меня готовы принять с первого июля. Мы можем уже сегодня сложить чемоданы и уехать! — ответил Хосе Игнасио.

— Но мы не можем уехать сейчас! — возразила я. — Наши имена фигурируют в разбирательствах вокруг убийств. Я не уеду, пока капитан Каратов не выведет преступников на чистую воду! Иначе кто-то подумает, что мы с тобой попросту сбежали!

Хосе Игнасио не спешил с ответом. Он прижимал меня к себе, покачиваясь.

— У Каратова еще есть время назвать имя убийцы пока мы здесь! Я тебя не тороплю, но мне бы не хотелось здесь задерживаться еще на один месяц. Я бы уехал первого июня, и лучше целый месяц до назначения на должность провел бы с тобой где-нибудь в курортном городке на берегу реки, чем тут с чокнутыми старухами и местным Чикатило.

— Давай подождём, — попросила я. — Капитан Каратов, видишь, и ищек привлёк к делу. Может, как говорит Вероника, сегодня что-то и прояснится. Тебе кто-нибудь уже доложил, что у Лилии цепочку Вероники нашли в кухонном столе? А у Фаины пистолет, как я поняла, из сейфа Намистиных...

— Ты же не думаешь, что Лилия и Фаина сообща затеяли эти убийства? Я в это не верю! Не верю! Убийца сумасшедший — он (или она) запутывает следы и втихаря смеётся над нами всеми. Проблема в том, что убийца играет чужими жизнями, и нет гарантии, что завтра ему (или ей) не вздумается расстрелять меня или тебя из украденного пистолета. Я не хочу рисковать, Даша, особенно теперь, когда у меня появился новый смысл жизни, когда я только начал по-настоящему жить, можно сказать. Теперь, когда я почувствовал в себе силы, чтобы предложить тебе свою любовь, когда я полюбил тебя всеми фибрами своей души... Даша, я слишком тобой дорожу, чтобы подвергать тебя опасности. Мы не знаем, с кем имеем дело, что за болезнь у этого психа, и какие действия он предпримет дальше. Давай не будем затягивать с отъездом — мы не имеем отношения к этим убийствам, и пусть разбираются без нас.

Он наклонился к моим губам и оставил на них короткий поцелуй.

— Скажи, что ты согласна! — умолял он.

— Не дави на меня, — я высвободилась из его объятий, — дай мне еще несколько дней подумать. До первого июня. Всего несколько дней.

Хосе Игнасио огорченно вздохнул:

— Собаки не распутают этот клубок; Каратов уже три недели ищет убийцу Каллисты Зиновьевны и Яна Вислюкова; неизвестно, сколько еще будут продолжаться его поиски... а собаки сегодня нашли у Миа в регистратуре на полке коньяк — и всё!

— Коньяк?!

— Изъяли полупустую бутылку.

— Любимый коньяк Намистиных?

— Да. Но что это доказывает? Ничего!

— Это как сказать, Хосе Игнасио. Возможно, на бутылке собака учуяла запах Намистиных, и та бутылка была подарена Миа Семёном, а не передана Софией от Джеймса?

— К чему ты клонишь?

— Джеймс передавал Миа бутылку коньяка в качестве благодарности за услугу, когда ему поздно вечером срочно потребовался крем от синяков. У Миа накануне истории с отравлением была бутылка коньяка! Она мне показывала бутылку, что стояла у неё в регистратуре, и сказала, что это та самая, что от Джеймса. Улавливаешь? Если эта бутылка, которую изъяли, не от Джеймса, а от Семёна, тогда напрашивается вопрос: «Что Миа сделала с бутылкой от Джеймса?» Я понятно излагаю мысли?

— То есть если на изъятой бутылке нет отпечатков Джеймса и Софии, а есть отпечатки Семёна... Нет! Это глупо! Собака не может определять отпечатки пальцев!

— Зато в полиции могут проверить ту бутылку! И если на ней не окажется отпечатков Джеймса и Софии, тогда отравить Веронику задумывала Миа! О Боже, это невероятно!

— Ты думаешь, Миа могла на такое пойти?

— А почему нет? Где она?

— Отпросилась домой. Сказала, что неважно себя чувствует.

Beau boucaut, mauvaise morue

Красна ягодка, да на вкус горька. (Красив бочонок — плохая треска.)

— Не спала всю ночь, что ли? Слушай, допустим, Миа планирует отравить одним махом Семёна и Веронику. Мотив: она не простила Семёну, что он её бросил беременную. Семён оскорбил её чувства; возвысил Веронику на пьедестал почета; Миа ревновала к Веронике и желала ей смерти; она мечтала жить в особняке как хозяйка; быть первой женщиной в посёлке; аборт усилил её ненависть, и желание мести поглотило весь разум. Решающей каплей ненависти к Намистиным, перевесившей чашу колеблющихся весов, стало твоё появление в посёлке. Забытые сплетни, суды-пересуды всплыли на поверхность как зеленая тина после Ивана Купала. Миа возненавидела Семёна и Веронику еще больше, потому что ты, такой молодой и красивый, из-за них, прости за выражение, вел себя как фригидная женщина. Миа к тебе и так, и сяк, и даже разделась перед тобой, желая близости, а ты отверг её чувства, объяснив это физической неспособностью её удовлетворить. И снова виноват Семён и Вероника! Миа влюбилась в тебя, хотела вылечить народными средствами — ты сам говорил, её бабушку считали ведьмой. Ты тоже отверг Миа; ты разбередил её раны, и она окончательно обезумела. Миа выбрала самый простой способ избавиться от Намистиных — отравить, и не нужно в руки брать ножи и пистолеты. Я привела Каллисту Зиновьевну к тебе на приём около трех часов — рабочий день близился к концу; ты в кабинете — Миа в аптечном киоске взялась вводить шприцем яд в бутылку и колдовала над конфетами; с криками в поликлинику влетел Ян Вислюков, и Миа бросила своё занятие незаконченным; она привела Яна к тебе. Далее Каллиста Зиновьевна выходит; Миа тоже — бежит за необходимыми медикаментами в аптечный киоск, где на столе разложены все атрибуты отравленного презента; она прячет всё, но не успевает — Каллиста Зиновьевна входит без стука, и тут Миа звереет и набрасывается на неё, охваченная приступом агрессии, долгие годы таившейся в ней, как злокачественная опухоль. Миа не простила давнюю обиду, когда Каллиста Зиновьевна крестом поклялась бабушке Миа в том, что застала Миа и своего внука не по-детски ласкающих друг друга. Взыграла кровь, и Миа ловкими пальцами усыпила обидчицу и нежелательного свидетеля. Она растерялась, не зная, что делать; испугалась, обнаружив, что Каллиста Зиновьевна не дышит; взяла медикаменты и вернулась в терапевтический кабинет, помогать тебе с пациентом. Когда дело было сделано, и ты с Яном вышел на порог покурить — Миа вернулась к трупу и вытащила его через заднюю дверь на улицу. Она бросила тело под стенкой за углом и скрылась так же тихо и осторожно, как и пришла. Закончив с отравленным презентом, Миа подумала, что не мешало бы запутать следствие, и взяла шахматную фигурку, которую держала на столе как сувенир, напоминающий о Семёне. Она всегда брала коня за морду, поэтому её отпечатки были только на морде, а на остальной части фигуры — отпечатки Семёна и Фаины. Свои отпечатки она стерла и в перчатках вернулась на место преступления, предварительно проверив, что ты вернулся в кабинет. Не учла Миа, что Яну вздумалось сходить за угол. Он стал свидетелем того, как Миа подложила мёртвой Каллисте Зиновьевне белого коня и небрежно сорвала с неё крест. Ян Вислюков гарпией назвал Миа и Эмму. Эмму за то, что она взяла презент Миа из почтового ящика, после того, как Миа смоталась к воротам

Намистиных, оставила пакет, позвонила в звонок и скрылась незамеченной. Вернее, Ян Вислюков был единственным свидетелем, пьяным, но соображающим, что Миа — убийца. Попытка Миа отравить Намистиных провалилась. Если бы не гости, то вероятнее всего эту бутылку откупорила бы Вероника и точно не дождалась бы до сегодняшнего дня. Странно, конечно, что Миа не боялась, что кто-либо увидит её у ворот Намистиных, но во имя *мести* она пошла на этот поступок, считая, что кто не рискует, тот не пьет шампанское. После послания Вислюкова воском на подносе, Миа убила и его. Она пришла поглядеть на «плоды своих трудов», а старухи разболтали ей всё, что было. Миа и есть дочь пророка! Почему не знаю, но это объясняет её поведение. Она прошлась по двору и в окно увидела нас целующимися; она взбесилась; разозлилась и на меня. Поэтому сходила домой за свечами (Глеб Васильевич привозил много свечей, но не столько, чтобы ими выкладывать слова), а у внучки ведьмы свечи дома должны быть в запасе; она дождалась, когда все разойдутся, и устроила нам парад свечей, не забыв подписаться буквой «Э», намерено указывая на Эмму. Не зря Вислюков назвал Миа гарпией! Она рылась в моих вещах; украла то, что могло ей пригодиться в выполнении своего последующего плана убийства Вероники, или и Вероники, и Семёна — обоих... А убить пьяного шатающегося Вислюкова ударом по голове ей не составило труда; она разула его и сняла один носок, опять же, для путаницы. Её цель Вероника, и она три недели планировала её убийство. Миа два года была любовницей Семёна и знала шифр от сейфа; у неё был и есть доступ к медикаментам — она отравила собак и сожгла лицо Эммы. Миа не знала, что Эмма чаще ночевала у Намистиных, чем у себя. Она приняла Эмму за Веронику. Это ли самая большая ошибка? Миа перестаралась с надписью помадой на французском, с атласным цветастым платком. Она и мне хотела отомстить за то, что ты выбрал не её — молоденькую девятнадцатилетнюю медсестру, коллегу, а меня — разменявшую четвертый десяток. Она хитрая и опасная девица — подбросила липовые улики Лилии и Фаине. От неё можно ждать чего угодно. И нужно обязательно рассказать капитану Каратову о коньяке!

Хосе заморожено меня слушал, порой недоумевая. Его брови то поднимались, то опускались, пару раз он хихикнул, поражаясь моей фантазии, а в конце сказал:

— Даша, ты удивительно сплела все факты и предположения! Я бы так не смог!

С минуту он постоял молча, потом сел в кресло и продолжил:

— А ты знаешь, что отца Миа звали Даниил? Я об этом, честно, и не задумывался, но теперь вдруг склонен тебе поверить или, в крайнем случае, присмотреться к Миа внимательнее. Она и в правду не так проста.

— Она Данииловна! И ты молчал! Дочь Даниила — дочь пророка! Ну, всё, мы нашли убийцу! Я позвоню капитану Каратову.

— А если мы ошибаемся? «Зелье» ведь на Зельеву не указывало — Эмма мертва. Что если и «дочь пророка» такая же подсказка, как и «зелье»?

— Я думаю, если Каратов проверит пальчики на бутылке, и Миа окажется вне подозрений, тогда, значит, моя фантазия разбушевалась. Я не буду излагать Каратову все свои мысли. Возможно, я многое притянула за уши, не знаю... но о бутылке я расскажу!

Хосе Игнасио со мной согласился, и мы попрощались до вечера, а я поспешила домой, спокойная, что ищейки не нашли какие-либо липовые или истинные доказательства против Хосе Игнасио. Меньше всего мне хотелось обмануться и разочароваться именно в нём.

L'argent non fait pas le bonheur

Не в деньгах счастье.

Всё-таки высказав своё мнение о бутылке коньяка капитану Каратову в ходе непродолжительной телефонной беседы, я отправилась к Намистиным, не зная наверняка, захотят ли меня видеть в этом доме после убийства Эммы. Я как в воду глядела, предполагая, что Вероника откажется от моих услуг — так и случилось.

Беспрекословно соблюдая договор носить длинную юбку и строгую блузку, я с неспокойной душой остановилась у ворот. У меня защемило сердце от боли. Осознание, что Эмма никогда-никогда больше не проведет меня по тенистой аллее в сопровождении умницы Арабель, душило меня как грудная жаба лежачего больного. Что же за несправедливость такая, — причитала я, гневаясь на жестокий рок судьбы, своими корявыми вездесущими пальцами сорвавший прелестную ромашку в цветнике с колючими розами.

Во дворе было непривычно тихо: ни лая Арабель, ни второй овчарки, ни звонкого смеха и голоса Эммы, которая всегда приветливо разговаривала с Арабель как с подружкой, играла с ней, просила дать лапу, бросала палку и задорно кричала «Апорт». Без Эммы поместье Намистиных потускнело. Даже цветущие клумбы и сады не радовали глаз, словно я стояла на открытой скалистой местности, и лишь ветер был мне компаньоном, швыряющим туда-сюда круглый куст колючек. Я стяхнула с себя наваждение как приставшую пыль к краю юбки и отрывисто нажала на звонок. Тишина. Арабель давно бы метнулась к воротам, играя грудой мышц на мощной груди; вышла бы Эмма, милая и приветливая, но нет — её больше нет.

Я не боялась истерик Вероники; была готова в очередной раз стерпеть её нападки и обвинения на случай, если она залила потерю подруги коньяком.

Открылась дверь дома, и Вероника сутулой походкой пошла мне навстречу. Её пышная грудь, затянутая в плотный темно-синий лиф откровенного летнего платья, вздымалась. Вероника тяжело и учащенно дышала. Нервничала, не иначе как. Разлетающиеся неприхотливыми воланами полы платья удачно скрывали чрезмерную округлость бедер; распущенные черные волосы сглаживали овал лица. Оно было бледным — ни грамма косметики. Даже тонкая верхняя губа осталась не тронута контурным карандашом, как обычно. Глядя на Веронику, я не могла понять, как я к ней отношусь. Не такой уж мегерой она и была, хоть и безнравственная, строгая, надменная и гордая. В ней тоже была душа, хоть и жесткая, а на сколько черного в ней было больше, чем белого, трудно ответить однозначно.

С заносчивой важностью, выпятив подбородок, Вероника приоткрыла калитку. Её глаза с покрасневшими сосудами, мутные и озлобленные, смотрели на меня сверху вниз.

— Вот вам оплата за май, — сказала она равнодушно и протянула мне конверт, как и в первый раз. Я приняла конверт из её рук и молча ждала вердикт. — Ввиду сложившихся обстоятельств, я расторгаю с вами договорённость. Надеюсь, мне не нужно объяснять вам, о каких обстоятельствах идёт речь? Пока не найдут убийцу, я *никого* на порог не впущу. Никого! Ни вас, мадам Оливина, ни даже Фаину, несмотря на то, что знаю её с детства. Всего доброго, Дарья Леонардовна. Не смею вас задерживать.

— Я сожалею, что так вышло, — успела я сказать, пока Вероника не захлопнула у меня перед носом калитку.

— Мне от ваших сожалений ни жарко ни холодно, — сказала она, удаляясь.

Ничего не оставалось делать, как вернуться в дом Окуневых, переодеться и от безделья крутиться на приусадебном участке, поливая скромный не созревший урожай, и отгонять не прошенные мысли, которые лезли в голову как ползучие тропические лианы, обвивающие всё непроглядной темно-зеленой паутиной.

Конца и края не было беспросветности. А как мне хотелось вычислить убийцу?! Снова и снова перед глазами всплывали образы: Семён, Вероника, Элфи, Фаина, Миа, София... Капитан Каратов даже с ищейками не вышел на след убийцы. На бутылке, изъятой у Миа, кроме её отпечатков, обнаружили отпечатки Софии, Джеймса и неустановленной личности. Непонятно, почему пес-ищейка указывал на ту бутылку. Я окончательно запуталась. Миа плакала, клялась, что не имеет отношения к убийствам; допросили и Софию, Джеймса, Лилию и Фаину — каждый уверял в своей непричастности; но было очевидно, что убийца из здешних, и (скажу вам по секрету) он не из числа лиц, не имеющих отношения к Намистиным.

Спустя пару дней случилось так, что капитан Каратов закрыл дела об убийствах Окуневой Каллисты Зиновьевны, Вислюкова Яна Тарасовича и Зельевой Эммы Руслановны а всё потому что произошло четвертое происшествие, точнее самоубийство, и все сплетницы вздохнули с облегчением, когда по всему посёлку разрезвонили, что Булавкина София Томасовна повесилась и в предсмертной записке призналась во всех грехах. Вот дословное содержание письма, написанного, судя по манере изъяснения и почерку, в нетрезвом виде:

«Я даже отомстить нормально не могу. Я неудачница по жизни. Всё у меня не как у людей. Простите меня, Олеженька и Ванечка, что мать ваша взяла на душу грехов неподъемную ношу. Ухожу я в мир иной, в мир, где не придется стоять за прилавком, потакая всякому недовольному, где все равны и никто не отнимет у меня вашего отца. Я к нему. Зовёт он меня, ластится к ногам как побитая собака. Даже то, что это я его сковородкой по темени стукнула, простил. Виновата я. Нет мне прощения в этом мире. Грехи прожигают мне душу раскаленными углями сожаления. Убийца ваша мать. Убийца. Отца вашего я непреднамеренно жизни лишила: пришел он ко мне денег на бутылку кланчить, в дом вошел как к себе, разулся, а я до того злая была, будто черт мной орудовал, и накричала на него, слов не подбирая, а он драться полез. Он первый начал. Не хотела я его убивать, и Эмму не хотела — само так вышло».

Вторая часть письма была на обороте листа. Почерк стал более размашистым, а буквы крупными и неразборчивыми:

«Устала я от несправедливости, от жизни, переполненной неудачами и разочарованиями. С того света черным вороном клевать Намистину буду и к Лильке призраком в спальню входить, чтобы знали, как чужих мужчин уводить. Не прощаю я их даже теперь, натерев верёвку мылом, проклинаю и в гробу их позеленевшими вижу. Не моими руками свершится правосудие, но оно свершится, и я на том свете буду заливать радостным смехом, когда встретиться доведется с ними, должно быть, в аду».

Приписка корявым почерком:

«Каллиста тоже жертва случая. Не стыдитесь вашей матери, а коли стыдно, дорогу в посёлок забудьте и стройте свою жизнь так, чтобы подобная трагедия не затронула ваших детей».

Письмо это первым прочел Джеймс и сфотографировал при помощи телефона, чтобы показать Лилии, мне и Хосе Игнасио. Он и обнаружил Софию в складском помещении, похолодевшую; вызвал капитана Каратова, и, казалось бы, «фенита ля комедия», но этим

дело не закончилось.

Я приняла решение уехать с Хосе Игнасио. Еще бы, ведь я его люблю! У нас на руках были билеты на шестнадцатое июня; Хосе Игнасио оставалось доработать последнюю неделю в поселковой поликлинике; Вероника в моих услугах не нуждалась; местные жители всё еще обсуждали череду смертей, но эмоции поутихли. Впрочем, затишье было обманчивым.

Tel vice, tel supplice

Каков грех, такова и расплата.

Меня беспокоило состояние Лилии. Она всерьёз утверждала, что к ней по ночам приходит злобный дух Софии и душит её мохнатыми медвежьими лапами. По её просьбе однажды я ночевала у неё. Сначала я не заметила ничего странного и даже уснула, но среди ночи начали происходить действительно странные вещи, и вот не верь после этого в приведений.

Я приподнялась на постели и со страхом, приглушенным здравыми убеждениями, прислушивалась к тишине, наполненной непонятными звуками, холодящими кровь в жилах. Лилия ровно дышала, свернувшись калачиком и ангельски сложив руки перед невинным лицом с приоткрытыми губами. Её волосы темными из-за лунного освещения змейками расплзлись по подушке — они вдруг зашипели, как будто рядом со мной спала Медуза Горгона. Я отшатнулась и замерла, не спуская глаз с волос — они поднимались, но не так, как если бы ими играл влетевший в комнату летний ветер, — их по пряди приподнимала невидимая рука и бросала, поднимала и бросала. Я склонилась над Лилией, приглаживая её волосы, не давая невидимке прикасаться ним. Такое со мной происходило впервые. Я слышала, как бьется моё сердце, как с гулом по полу проноситься черная холодная тень, как трещат обои в соседних комнатах. Этот треск по звукам походил на растрескивание яичной скорлупы; а потом мне почудилось, будто сотни цыплят в наспех сколоченном сарае клюют по полу разбросанные зерна пшеницы. Я нарисовала себе в воображении именно эту картинку, когда все звуки смешались и за моей спиной раздался протяжный выдох — невидимка пытался сдуть меня как карточный домик, а я сидела над спящей младенческим сном Лилией, боясь развернуться и посмотреть в глаза пугающей меня нечистой силе.

Были ли у неё глаза вообще, я не знала, но то, что оно смотрело, не вызывало никаких сомнений. Это что-то носилось по дому, бесшумно передвигаясь, но задевая мебель, приподнимая шторы. Вздрагивали и звенели чашки с бокалами, шуршали страницы сборников стихов Лилии, оставленные на столике в гостиной. Я боялась разбудить Лилию и ужасалась, что нечистая сила — это не выдумки обезумевших старух. Похоже, что дух Софии и впрямь приходил к Лилии мстить из-за Джеймса. Назовем этого призрака Софией, как и его телесную оболочку при жизни. София то буйствовала, то печально прерывисто всхлипывала, листая стихи Лилии, исполненные в порывах особого любовного вдохновения. Я не заметила, как страх сменился жалостью, и осторожно вышла из спальни. Что я хотела в тот момент, не знаю — утишить грешную душу, но как бы мне это удалось? Рядом со мной София встала во весь рост, опустив страницу тетрадки. Я ощутила холод дыхания на своих щеках, но, не чувствуя страха, смотрела в пустоту перед собой. София была прозрачной, но она присутствовала в комнате, однозначно. Она жалобно хныкала, по кругу обходя меня. Лёд её рук соприкасался с моими заледеневшими пальцами. Она замолкала, потом пыталась что-то сказать, но ни единого человеческого звука я так и не распознала. Вопли, заглушенные плачем, — это всё, что я слышала от духа Софии. Не думайте, что я была пьяная. Нет!

— Софи, ты должна уйти, — попросила я её тихо и мягко, — среди живых духам не место.

Она на минуту исчезла, и весь дом погрузился в нерушимое спокойствие. Я так и стояла

в гостиной около стола с разбросанными тетрадками. Лилия по-прежнему спала крепким сном. Но вдруг с новой силой затрещали обои, словно они были скорлупой, по которой София бегала в легкой бесшумной обуви. То в одном углу, то в другом. Волны треска раскатывались поочередно по всем стенам. Шторы взлетали и опускались, посуда звенела, люстра качалась как уличный фонарь в ветреную погоду.

— Софи, оставь Лилию в покое, не пугай её своими проделками — они с Джеймсом любят друг друга. Не мсти ей, — осторожно выпрашивала я здоровья для психики и без того впечатлительной поэтической натуры Лилии.

София зашипела, спустившись ко мне с потолка невидимым морозным облаком.

— Будь добрым духом! — продолжала я. — Не причиняй людям зла.

Холод пронесся сквозь меня, и Лилия за долю секунды встрепелась, треплема за плечи невидимыми руками духа. Она не сразу распахнула глаза, и её голова была вяло откинута назад, плечи не касались постели — София держала её навесу и трясла, заставляя проснуться. Я кинулась к постели и сама схватила Лилию за плечи:

— Лилия! — повторила я несколько раз. — Идём спать ко мне!

Лилия отрешенно уставилась на меня, не понимая, в чём дело:

— Ты боишься? — спросила она, улыбнувшись, и удобно улеглась, кутаясь в тонкий плед.

Спиной я чувствовала пробегающий холодок, но старалась подавить волнение и отвечала Лилии спокойным медленным тоном:

— Нет, нет... Ничего я не боюсь, но думаю, что нам лучше будет провести эту ночь у меня, а завтра мы что-нибудь придумаем.

— Ты видела её, так? — Лилия тут же спохватилась. — Она сначала медленно, словно крадучись, ходила по дому, потом носилась как ненормальная по стенам, да?

После того, как прозвучало её вопросительное «да», оконная длинная занавеска воспарила и затрепетала как флаг на сильном ветру, издавая будоражащие резкие звуки.

— Это всего лишь сквозняк, — я встала и захлопнула приоткрывшееся окно. — Никого я не видела, но боюсь, что спать в этом доме я не смогу. Идём ко мне, — настаивала я.

Лилия недоверчиво огляделась по сторонам. Дух Софии, казалось, задумчиво ходил из угла в угол. И что ей нужно? Может, записка была фальшивой, и Софию оклеветали? Что если она не успокоится, пока Каратов не найдёт настоящую гарпию? Мне казалось, что я схожу с ума.

Поскрипывали сухие доски пола. София не желала нас покидать, но и не набрасывалась на Лилию, пытаясь удушить. Может, это невозможно? София могла только испугать? Я с духами не сталкивалась ранее, не знаю, что у них на уме.

— Нужно было спать при свете! — воскликнула Лилия и встала с постели. — Она здесь. Я чую её дух.

— Не выдумывай. Скорее всего это воображение разыгралось... скрипят полы, трещат обои, сквозняк листает сборники твоих стихов... Завтра пригласим бабушку, и ты будешь спать спокойно. А сегодня идём ко мне.

Я еле уговорила Лилию, но так и не призналась ей, что и я чувствовала дух Софии, то злостный, то жалобный, то нерешительный, то уверенный в желании мстить, но всё-таки дух, чьё присутствие не приносило радости и положительных эмоций. Мы перебрались ко мне, и до утра нас никакие силы не тревожили. Почему так, не знаю. Казалось бы духи могут передвигаться, как хотят, даже проходить сквозь стены. Но нас, видимо, пожалели.

До нашего с Хосе Игнасио отъезда оставалось шесть дней. После ночи в доме Лилии я поговорила с Джеймсом и убедила его поторопиться со свадьбой и забрать Лилию к себе, вопреки её устаревшим принципам «до свадьбы ни-ни». Джеймс в свою очередь приятно удивил меня своими планами на будущее: он обсудил с Семёном идею продажи магазина, и Семён, позабыв или сделав вид, что позабыл давние обиды, был готов уплатить Джеймсу кругленькую сумму за магазин вместе со всем оборудованием и остатком товара.

— Мы купим домик в частном секторе, вдали от городской суеты, но ближе к цивилизации, нежели этот богом забытый посёлок! — говорил Джеймс воодушевлено. — Откроем точку на рынке, а со временем и продовольственный магазин.

Очевидно, что у Джеймса тоже проснулась неприязнь к посёлку вместе с его контингентом сплетниц, опустевшими заброшенными домами, пустынными улицами, а еще и ввиду последних событий, не удивительно, что он принял немаловажное решение кардинально поменять жизнь, прямо как я несколькими месяцами раньше. Жаль, конечно, что я не прижилась на новом месте как капризная азалия на солнечной стороне; жаль, что прекрасные пейзажи здешних мест сочетаются с черной стороной человеческой сущности. Но я не могу сказать, что мне так уж не повезло — я нашла дружбу и любовь, а это важнее и сильнее, чем все пережитые невзгоды, недоразумения, череда невиданных ранее преступлений. Вот только цепочка смертей, к несчастью, не замкнулась, и за шесть дней на кладбище отнесли еще два гроба (рекордное количество для этого маленького посёлка, вовлеченного в большую воронку страстей). Жизни смывало как кипяток в раковине с только что прочищенной трубой.

Я понимала, *что* привлекло меня в этом посёлке — дикий лес, река, бескрайние поля и степи. Как фотограф-любитель я ценила возможность изо дня в день видеть красочные пейзажи, жать на спуск и радоваться запечатленным красотами. Всё это было выше меня. Смайлики похвальные комментарии подталкивали меня к экспериментам, к новым подходам в выборе ракурса, фокуса. В какой-то степени, два месяца жизни в глуши стали для меня трамплином для прыжка в новую жизнь — в жизнь, в которой я стану профессиональным фотографом, счастливой семейной женщиной и матерью двух очаровательных девочек. Если бы я не рискнула сорваться с места тогда, когда моя жизнь катилась под откос, когда злые языки приписали мне в любовники шестидесятилетнего физика, если бы не все скандалы, если бы не равнодушие моего бывшего мужа и его павлинья мания «блистать талантами» — я бы не знала, что такое счастье.

Qui sème le vent récolte la tempête

Кто сеет ветер, пожнет бурю.

Оценить счастье, беречь любовь и наслаждаться каждой минутой жизни меня научила «гарпия» и её безумства.

Как я и обещала Лилии, батюшка освятил её дом: как положено по особому чину нанёс на стены изображение креста, помазал освященным елеем и всё жилище окропил святой водой. Вроде бы призрак бояться уже не стоило, но видимо Софию таки оклеветали, коль её душа не могла успокоиться.

Вечером, когда пожар зари золотил черепицу на крыше поместья Намистиных, Лилия переворачивала первую партию куриных крылышек, зажаренных до хрустящей корочки с одной стороны, я нарезала огурцы и редиску для окрошки — мы ждали Хосе Игнасио и Джеймса, чтобы отпраздновать в нашей дружной тесной компании подачу заявлений в ЗАГС. Джеймс и Лилия не стали дожидаться осени, и перенесли знаменательное событие на июль. Я не могла нарадоваться, наблюдая, как преобразилась Лилия! Сколько счастья искрилось озонными огоньками в её красивых голубых глазках!

Джеймс и Хосе Игнасио задерживались. По нашим подсчетам они давно должны были бы вернуться и принести бутылку «любимого коньяка Намистиных», но вот уже и окрошка заправлена майонезом, и крылышки золотистой горкой окружили свежие листья укропа и петрушки, и посуда вся на столе в виноградной беседке, а их всё нет.

В тот вечер ко мне снова вернулись подозрения. Интуитивно я чувствовала, что «гарпия» ухватила свою очередную жертву изогнутыми острыми когтями, разрезающими плоть. У меня было видение — как фрагмент из фильма о жизни грифов, картинка с лапами хищной птицы, удерживающими беспомощного зверька. Доля секунды, и меня охватили тревожные чувства:

— Где же они? Почему так долго? — недоумевала я.

Лилия, пребывая под впечатлением от зала бракосочетания и от невест в пышных белых платьях, казалось, не беспокоилась, да и после молитвословий батюшки, призывающих благословение Божье, увереннее стала смотреть на будущее. Она будто бы и не боялась, что дух Софии снова придёт с незванным визитом, что попытается разлучить её с Джеймсом, что уведёт Джеймса как маленького ребёнка, взяв за руку, за собой на небеса. Я и сама об этом не подумала бы, если бы не плохие предчувствия. Но, нисколько не сомневаясь, что духи существуют и что месть толкает на убийства не только людей, я забеспокоилась, как бы не произошло несчастье с Джеймсом. Он настолько чувственно и эмоционально говорил со мной утром, что вечером я вдруг испугалась, что его мечтам не суждено сбыться.

— Я выгляну за калитку, — на ходу я сообщила Лилии о своих намерениях. Мне безумно хотелось увидеть Хосе Игнасио с Джеймсом, возвращающимися наконец-то с коньяком или без него — главное, чтобы мои опасения оказались плодом воображения и ничего плохого не случилось.

Вместо Хосе Игнасио и Джеймса я увидела Миа, прогулочным шагом направляющуюся в сторону леса. Она вертела в руках ромашку и бросала на ветер оторванные лепестки, беззвучно шепча «любит, не любит». Её толстые черные косы лежали на груди; кончики волос завитушками касались пояса — широкой малиновой полоски, отделяющей открытый

лиф от плиссированной голубой юбки, скрывающей ноги. Миа как зачарованная шла себе не спеша, ни на кого и ни на что не обращая внимания. Маленькие карие глазки смотрели то ли на лепестки ромашек, то ли сквозь них. Я окликнула её и подбежала с вопросом, не видела ли она Хосе Игнасио и Джеймса.

Миа подняла на меня глаза медленно, будто неделю ничего не ела и обессилела до такой степени, что и глаза поднять тяжело.

— Видела, — ответила она также вяло. — Они Фаине помогали сено на чердак поднимать. Её отец накопил травы, полон двор. У себя не сушит и не хранит — места там мало: и коровы, и куры, и две свиньи в сарае. Так он уже который год занимает у Фаины чердак... и двор... Я была у неё сегодня — мазь её отцу носила: опять спину сорвал.

— Ага! У Фаины, значит, — вздохнула я облегченно, но радоваться было еще рано.

Я поблагодарила Мию, и она пошла себе дальше, тихая такая, подавленная, словно огорченная. Неразделенная любовь, — подумала я, а сама крикнула Лилии, что прогуляюсь к Фаине посмотреть, чем там наши мужчины занимаются.

Калитка у Фаины оказалась распахнутой; пёс, увидев меня, залаял, бросаясь лапами на сетку вольера, не позволяющую ему свободно передвигаться по двору. Кроме пса я не увидела ни одной живой души; зрительно пробежалась по крыше в поисках чердака, и поломанная лестница приковала к себе моё внимание. Лестница вела к зеленым деревянным дверцам, из которых торчал тюк сена, перекошенный, явно наспех оставленный. Что же случилось? Неужели Джеймс упал и сломал себе шею? Идти дальше калитки я побоялась — не внушал мне доверия рвущийся на меня пёс, а породистых больших собак я бояться не перестала: Арабель была исключением.

— Фаина! — позвала я, вглядываясь в окна. Может быть, Хосе Игнасио и Джеймс у неё в доме.

Никто не вышел, и только пёс скалил клыки, стоя на задних лапах. Я растерянно вышла на дорогу и посмотрела по сторонам — никого. Все как сквозь землю провалились. Не зная, где искать Хосе Игнасио и Джеймса, я подумала вернуться к Лилии, но неожиданно меня окликнул взволнованный голос Фаины:

— Даша, беда!

Фаина вышла из ворот Элфи с полотенцем на плече, словно собиралась в душ. Его дом располагался напротив и наискосок от дома Фаины, как дом Окуневых по отношению к поместью Намистиных. Я побежала к ней. Сердце заколотилось быстрее. Только бы ничего не случилось! Только бы смертельная опасность не угрожала ни Хосе Игнасио, ни Джеймсу!

— Он мёртв! — плакала Фаина, содрогаясь всем телом.

— Кто он? — спросила я, не помня себя от волнения. Неужели «гарпией» всё-таки была не София? Неужели «гарпия» продолжает свою кровавую игру? Или их всё-таки было две? Кто ляжет в пятый гроб за время моего пребывания в посёлке? Больше всего я боялась потерять Хосе Игнасио, потом — Джеймса; Лилии вроде бы ничего не угрожало, когда я оставила её одну. Все мысли во мне перевернулись и распухли как желатин в холодной воде.

— Джеймс... — плакала Фаина, указывая на дом Элфи. — Джеймс и Хосе Игнасио... У меня поломалась лестница, и они пошли к Элфи попросить лестницу. Я говорила, что не нужно — завтра отец бы починил мою лестницу, или я сама... Это сено...

— Кто умер, ты лучше скажи, — не выдержала я и сорвалась на неё, — мне не интересно, что там у тебя с сеном. Где Хосе Игнасио и Джеймс?

— Там, — Фаина махнула рукой и громко высморкалась в полотенце. — Элфи убило

ТОКОМ.

— Элфи убило током, — отчаянно повторял Джеймс, когда мы с кислыми минами сидели в виноградной беседке под тусклой оранжевой лампой, облепленной мошками. — Это мы его отвлекли. Если бы не лестница, если бы Фаине не взбрело в голову убрать сено, если бы не пошли к нему...

На первый взгляд типичный несчастный случай, вот только экспертиза установила, что Элфи умер на сорок минут раньше, чем Хосе Игнасио и Джеймс пришли к нему за лестницей, и в его кармане была найдена карта Таро, символизирующая слезы и смерть любимого человека.

— Он лежал на полу с отверткой в руке, — продолжал свой рассказ Джеймс. — Как живой, словно устал и прилег на бок отдохнуть, а в волосах белели частые седые пряди, которых раньше я не замечал. Его круглое умиротворенное лицо с желтоватой щетиной не выражало ужаса. Наоборот, казалось, что он улыбается во сне. Уши, его заостренные отогнутые уши, были розовыми, как у белого кролика. Странно. Будто его тягали за них, как именинника, или в краску вогнали. Во всяком случае, уши в отличие от бледной кожи его дряблых щек выглядели самыми что ни на есть живыми, и я ошибочно понадеялся, что Элфи придёт в себя, как только я дотронусь до его плеча. Он был теплый, но на ощупь как мешок с цементом — тяжелый. Мы попытались приподнять его. Хосе Игнасио приложил руку к его шее, и сказал, что он мёртв. Какая же паника меня охватила. Этого не передать словами. Я начал трясти его, не теряя надежды. Хосе Игнасио оттолкнул меня и начал делать Элфи массаж сердца, но всё безрезультатно. Я ошарашено смотрел то на Элфи, то на руки Хосе Игнасио, то по сторонам: на детали розетки, болтики, торчащие со стены оголенные провода. Элфи не выкрутил пробки на счетчике — из дальней комнаты доносился звук включенного телевизора: программа новостей «Время». Мы не вовремя пришли к Элфи за лестницей. Не вовремя. Одно неосторожное движение, и Элфи прикоснулся к проводам. Я, конечно, не видел раньше убитых электрическим током, но я почему-то думал, что кожа в месте соприкосновения с проводами, должна бы быть обугленной, — неуверенно он подошел к вопросу к Хосе Игнасио, как к доктору: — почему на руках Элфи не осталось никаких следов?

Хосе Игнасио задумчиво сидел перед тарелкой крошки, перемешивая ложкой содержимое и подперев кулаком голову:

— Я тоже на руках ожогов не заметил, — ответил он вполголоса. — Может, он едва коснулся и тут же одернул руку, а может он плечом задел провода, когда приподнимался, услышав лай собаки.

Мы молчали.

— Когда-то на шахте один шахтер ремонтировал высоковольтную линию, — продолжал Хосе Игнасио, — от него осталась лишь кучка пепла.

Так и закончился вечер разговорами на плачевные темы, но давние истории, случившиеся в посёлке с пятидесятих годов двадцатого века, мы обсуждать не будем — они не имеют отношения к истории о «гарпии» двадцать первого века.

La parole est d'argent, le silence est d'or

Слово — серебро, молчание — золото.

Итак, Джеймс увёл Лилию ночевать к себе. Она как порядочная девушка отнекивалась, но после недолгих уговоров согласилась, условившись, что спать они будут на разных кроватях. Ох, уж эти невинные страсти! Но это и правильно, пусть поухаживает хотя бы пару месяцев, если, конечно, Лилия не уступит его напористости в ночь, предвещающую грозу. Разве не романтично впервые заняться любовью под аккомпанемент дождя?!

Хосе Игнасио выглядел уставшим и не настроенным на романтику. Он не последовал примеру Джеймса и не звал меня к себе, а я и не напрашивалась, естественно. Я не боялась спать одна — я давно вышла из возраста, когда боятся темноты, грома и молнии, приведений и одиночества. Мы поцеловались и разошлись по домам.

Начал накрапывать мелкий дождик. Он стучал в оконные стекла, бил по крыше, издали долетели отголоски грозы. За задернутой занавеской было темно и мокро. Я подумала — дождь успокоит мою бурную фантазию, я отвлекусь и крепко усну, не думая о смерти Элфи. Тогда я еще знать не могла, что он очередная жертва убийцы, но всё равно не единожды предполагала это. София ведь не объяснила в своём предсмертном письме, откуда знала шифр сейфа Намистиных, откуда у неё взялась шахматная фигурка, не объяснила, почему она подписалась тогда буквой «Э». Или вовсе не София свечками выложила слово «ведьма» и не она истинная убийца? Что если её убили, подстроив самоубийство? Но за что? От подобных мыслей мне и не спалось.

Я слушала дождь и, лежа на кровати, смотрела на струйки воды, стекающие по темно-синему стеклу. На долю секунды спальня озарилась розовым светом — небо расколосось, загредел гром. Я соскочила с постели, расправив ночную тунику из нежного хлопка, и подошла к окну, отдернула занавеску и нагнулась, облокотившись о подоконник. Ничего нельзя было разобрать — всё слилось в мокром холодном мраке. И что я хотела увидеть? Знаю только одно — мне не хотелось спать. Я ждала чего-то. Как фотограф ждет удачный момент, но только без фотоаппарата.

После того, как батюшка освятил дом Лилии, я думала, что дух Софии больше не появится, и уж тем более её заблудшая душа не станет приходить ко мне, но она пришла. В той самой пустой комнате с отклеившимися обоями, с разошедшимся полом с широкими щелями, где стоял гроб Каллисты Зиновьевны, заскрипели половицы — медленно, протяжно. Я внимательно прислушалась, развернув голову вполоборота. Шагов не было слышно — только непрекращающийся скрип.

На цыпочках я вышла из спальни и, минув небольшой коридор, остановилась в дверном проёме, не решаясь идти дальше. По кругу, словно вокруг исчезнувшего гроба, ходила прозрачная светящаяся тусклым голубо-фиолетовым неоновым светом раздетая София. Она не обращала на меня внимания. Её веки были опущены; большой рот приоткрыт; вытянутое лицо как силиконовая маска не шевелилось. Только ноги сгибались и разгибались в коленных суставах и в конечностях. Я сглотнула, пораженная нереальным зрелищем. От духа, как от собаки лучше не убегать, — подумала и боязливо шагнула вперед, но не стала идти дальше. Ассоциации! Меня мучили ассоциации с гоголевским Виём. «Откройте мне веки!» — хотелось убежать под дождь и смыть с себя как выступивший пот это наваждение.

Дух Софии наматывал круги. По изогнутой крючком спине, бледно светящейся неонам, неподвижно лежали такие же бледные прозрачные голубо-фиолетовые волосы. Фигура подобная гитаре, ягодицы как две сдобных булки, короткие сильные ноги и руки, опущенные по швам, вздутый живот и обвисшая грудь в форме груш — такой я видела Софию. Страшно было подумать, что за монстр сидит в этом образе призрака и как он проявит себя на этот раз.

Ударил гром, и дух Софии медленно, словно стыдясь наготы, повернулся ко мне лицом. Я потупила взгляд, опасаясь, что София распахнет глаза, и зеленые угольки колдовским огнём ослепят меня.

— Е... и-а и е-о-и-е, — шурша и издавая звуки, обои упали на пол.

София протянула ко мне толстые в предплечьях и тонкие в запястьях руки, и я уже хотела сорваться с места, чтобы убежать, но ноги будто вросли в пол и не слушались приказов. София спокойно подошла ко мне и потребовала поднять на неё глаза, холодной внутренней стороной ладони вверх поднимая мой подбородок. Чернота, заполнившая два маленьких глаза, блеснула единожды синхронно вспышке молнии и погасла. Глаза как две сливы «Угорки» смотрели на меня. Я испуганно содрогнулась.

— Зачем ты пришла ко мне? — спросила я осторожно. — Напугать? Или хочешь что-то рассказать?

София развернула голову как робот и, казалось, скользила своим сливовым взглядом вдоль плинтусов с горами мрачных обвалившихся обоев. Я, конечно, не видела себя со стороны, но меня не покидало чувство, что у меня волосы вставали дыбом всякий раз, когда дух Софии шевелился. Она подошла к стене и пятерней с растопыренными пальцами провела слева направо, потом в обратном направлении. Стены рябили в ночной темноте, но в том месте, где София водила рукой я разглядела надпись. Черными печатными буквами, выведенными маркером с толстым стержнем было написано «Миа + = любовь». Второе имя было зарисовано черными квадратиками. Первое, что пришло мне в голову, после увиденного — эту надпись сделал внук Каллисты Зиновьевны примерно пять-шесть лет назад, когда у него с Миа был страстный роман. Не знаю, почему, но эту надпись не смыли, не покрасили белой краской перед оклейкой комнаты обоями. Гадать на эту тему я не стала, а дух Софии, не выражая никаких эмоций, пошел к противоположной стене. Я следовала за ней, прикусив от волнения нижнюю губу. Что она еще хочет мне показать?

София опять широко расставила пальцы и на ощупь что-то искала на стене, но в этот раз я ничего не смогла разглядеть. София трижды похлопала по стене на уровне бедер и повернулась ко мне лицом, пристально глядя мне в глаза. Если бы она могла говорить!

— Мне включить свет, чтобы прочесть что-то? — спросила я.

— Е... и-а и е-о-и-е, — опять зашуршали обои, необычайно воспроизводя гласные звуки, но я не понимала, что за этим кроется. И-а — Миа? Е — может, месть?

Я включила свет. Дух Софии исчез. За окнами гроза только усилилась, и с потолка в одном месте стали капать тяжелые холодные капли — текла крыша. Под монотонное капание и громкий раскат грома я подошла к той стене, где в последний раз видела дух Софии. Недалеко от розетки чем-то острым было выцарапано «Вероника» и вокруг сердце, пробитое стрелой.

Вероника, Миа, — повторила я недовольно и вернулась к первой надписи. Опять таинственные намеки! Один раз я уже поверила «зелью» и букве «Э» — снова ошибиться не хотелось. Я нерешительно огляделась — что я здесь делаю? Здесь — в доме с призраком, в

посёлке с сумасшедшей «гарпией».

Не выключая свет, я вышла и вскоре вернулась с тазом и половой тряпкой. С потолка лилась вода прерывистой струйкой — хоть полезай на крышу. Но я же не сумасшедшая в грозу лезть на крышу и с фонариком искать течь, а потом еще и заделывать её листом шифера, хотя шифер в сарае точно имелся. Я протерла пол и поставила таз, а сама, если честно, боялась выключать свет. Не то чтобы очень-очень боялась, но присутствие духа, пусть и не агрессивно настроенного, меня не прельщало. Лучше бы она вообще ко мне не являлась — меньше знаешь, лучше спишь.

Я решила, что выпью чашку ромашкового чая и лягу спать.

Перед тем, как лечь в постель, я зашла проверить, сколько воды натекло в таз, а там... мутью стекшей с потолка написано: «Они составят мне компанию». На стенах были имена следующих жертв, что ли? Не София ли убила и Элфи, чтобы Вероника почувствовала горечь потери любимого, как в своё время София, когда Ян Вислюков, будучи при деньгах, растрачивал себя и их на развлечения с любовницей — с Вероникой? О, как мне хотелось, чтобы этот кошмар скорее закончился и чтобы капитан Каратов защелкнул наручники на руках убийцы! Ну, не могла же София и вправду с того света продолжать мстить своим обидчикам. Так кто же тогда убийца?

L'amour est aveugle

Любовь слепа.

Следующий день не принёс ответов на вопросы, но ознаменовался самым романтичным днём из всех, проведенных мной в посёлке, за одним исключением, о котором я расскажу в первую очередь, а уж потом о приятном.

Поскольку Джеймс Бонитетов остался без продавца, — ведь последние полгода София работала без сменщицы, желая больше заработать, — то, когда я пришла утром купить хлеба, Джеймс в поте лица и хлеб выгружал, и покупателей отоваривал, а Семён делал опись, стоя у полок с консервами и подсолнечным маслом.

— О, Дашенька, — начал он с горячностью, как только увидел меня, — как хорошо, что вы зашли. Я давно собирался с вами поговорить. Не откажетесь от лимонада с просроченным зефиром?! Он вполне съедобный и безвредный! Испробовал на себе лично! — скороговоркой протараторил он, и не успела я ничего ответить, растерянно улыбаясь, как он уже завёл меня за прилавок. — Идёмте в подсобку. У меня всё на столе!

Мы из торгового зала перешли в комнату, заставленную ящиками с тарой, мешками с крупами. В углу на больших серых весах, местами изъеденных коррозией, пылился ящик от бананов. На столе, накрытом газетами, я увидела коробку с зефиром и початую бутылку лимонада.

— Присаживайтесь! — Семён милостиво отставил стульчик и, усадив меня, присел рядом. — Лимонада?

Я не отказалась, и Семён наполнил два пластиковых стаканчика искристым напитком.

— Не знаю, с чего и начать, — он разом опустошил стакан и скривился, лихорадочно тряся головой. — Колючий и ледяной!

Лимонад был слишком холодным для моих зубов, и я пила его маленькими глотками.

После короткой паузы Семён продолжил тихим голосом с нотками печали:

— Я знаю, что вы, Дашенька, скоро покинете нас навсегда. Поверьте, я сожалею, что в августе придется нанимать другого репетитора. Вы мне очень симпатичны, — прошептал, бросив на меня лукавый взгляд. — Мне стыдно за свою настойчивость... тогда у леса... я был взбешен и не отдавал отчета ни словам, ни поступкам. Я выразить вам не могу, до какой степени мне стыдно. Надеюсь, вы простили меня, и не будете вспоминать обо мне как об озабоченном маньяке?!

— Я уже всё забыла, — схитрила я, — и вы забудьте. Ничего не было!

— Забыть?! — засмеялся Семён. — Дашенька, я не забуду вас! Вы перевернули мой мир! В том смысле, что я многое переосмыслил, и стал другим человеком. С вашим появлением в нашем доме, я иначе смотрю на вещи. Понимание, что я жил неправильно, пришло не сразу, но сейчас, глядя вам в глаза, я могу поклясться, что исправлю свой образ жизни. Я говорю об отношениях с Вероникой — связи на стороне не укрепляют союз. Я изменял ей — она мне. Какая это любовь?! Мы сдуру заключили контракт, и теперь я, как странник на перепутье, в замешательстве. Она оплакивает смерть Элфи... Он был мне другом... Был... Вероника изводит себя рыданиями, отказывается от еды, кричит на меня, хотя я пытался её успокоить. Наш брак давно дал трещину. В общем, я намерен развестись.

Последнюю фразу он произнес особенно твердо.

— Не усугубит ли развод состояние Вероники? — подумала я вслух. — Может, нужно дать ей время оправиться после смерти Элфи? Какой бы заносчивой и высокомерной ни была ваша жена, но я беспокоюсь за неё.

Семён встал и начал расхаживать вдоль стола:

— Её состояние и у меня вызывает опасения, — сказал он серьёзно. — Она запивает успокоительное средством коньяком. Совсем обезумела. Но я твердо намерен расставить все точки над «и». Я не люблю Веронику — Вероника не любит меня. Есть только один выход — развестись. Но, исходя из контракта, я обязан обеспечивать ей и детям безбедное существование. Алименты меня не волнуют, а вот поместье... оно моё! Это поместье Намистиных! Я намерен жить в своём доме и привести в него новую хозяйку!

Вы сочтете меня за мнительную сумасшедшую старуху, но я подумала тогда, что внезапная смерть Вероники была бы на руку Семёну.

— И кто эта новая хозяйка? — во мне заиграло любопытство.

Семён наклонился над столом и таинственно прошептал, едва шевеля губами:

— Фаина!

Не скажу, что я была чрезмерно удивлена: Семён и Фаина — подходящая пара, если, конечно, опустить, некоторые нюансы, такие как дурная привычка Семёна облизывать губы и важно теревить свою козлиную бородку, а к Фаине у меня и претензий особых не было, кроме подозрения в наличии мотивов для убийства Вероники. Фаина — красивая молодая женщина, она дружит с Семёном долгие годы, она полицейский в юбке, детективы — её любимый жанр. Могла ли Фаина всё тщательно спланировать, — в который раз я задала себе подобный вопрос.

— Фаина? — пробормотала я отрывисто.

— Она! — Семён вернулся на прежнее место и налил себе еще лимонада. — Я был слеп, а счастье кружилось вокруг меня — руку протяни, и вот оно — счастье! В тот вечер, когда я набросился на вас, Дашенька, Фаина утешила меня. Я нашел в ней не дружеское утешение — тогда я увидел в ней женщину: соблазнительную рыжеволосую бестию с томным взглядом, с зовущей истосковавшейся по мужской ласке плотью. Короче, Даша, я прозрел, и теперь меня уже ничто не остановит — я женюсь на Фаине!

В тот самый вечер, — мысли в моей голове одни сменяли другие, — в тот самый вечер убийца планировал отравить Веронику. София? Её предсмертное письмо написано корявым почерком: сначала она признается, что убила бывшего мужа, потом пишет об Эмме, и лишь в конце упоминает о Каллисте Зиновьевне, и ни слова о яде. Что если это письмо написано не её рукой? Или, к примеру, София действительно убила Яна Вислюкова и с сообщницей Фаиной лишила жизни Эмму? Что если Фаина собственноручно приписала последние две строчки о Каллисте Зиновьевне, чтобы повесить все три убийства на Софию? Что если Фаина и Софию убила? И Элфи, чтобы помучить Веронику и загнать её в гроб? Фу, какой ужас! А как же дух Софии? Почему должна умереть и Миа? Она что-то знает? Фаина покупала у неё яд? Нет! Тогда Миа заявила бы об этом, не пощадив Фаину. Я помню, как они ругались в поликлинике, как Фаина обвиняла Мию в том, что та удушила Каллисту Зиновьевну. А что если все пять смертей не связаны друг с другом, и их совершали разные люди? Нет, не верится, — твердила я себе.

— Дашенька, что с вами? — Семён прервал каскады моих мыслей, бурлящих и шумящих в голове.

— Всё в порядке, — ответила я сдержанно, но волнение охватило меня как паутина

запутавшуюся муху. — Вероника еще не знает, какая участь её ждёт? Вы выставите её на улицу с двумя детьми?

— В этом и вся соль, — Семён поглядел на меня глазами затравленного животного, — у меня недостаточно денег, чтобы купить ей приличный дом, а в контракте черным по белому прописаны все возможные нюансы на случай развода, и даже супружеская неверность не позволяет мне ущемлять права Вероники. Не знаю, что и делать. Жить в маленьком домишке с печкой и без удобств Вероника не согласится, естественно; а я, в конце концов, не сын Рокфеллера.

— Вы будете жить втроём?! — предположила я, представляя, что Фаина станет любимой женой, а Вероника... возненавидит её и будет строить козни, если, конечно, не сопьётся с горя и не отправится на тот свет следующей жертвой загадочной «гарпии».

— В поместье свободных спален хватит и еще для троих жён! Но я же не султан — зачем мне пять жён? Я предложил Веронике вариант: мы разводимся, я женюсь на Фаине, Фаина переезжает к нам, но Вероника на таких условиях отказывается дать мне развод. Требуется благоустроенную квартиру в центре города и ежемесячное содержание.

Он растерянными глазами прошелся по ящикам с пустыми бутылками и, тяжело вздохнув, добавил:

— Не надо было заключать контракт.

Я легонько толкнула его в плечо, чтобы вывести его из задумчивого состояния:

— И как же вы собираетесь жениться на Фаине, если Вероника не даёт развод? Вряд ли вы уживётесь под одной крышей, вопреки вашей общей длительной дружбе.

— Это вопрос времени, — сказал он и облизнул губы.

Уж не собирается ли эта парочка убить Веронику, — подумала я.

— Я намерен вложить деньги в торговлю. Посёлок у нас небольшой, но люди то живут: они не перестали кушать, умываться, одеваться... Я расширю ассортимент. Уверен, прибыль не заставит себя ждать. Боулинг-клуб тоже не такой убыточный, как ворчит Вероника. Мои пчелки обеспечивают меня мёдом! Если бы Вероника меньше транжирила деньги, я не столкнулся бы с проблемой жилья для неё. А теперь приходится голову ломать...

Мне искренне стало жаль Веронику — поместье Намистиных — её гордость; из-за поместья она не хотела разводиться с Семёном, не приняла предложение Элфи, которого любила. Знаю, что любила. Глаза влюбленной женщины не скрывают чувств, блестят, украшая лицо. Смерть Элфи потрясла Веронику. У меня, такой мнительной и недоверчивой особы, возникла тогда идея, что Элфи всё-таки убит не Фаиной, а женщиной, по-настоящему ненавидящей Веронику, как её ненавидела София, или могла бы ненавидеть и Миа. Зачем Фаине убивать Элфи? Чем он ей мешал? Наоборот, Вероника могла уйти жить к нему, и у Фаины с Семёном меньше было бы проблем из-за развода, свадьбы и поместья. Ах, если бы Вероника приняла предложение Элфи, возможно, этот шаг изменил бы ход трагических событий, и не погибли бы невинные люди, такие добрые и приветливые как Каллиста Зиновьевна и Эмма. А еще я подумала, что *супружеская неверность* причина всех горестей Намистиных.

— Надеюсь, вы разойдётесь полюбовно, и каждый заживёт счастливо, — сказала я, уловив краем глаза приближение Джеймса.

Семён кротко поблагодарил меня и встал, хватаясь за бумаги. Я тоже встала. Вошел Джеймс, простодушно почесал затылок и остановился у стола, глядя на нас и не скрывая довольной улыбки. Видно, что ночь он провел более приятно, чем я.

— Надеюсь, не помешал? — спросил он, хитро щурясь.

— Нисколько! Я уже ухожу, Джеймс, — ответила я. — Не буду отвлекать вас от работы.

Но прежде дай мне буханку хлеба!

— Конечно, идём! У нас с Семёном на сегодня грандиозные планы: нужно всё взвесить, пересчитать, утрясти все детали! — объяснял он на ходу.

Мы вышли в торговый зал, и пока Джеймс обслуживал меня как покупателя, Семён вторично извинился и пожал мне руку:

— Приятно было иметь с вами дело, — сказал он напоследок, и я поспешила домой завтракать.

Ce que femme veut, Dieu le veut

Что хочет женщина, то хочет Бог.

Во дворе у Лилии сушилось белье. Когда я уходила, то на верёвке кроме прищепок ничего не было, — значит, у Лилии выходной. Я совсем потерялась в днях из-за трагичности последних событий. После завтрака я пошла к Лилии. Как и все женщины, я любительница романтических историй, и сердце мне подсказывало, что Лилия и Джеймс спали не на разных кроватях.

— Да, у нас было *это*, — краснее призналась Лилия, когда я намекнула, что Джеймса сегодня просто не узнать. Лилия тоже похорошела. Энергия в ней была ключом.

— Никогда еще я не была так счастлива и опустошена одновременно. Дождь стучал в окна, в крышу, гремела гроза, а Джеймс нежно шептал мне ласковые слова, целуя мои обнаженные плечи. Он опустил бретельки сарафана, но не торопился снять сам сарафан. Такой милый и застенчивый! Свет молнии на время достаточно ярко освещал наши тела. Я сквозь опущенные ресницы видела, как белели мои округлые плечи словно два лунных диска, по которым не спеша, но уверенно передвигались губы-космонавты, оставляя влажные следы. Следы сначала горели огнем, потом я чувствовала, как они остывают, и дрожь пробегала по мне от кончиков пальцев на ногах, до кончиков ушей. Пальцы Джеймса гладили мои волосы. От его прикосновений на меня снисходила нега, и с губ срывались тихие звуки учащенного дыхания. Не расстеленная кровать, укрытая леопардовым пледом как шкурой, от вспышек молнии казалась логовом пещерного варвара. Мы сидели у костра желаний с громоздкими поленьями неосуществленных ранее мечтаний. Джеймс, конечно, опытный мужчина, но со мной он был несмелым, как старый садовник в розалии с цветущим в первый раз диковинным кустом. Сильнейшее смущение пригвоздило меня к леопардовой «шкуре», я прикрывала руками грудь, съежившись, как будто мы занимались любовью под открытым небом. Или в пещере с миллионом сталактитов, с которых неистово лилась вода! Или то были льдинки, холодные и горячие... О, это непередаваемо! Джеймс наклонился надо мной, и взял мои руки. Я потакала ему. Его губы изучали каждый сантиметр на моей груди, а я неловко расстегивала пуговицы на его рубашке. Я не заметила, как сарафан полностью сполз с бедер. Гладкая ткань укрывала босые ноги. Джеймс, не разрывая поцелуй, снял носки, стянул брюки. Его рубашка вскоре тоже мешалась в ногах, и мы в одних трусах обнимались под фейерверки непогоды. Джеймс терся щекой о мои колени, я запускала пальцы в его шевелюру, мы признавались друг другу в любви. Гроза накаляла атмосферу! В освещении молнии наши тела казались худыми и беззащитными. Совсем иначе Джеймс выглядит в одежде! Без одежды он как недокормленный солдат, как голодный студент, живущий на одной «Мивине». Джеймс медленно стянул с меня трусики и без слов попросил коснуться его «фонарика». От этой немой просьбы у меня в животе всё перевернулось, я зажмурилась и на ощупь дотронулась твердой плоти. Близость его разгоряченного тела вызвала необузданную страсть, и я сама стремительным движением избавила Джеймса от последней детали одежды. Мы слились как Инь и Ян. Сначала острая боль пронзила меня, но она отступила под наплывом ласки. Я обнимала ритмично движущееся тело Джеймса, а он, облокотившись, целовал меня, теребя одной рукой пуговичку на моей груди. Эта сумасшедшая пляска длилась всего-то пару минут, а потом мы

лежали, сложив руки в крепкий замок, не шелохнувшись, будто летели в бездну или в неизведанный космос с множеством синих галактик, похожих на новогодние гирлянды и шары. Джеймс привлекал меня к себе снова и снова. Его нежность покорила во мне каждую клеточку. Я была в космическом корабле, мы были вдвоём, и нас убаюкивала и пробуждала вселенная... и так до самого рассвета. Розовые лучи солнца сквозь белые шторы, как струны арфы от рук ангела, вздрагивали, и утренняя песня ветра и птиц послужила нам незабываемой колыбельной. На удивление, нам хватило трёх часов, чтобы выспаться, и в семь утра мы уже пили кофе с зефиром.

С просроченным зефиром, видимо, но это не меняет суть дела.

— Я подумала, что пора завязывать со стихами! — сказала мне Лилия бодрым и уверенным голосом. — Ничего нового я придумать всё равно не смогу. Всё уже придумано до нас! Колесо уже изобрели; оно круглое, и нет смысла искать уникальное строение стихов, новый метр, размер... а рифмы — какое слово ни возьми, его уже неоднократно использовались. Да и у меня теперь есть реальная любовь! Мне не нужно ничего выдумывать! Я больше не вижу прежней черноты одиночества и грусти, а без грусти — поэт не поэт. Да, во мне кипит сладость и поэтика любви, но я не хочу выражать её стихами — лучше поцелуями! Бессонными ночами! Музыкай не слов, а мелодией сердечного ритма, когда со мной рядом он! Он! Джеймс теперь мой! Как хочется сто раз об этом закричать, восклицая! Но без стихотворного ритма, без лишних слов, часто применяемых лишь с одной целью — заполнить пустое пространство для поддержания ритма при отсутствии нужных слогов. Я десять лет жила схемами пятистопных ямбов... считала ударные и безударные слоги, чертила палочки... окутывала свою грусть ненужной шелухой красотостей, излишествами, а в каждой строчке сквозило одиночество. Я была немного сумасшедшей. Даша, как же я его люблю! Сколько строк я написала с мыслями об одном его поцелуе! Сколько ночей обнимала подушку, мечтая обнять его! Три тысячи семьсот восемнадцать суток платонической любви! Я посчитала сегодня. Мою душу так и пронизывает чувствительность, но образы стали розовыми и светлыми, как облака на утренней зорьке, с золотистыми блёстками! Не найти мне уникальных слов, чтобы описать своё счастье, а подражать другим поэтам и выражаться избитыми фразами не хочу и не буду. Конечно, все поэты прошли через грусть, одиночество, любовь и счастье. До меня тоже любили. Любить — это не значит открыть новую вселенную; писать стихи — не значит быть гением. Какой я поэт?! Ну, писала рифмованную прозу с невероятными образами, нарисованными простыми словами. Ничего уникального в моих стихах не было и нет. Ритм и рифмы... а сколько таких стихов на всей планете? Сколько поэтов зарегистрировано на литературных сайтах? И все они поэты?

Я не могла не заступиться. Стихи Лилии лично мне очень нравились, хотя и были странными. Они как многослойные картины: разглядел и понял один слой, а там уже второй, третий.

— Лилия, ты выделяешься на фоне других, — сказала я, но не потому, что Лилия стала мне подругой. Я говорила искренне. — Твоя фантазия вполне логична. Твои стихи как картины! Не для быстрого чтения — нужно вдумываться, и полноценные художественные образы предстанут перед глазами как явь! Твои стихи не пустые, и это самое главное.

— Как бы то ни было, со стихами покончено! — Лилия отчеканила последнее слово по слогам и повторила: — по-кон-че-но! Я начну писать рассказы, повести, замахнусь на роман минимум в восемь авторских листов! — она рассмеялась, краснея, и прикрывала ладонями

не закрывающийся рот.

— Так-то лучше! А потом может и на стихи снова потянет...

Какое-то время мы еще продолжали говорить о современной литературе, о верлибрах, фантастике (эльфах и гномах), женских романах и о пустой трате времени писателей на поэзию и прозу. А если серьезно, не пустая ли это трата времени сидеть перед монитором и клацать по клавиатуре, перевоплощаясь в героев своих произведений? Не лучше ли провести время с пользой для здоровья и сходить с фотоаппаратом в лес, собраться с друзьями и порыбачить, или прилечь на диван с интересной книгой неизвестного классика (их же тысячи!)? И всё-таки писателями становятся те, кому чего-то в жизни не хватает. (Через год после описанных мною событий вышла в свет первая книга Лилии Оливер. Это был сборник прозы и лучшей поэзии Лилии, еще не знающей плотских утех. Не альманах, объединяющий под обложкой разношерстных авторов, а книга в твердом переплете с золотым тиснением, где от первой до последней странички все тексты только Лилии — номинанта на звание «Писатель года».)

Два сапога пара.

До отъезда оставалось пять дней, а неясность, кто же «гарпия» так и оставалась неясностью. Капитан Каратов вновь приезжал с допросами. Смерть Дифирамбова Элфи не несчастный случай, — заявил он.

Не отчитываясь в своих действиях, капитан предъявил мне разрешение на обыск. Что он хотел найти, не знаю. Никакими деталями дела Каратов не поделился, разве что сказал о карте Таро, найденной в кармане Элфи. Чувствовать себя одной из подозреваемых крайне неприятно, хочу вам сказать, но я сдержанно перенесла процесс обыска. Даже когда в ящике с моим нижним бельём рылись потные руки чужих мужчин, я стиснула челюсти и, глядя на часы, ждала, когда же они закончат.

Осматривая комнату с отклеившимися обоями, Канатов лишь вскользь обратил внимание на надписи на стенах:

— У меня в подъезде влюбленные пацанята всё обрисовали подобными сердечками. Саша плюс Маша — любовь! — хмыкнул он. — Окуневы, что ли, никого кроме Вероники и Миа не любили?

Его вопрос остался без ответа — откуда мне знать, кого еще любили Окуневы. Может, после оклейки стен обоями, они имена любимых вырезали ножичком на тополях.

Естественно, Каратову о духе Софии я не обмолвилась ни словом — побоялась, что примет за сумасшедшую. Вы бы наверно тоже не сильно распространялись по подобному поводу. Верно?

Всё вверх дном полицейские перевернули и на пустующей половине дома Окуневых, но их усилия не увенчались успехом. Не там искали!

Обыскивали также поместье Намистиных, дом Лилии, Фаины, Джеймса, Хосе Игнасио и Миа. Посёлок вновь оживился, загудел как пчелиный рой. В итоге капитан Каратов защелкнул наручники на нежных запястьях своей коллеги — Фаины Яблочной. Эта новость многих повергла в шок.

— Бессовестная... Плутовка... Убийца... — возмущалась горстка старух, слетевшихся как падальщики на дохлую кошку. — За что она бабу Каллисту задушила? Еще и коня шахматного ей в руки вложила... А пьянчужку Вислюкова за что? А Эмму? Может, и София не сама руки на себя наложила? Проклятая... и чем ей мэр наш мешал?

Дорогой мой читатель, вы себе не представляете, какие мысли роились у меня в голове. Меня молнией ночью не ударило — я видела светящийся дух Софии, как вы сейчас видите черные буквы на белой странице. Даже если бы у меня были галлюцинации, то надписи на стенах в комнате с текущей крышей не исчезли. Миа с одной стороны — Вероника с другой. Они следующие — я была уверена на девяносто девять процентов, но уверенности в том, что руки Фаины совершат эти убийства, у меня не было. А если не она, тогда кто? Не София же своими голубо-фиолетовыми прозрачными ручонками с неоновым свечением?! Вам наверно, хорошо известна пословица: «Бог шельму метит», так? Поскольку я почти с самого начала пришла к выводу, что убийца женщина, а не мужчина, то чисто теоретически убийцей должна была бы оказаться именно Фаина. Хотя бы потому, что я точно знала, что убийца не я; не Вероника, потому что её хотят убить; не Семён, потому что он мужчина и сам мне

рассказал то, что не стал бы рассказывать, если бы планировал убить жену; не Лилия, потому что у неё нет мотива совершать серию убийств; не Джеймс, потому что он не расчетливая женщина с холодным умом; не Хосе Игнасио, потому что я его люблю и безгранично доверяю; и, вопреки подозрениям, не Миа, потому что она тоже должна умереть. По крайней мере, я так предполагала.

Я подумала — вдруг божья метка и легла каким-то образом на Фаину. Не спроста же капитан Каратов увёз её в отделение. Конечно, оставалось только догадываться, что он нашел у неё дома: колоду карт Таро? Яд? Перчатки? Биту со следами крови? Оставшуюся часть украшений Намистиных? Веревку идентичную той, на которой висело тело Софии? Или дневник с подробным описанием своих злодеяний? Что-то же послужило меткой. Иначе Каратов бы точно не воспользовался наручниками — Фаина ведь нравилась ему как женщина.

Вечером Шерлок Холмс проснулся в Хосе Игнасио. Он не любитель строить догадки, но ввиду последних событий и он, шутя, попытался воссоздать картину пяти убийств. Получилось комично, что и встревожило меня. Слишком много белых пятен:

— Допустим, Фаине надоела фамилия Яблочная, и захотела она стать Намистиной. «Не хочу быть черной крестьянкой, хочу быть столбовою дворянкой!», но тут без старика с неводом не обойтись! Долго думала она, как от соперницы избавиться, но ничего умнее не придумала, как отравить Веронику, добавив в коньяк слабительное, успокоительное, энергетический напиток и упаковку ацетиленовой кислоты, которую местные старушки в закупорку помидор добавляют. Взболтала приготовленное зелье, пошептала над ним, пошаманила, и давай со шприцем играть: уколы шоколадным конфетам делать, пробку прокалывать и наблюдать сквозь мутное стеклышко, как яд шипит, с коньяком смешиваясь. Ну, такое и любой школьник мог сотворить — в Интернете чудо-рецептов тьма тьмушая. Вопрос: неужели других методов нет? На сумасшедшую Фаина не похожа... Хотя, она могла прийти в гости к Намистиным с отравленным сюрпризом и проконтролировать, чтобы никто лишний ненароком не отравился, но сами подумайте, это было бы непросто. Но, опять же, отравить проще, чем застрелить или ножом по горло чикнуть — всё же без крови. И вот Фаина приходит к Намистиным, и коньяк с конфетами пометила, чтобы самой не отравиться, и всё идёт по плану, но Семён ни с того ни сего хватает первый попавшийся коньяк с конфетами и сломя голову бежит к Даше. Фаина теряет самообладание, но ничего поделывать не может: не знает, куда сюрприз подевался, а пальчики то свои оставила. Охватила её злорадная злоба и, будь что решила она, что другого подходящего случая ждать долго придётся и осуществить задуманное нужно непременно в тот же день. Побежала она в поликлинику, чтобы в аптечном киоске купить ингредиенты для нового зелья, но столкнулась с Каллистой Зиновьевной на пороге. «Ты чего это, Фаиночка, бледная такая? Случилось что?» — спросила старушка, а Фаина хват её за горло и за угол, как лишнего свидетеля: задушила безжалостно и еще и шахматного коня в руку всучила, чтобы следствие запутать. А коня она нашла накануне где-то под диваном — закатился после последней партии. И вот монстр Фаина, лишив невинную старушку жизни, пришла в себя — нельзя же у Миа покупать нужные компоненты: сдаст же с потрохами, и вернулась она к Намистиным. Прогорел план. Не учла Фаина того, что Ян Вислюков видел её и с презентом, и потом на месте преступления. Как ни крути, но *Ян Вислюков*, как пить дать, *знал, кто убил Каллисту Зиновьевну и принёс коньяк Намистиным*. — Хосе Игнасио сказал это вполне серьезно. — Только Фаину ли он гарпией назвал? Фаину и Эмму? Или Фаину и Софию? Или не одна из:

них не гарпия? Допустим, Фаина — первая гарпия, типа «дочь пророка Александра» (был ли такой пророк?), а Эмма — вторая, типа «зелье». Насчет Эммы Вислюков мог ошибиться, да? Но никто не подумал, что от Эммы жестокая Фаина избавилась, как от соучастницы! Фаина, насмотревшись детективов, решила перехитрить следователей, обвести вокруг пальца всех и всякого. Она устроила и шоу со свечами, и губную помаду с платком украла, и Яну по голове дала, чтоб языком не болтал лишнего; разула и вместе с одним носком ботинки домой уволокла, чтобы и над ними пошаманить. А еще Фаина Эмму недолюбливала, вот и подписалась буквой «Э» под надписью «ведьма». Злобная дамочка! Она никого не любит: ни Веронику, ни Семёна, ни Эмму. Ей бы поместье, а то двух домов ей мало — нужен еще и третий (двухэтажный!). И вот настала пора избавиться от Вероники и сейф за одно обчистить, а код от замка она по хитрости своей лисьей выведала у Семёна за шахматами... но опять не судьба — Вероника с Элфи развлекалась, пока Фаина вместо неё Эмму убивала. И какая она продуманная всё-таки: собак отравила, Эмму медицинским спиртом облила и подожгла... послание помадой на французском оставила, платок подбросила — ну, чем не профессионал! А знаете, по-моему, *София была всё-таки соучастницей «гарпии»*. Они вдвоем орудовали в поместье! А Яна Вислюкова убила София, а не «гарпия» — непреднамеренно. «Гарпии» и руки об него марать не пришлось. Сама же София и повесилась из-за чувства вины, а «гарпия» осталась, и не успокоится она, пока Веронику с дороги не уберёт. Вот и задумала на этот раз убить сначала Элфи, чтобы настрадалась Вероника перед смертью. Коварно. «Гарпия» сумасшедшая. Я не удивлюсь, что Вероника умрёт, а у Фаины будет стопроцентное алиби — она же за решеткой. Поспорим на бутылку коньяка, что Фаина не виновата!

— Кто же тогда? — в один голос спросили я, Лилия и Джеймс.

— Я не детектив — не знаю, — ответил Хосе Игнасио.

Так мы дотемна думали-гадали, но так и не пришли к согласию. Джеймс предположил, что сумасшедшей «гарпией» могла бы быть Миа; Лилия уверена, что Веронике никто и ничто не может угрожать, кроме духа Софии (она считает Софию единственной «гарпией»); я растерялась (если не Фаина, тогда кто? — Сам Семён, что ли?).

Rien de nouveau sous le soleil

Ничто не ново под луной.

Приближалась ночь. Особенная, неповторимая, романтическая. Я для себя решила, что хватит с меня и двух ночей-контактов с призраком Софии, и невинно добилась того, чтобы Хосе Игнасио пригласил меня к себе, считая эту идею полностью своей. Какой же он доверчивый и нежный! С ним и я двадцать лет с плеч скинула как воздушную шаль. Сначала мы гуляли по берегу, любуясь тонким месяцем, повисшим над мрачным взбалмошным лесом: шумела листва, скрипели сухие ветви, а соловьи еще молчали — ждали наверно, когда духоту сменит прохлада. В бледном освещении мы увидели шустрюю белку. Жаль, я не взяла с собой фотоаппарат! Белочка перебежала нам дорогу и по корявому стволу старого развесистого дуба взобралась на самую макушку, потом ускакала, перепрыгивая с ветки на ветку. Могучие стволы деревьев сливались с темнотой, и листья как почерневшее серебро тоже темнели, излучая слабый металлический блеск ночи.

— Белка перебежала нам дорогу! — с детской радостью в голосе воскликнул Хосе Игнасио.

— Всё лучше, чем черная кошка! — ответила я с задором и посмотрела на привлекательный профиль своего любимого.

Его красивое лицо было молодо, подтянуто, а я... старше на одиннадцать лет. Хосе Игнасио почувствовал мой взгляд и, казалось, прочитал мысли. Он остановился и повернулся ко мне лицом, застенчиво улыбаясь:

— Ты моя вторая половинка... — прошептал он и поднес к губам мою руку. Пыльные поцелуи заставили меня трепетать, и я прильнула к его груди. — Мне никто кроме тебя не нужен.

Мы стояли на дорожке, укатанной редкими машинами приезжающих порыбачить. Вокруг сгущались деревья, сливаясь с непроходимыми дальними чащами; пахло душистым сеном; в траве прыгали кузнечики... Мы были наедине с природой!

Хосе Игнасио, пересилив стеснение, всякий раз ненадолго появлявшееся в нём, когда мы оставались одни, плотнее прижался ко мне животом, и сладкими умопомрачительными поцелуями покрыл мою шею, щеки и губы. От его ласки я задыхалась и мурлыкала как довольная кошка.

Если вам не интересно читать подробности, то можете смело пропустить следующий абзац. Вкратце скажу вам лишь одно: Хосе Игнасио был героем двадцать семь секунд, а потом мы делали друг другу эротический массаж, покрывая разгоряченные любовью тела поцелуями, но во второй раз за ночь ничего не получилось.

Шифоновое платье и хлопковая рубашка отделяли наши сердца, выпрыгивающие за грани возможного. Они стучали в унисон всё сильнее и сильнее, и я чувствовала, как второе сердце Хосе Игнасио, горячее и твердое как камень, билось, прижатое к моему паху. «Я готова раздеться перед тобой и позволить делать со мной, что пожелаешь», — прошептала я ему в диком исступлении, и он, не теряя ни минуты, взял меня на руки и понёс в чащу с молодыми зелеными зарослями орешника, в пяти шагах от дорожки. Его крепкие руки прижимали меня; мышцы напряглись; в мимике и в горящем взгляде не было боязни и сомнений — любовь, надежда, возбуждение, и никаких опасений, что что-то пойдёт не так.

Кусты как занавес, свежая трава — постель. Хосе Игнасио снял рубашку и расстелил её, оголив мужественный торс, освещенный молочным светом месяца. Он нерешительно протянул мне руку и заботливо усадил, поглаживая по плечу и не произнося ни слова. Его руки медленно скользили по гладким ножкам от щиколотки до кружевного края белья. Не торопясь с платьем, Хосе Игнасио подался вперед, снова обжег мои губы хмельным поцелуем, и я сама улеглась, увлекая Хосе Игнасио за собой. В волосах ломались стебли травы; пахло свежестью и мёдом; Хосе Игнасио склонился и медленно и терпеливо расстегнул молнию на боковом шве, обжигая горячим учащенным дыханием кожу, шепча безумные слова и целуя, целуя, целуя... Я почувствовала прикосновение двух обнаженных тел; дразнила Хосе Игнасио, играя его мешочками, как шарами для перекачивания. Его второе сердце подрагивало, маленькое, горячее, нежное, чувствительное и наощупь как крутое тесто, раскатанное колбаской. «Можно войти?» — смешно прозвучало, но я не засмеялась, а лишь крепче обняла его за спину, прижимая к себе. Я закрыла глаза, желая только чувствовать, и его плоть неторопливыми легкими толчками наполнила меня. Раз-два. Его бедра заходили вверх-вниз, и волны блаженства окатили всю меня. Три-четыре-пять. Не в силах сдержать сладострастные стоны, мы прервали поцелуй, но ритм движений не сбился. Шесть-семь-восемь. Во мне таяли «вековые ледники». Девять-десять. Сверчки проникли в мозг и играли на скрипках Моцарта. Одиннадцать-двенадцать. Движения всё мощнее и настойчивее, будто тараном выбивают ворота неприступной крепости. Тринадцать-четырнадцать-пятнадцать. Жар как раскаленная лава извергающегося вулкана. Шестнадцать-семнадцать. Я без остатка поглощена жаркими волнами страсти. Восемнадцать. Бессвязные выкрики рвутся наружу, но застревают в горле. Девятнадцать-двадцать. Хосе Игнасио сбавляет обороты. Двадцать один. Не останавливайся! Двадцать два. Он поднажал и выплеснул пульсирующий поток накопленных сладострастных волн удовольствия. Двадцать три... двадцать семь. Моя страсть, правда, еще не вся выплеснулась, но позже Хосе Игнасио компенсировал считанные секунды долгими часами нежности и ласки. Мы до двух часов ночи не размыкали объятий, не слыша соловья, не видя звезд — нас окутывал розовый туман наслаждения в малиновом звоне. «Я люблю тебя, мой нежный доктор» — призналась я, и меня ничто не разочаровало. Всё было в тысячу раз лучше, чем полчаса секса без прелюдий и последующих ласк. Никакой Хосе Игнасио не импотент! Я им довольна.

Утром я проснулась на раскладном диване в серенькой комнатке с пыльной тумбочкой, старым телевизором и книжным шкафом на ножках. Под двумя ножками виднелись газетные прямоугольники, подложенные из-за неровного пола, чтобы дверцы не перекашивало. Хотя шкаф, набитый литературой прошлого века, все равно бы не перевернулся, даже если бы возле него школьницы прыгали через резинку.

Хосе Игнасио спал как младенец, свернувшись клубочком, поджав ноги к животу. Спящий он был похож на ягненка из басни А.Крылова! «Когда светлейший Волк позволит, осмелюсь я донести, что ниже по ручью от Светлости его шагов я на сто пью; И гневаться напрасно он изволит: питья мутить ему никак я не могу». Такая же беззащитная лапочка! И захотелось мне, как в американских фильмах, принести Хосе Игнасио кофе в постель. Дурная затея — выражать свою любовь, благодарность, заботу и внимание чашкой кофе в постель, но я под влиянием вбитых в сознание стереотипов встала и на цыпочках пошла искать кухню. К счастью пол и не скрипнул и я, поставив чайник, сначала умылась и почистила зубы, а потом приготовила кофе и разбудила Хосе Игнасио, всё-таки приятно его

удивив. Так начинался новый день. До отъезда оставалось четыре дня.

Il vaut mieux faire envie que pitié

Лучше быть предметом зависти, чем сострадания.

На похоронах Элфи мы с Хосе Игнасио не присутствовали, но Лилия и Джеймс, как давние друзья, ездили и на кладбище, и в столовую поминать. О том, что прогноз Софии наполовину сбылся, я и узнала от Лилии. Бедняжка, она так была взволнована увиденным, что голос вздрагивал и лицо вытягивалось из-за приоткрытого рта и приподнятых бровей.

— Джеймс прав, Фаина не «гарпия», — таинственно она прошептала и перешла на тонкий голос, настолько тонкий, что я сосредоточенно внимала каждое слово. — Круг замкнулся. Вероника мертва. Её отравили. Убийце незачем продолжать убивать, если цель достигнута, а цель ведь была Вероника, в этом уже никто не сомневается.

Мысленно я перебрала в голове все имена: Каллиста Зиновьевна Окунева, Вислюков Ян Тарасович, Зельева Эмма Руслановна, Булавкина София Томасовна, Дифирамбов Элфи Евгеньевич и Намистина Вероника Наумовна — мертвы. Шесть смертей за сорок дней, и если верить призраку Софии, то Миа — седьмая. Я вдруг подумала, что её нужно предупредить об опасности, а потом эту мысль сменила другая: мне было интересно, при каких обстоятельствах умерла Вероника. Но и эта мысль не задержалась дольше пары секунд. Меня мучил, терзал вопрос, кто же убийца — кто «гарпия». Если не Фаина и не Миа, то остаются всего четыре человека, подозревать которых мне совершенно не хочется: Эмиров Хосе Игнасио, Бонитетов Джеймс Игнатович, Намистин Семён Романович (три мужчины!) и Лилия Владимировна Оливер (женщина! Поэтесса! Не от мира сего). Кто же «гарпия»?

Лилия заметила мою растерянность и, взяв меня за руку, потащила к дивану.

— Садись, — скомандовала она. — Еще не хватало, чтобы и ты без сознания на пол рухнула. — Я присела. Лилия продолжала: — На кладбище с Вероникой творилось нечто ужасное. Она то визжала как резаная, то захлёбывалась сухими рыданиями, то набрасывалась с поцелуями на посиневшие лицо и руки Элфи, и всё проклинала какую-то завистницу, не называя имени. Под конец она не подпускала никого к гробу, и не позволяла начать опускать его в могилу, затягивая и без того затянувшееся драматическое прощание. «Я накажу убийцу!» — заявляла она неоднократно. Её успокаивали подруги из города. Семён, не вытаскивая рук из карманов, ходил поодаль и нервно сплёвывал всякий раз, когда я смотрела в его сторону. Не представляю, как он себя чувствовал, но старушки, не пожалели его и, не стесняясь в выражениях, говорили всё, что думали о трагедии Вероники. «Ишь ты как любовника оплакивает, и это то при живом муже!», «Ну, и дурак Семён, что женился на развратнице!», «Нечего прелюбодействовать! Бог не Тимошка — видит немножко!» и тому подобное. Не углядела я, кто Веронике стакан воды подал (кто-то из подружек её, скорее всего), не видела и того, с какой бутылки эту воду наливали (жарко было — мы с Джеймсом тоже по бутылочке минеральной воды купили, перед тем как в автобус сесть). Но, похоже, кто-то напоил Веронику ядом... или она сама отравилась. Вероника на глазах осунулась, побледнела и легла в гроб, укрывая собой покойного Элфи. Вытянула ноги и до потери сознания сопротивлялась, чтобы её не разлучали с Элфи. «Закопайте меня с ним» — молила она, задыхаясь, и тут уже многие поняли, что её здоровью что-то угрожает. Подбежал Семён, растолкав всех. «Отойдите дальше!» — потребовал он и, выхватив бутылку воды из рук бабы

Маши (что через дом от тебя живёт), наклонился над Вероникой. Она упиралась и не желала вставать, дышала тяжело и громко. Он открутил колпачок, набрал воды полон рот и окатил и Веронику, и посиневшее лицо Элфи сверкающими брызгами. Вероника приподняла голову и затаила дыхание. Семён схватил её, и в один миг она уже лежала на истоптанной траве, бледная, с застывшим ужасом на лице и с широко распахнутыми глазами. «Пить» — попросила она, еле оторвав руку, протянула её вперед и тут же опустила обессилено. Собравшиеся загалдели, переполошились. Бывшая жена Элфи отдала распоряжение начать погребение. Держалась она похвально. Возможно, и скрывала недовольство и возмущение, но на вид ничего кроме скорби на себя не напускала. — Лилия тараторила без умолку, но я вставлю словечко. Я ненадолго подумала, что «гарпией» могла бы оказаться и бывшая жена Элфи. — После того, как Семён напоил Веронику, Вероника скривилась от рвотного рефлекса и, повернув голову, вырвала мутную пенную жидкость. Семён схватился за телефон, и вызвал скорую помощь, а Вероника тем временем лежала, не шевелясь, будто отдавала Богу душу. Ближе подойти я опасалась — всё равно не смогла бы ничем помочь, а Миа подошла. Она опустилась перед Вероникой на колени и, зажав её ладонь в своих руках, взглянула на Семёна взглядом полным упреков и, как мне показалось, гордыни. Они так и стояли друг напротив друга на коленях, а между ними умирала Вероника. Они поили её водой, она раскрывала рот, но ворочала головой во все стороны, как в бреду, и вода текла по её бледному лицу, по шее, на черные волосы, на черное платье. Семён гладил Веронику по щекам, рукам, коснулся живота, и она оттолкнула его обеими руками, словно он ей осиновый кол вбивал, а не гладил. Семён что-то говорил о том, что Вероника запивала успокоительное коньяком, что ничего не ела. Он выражал надежды, что всё обойдется, что это стресс, отравление в легкой степени, но состояние Вероники ухудшалось на глазах. Она постанывала, изредка вскрикивая, прогоняла Миа, отталкивая то её, то Семёна. Оба не отходили от Вероники, а её трясло, взгляд обезумел. Она хваталась за Семёна и Миа, сжимая их запястья хваткой коршуна. Суставы на её тонких пальцах белели, как на обглоданных костях. На неё страшно было смотреть. С одной стороны Вероника — с другой уже бросали землю в могилу. Я не выдержала и подбежала к Семёну. «Дай ей больше воды, — потребовала я, — пусть очистит желудок», но Вероника бессильно закрыла глаза и легла, расслабившись, сложив руки на груди, и тихо прошептала: «Не надо». На её лбу выступили крупные капли пота. Тело содрогалось в предсмертных конвульсиях, но я до последнего не верила, что Вероника умрёт. Последней её фразой было: «Я приду за ней, София, как и ты, пришла за мной». — Дух Софии! Она и Веронике являлась. Мне стало не по себе. Лилия, не обращая на меня внимания, говорила: — Больше ни слова не слетело с её уст. Только слабые стоны. Семён, не скрывая скупой слезы и дрожи, поглаживал свою жену по серой тусклой коже, шепча: «Мы сами загнали себя в тупик. Если бы ты любила только меня...» Он осознал, что их свободная любовь убила их семейное счастье, а вышло так, что и Веронику тоже убила их свободная любовь.

Лилия задумалась, глядя отрешенным взглядом сквозь меня.

— И что врачи ничегошеньки не смогли сделать? — спросила я. — Они опоздали?

— Скорая приехала быстрее, чем за пятнадцать минут, но к их приезду Вероника вся покрылась зеленовато-серыми пятнами и не подавала признаков жизни, хотя пульс еще прощупывался. Её отнесли на носилках в машину, но... о том, что Веронике уже ничто не поможет, мы узнали прямо на кладбище. Она умерла в машине скорой помощи.

— Убийца довёл до конца начатое. Какой настойчивый... или настойчивая, — вслух

подумала я, но вопрос о Миа так и витал в воздухе. Станет ли она седьмой жертвой «гарпии», или она и есть «гарпия»?

Лилия закачала головой:

— Не исключено, что Вероника перед похоронами выпила горсть таблеток и, действительно, запила коньяком... а на жаре её состояние могло усугубиться. Плюс моральное неравновесие — вот она и поплыла... по течению... следом за Элфи.

— Слишком много несчастных случаев за последнее время, — констатировала я, — и самое интересное, что капитан Каратов зря арестовал Фаину. Это не она «гарпия»!

Лилия пытливо посмотрела на меня:

— Но кто же? Не сумасшествие ли верить, что дух Софии и есть та «гарпия», о которой говорил Вислюков? Джеймс убедил меня, что это безумство! Я, конечно, верю, что есть нечистая сила, ведьмы, ведуньи, знахарки, верю в существование души, в ангелов и в Бога, даже верю, что душа самоубийцы может склоняться по свету, как и души людей, умерших насильственной смертью... София и ко мне приходила — я чувствовала её присутствие... Мне страшно подумать, что призрак мстит.

Я не хотела еще сильнее пугать Лилию, но утаивать о контакте с призраком я больше не могла:

— София приходила и ко мне, — призналась я.

Лилия подседа ближе:

— И ты мне ничего не рассказала? Когда это было? Что она делала? Ты испугалась? — завелась она.

— Это было прошлой ночью во время грозы. Она ждала меня, расхаживая по кругу в той комнате, где стоял гроб Каллисты Зиновьевны. Я не просто чувствовала её — я её видела. Она будто вокруг гроба ходила.

— Какая она?! — Лилия плеснула в ладоши.

— Прозрачная, как привидения в мультфильмах; немного светится, как тусклая неоновая вывеска; свечение голубо-фиолетовое; была абсолютно голой, и признаюсь, я немного испугалась. Мне трудно было поверить, что ко мне явился призрак, что я вижу его так же отчетливо, как тебя сейчас. В твоём доме я её не видела, но она приходила — это несомненно. Мне кажется, что духи разговаривать не умеют. Софии не хватает разговоров. Она хотела со мной поговорить... тебя — напугать. Она сердится, что Джеймс разорвал с ней отношения, что он с тобой... Со мной она тоже ласкова не была. Не понимаю, зачем она мне показала имена...

— Какие имена? — Лилия нетерпеливо перебила меня.

— Помнишь, ту комнату с отклеенными местами обоями? Во время грозы все полосы обоев как по волшебству, колдовству или еще по каким-то магическим явлениям, рухнули на пол, шурша. В этом треске и шорохе я словно слышала гласные буквы, но ничего так и не разобрала. Шел дождь, гремел гром, сверкала молния, передо мной стоял светящийся призрак, а по периметру комнаты падали обои. Я не говорила об этом из опасения, что вы меня на смех подымите, но смерть Вероники убедила меня, что София знает больше нас. Она показала мне два имени на противоположных стенах: на одной — Миа (плюс зарисованное имя равняется любовь), а на другой стене — Вероника, а вокруг сердце со стрелой.

Лилия приоткрыла рот:

— Миа и Вероника, — тихо произнесла она. — Миа убийца или Миа тоже умрет?

— Меня смущает, что дух Софии сначала указал на стену с надписью «Миа», а потом только — «Вероника». Вероника уже мертва. То есть она первая...

— Шестая! — поправила меня Лилия.

— Я имею в виду, первая из пары имен Миа — Вероника. Но это еще не всё. Потекла крыша; я принесла таз, а сама пошла приготовить себе чашку ромашкового чая — приход Софии потряс меня. Так вот, когда я вернулась, в тазу мутью было написано: «Они составят мне компанию». Компанию! София их заберёт с собой! Вот, что я думаю, но совершенно ничего не понимаю. Фаина за решеткой — отравить Веронику она не могла; Миа по идее следующая жертва; я не подозреваю тебя и Джеймса; не подозреваю Хосе Игнасио; я знаю, что я точно не причастна к убийствам; Семён... мне тоже кажется положительным человеком. Но сердце мне подсказывает, что убийца среди нас. Не может дух отравить человека... и с Миа что-нибудь сделать.

— Ты меня пугаешь, — Лилия медленно сползла с дивана. — Из нас! Если только сам Семён... а Фаина сообщница. Зачем им только убивать медсестру? — Лилия подошла к окну с отрешенным взглядом и, одернув занавеску, оперлась о подоконник. Я же сидела на диване, собираясь с мыслями.

— Как думаешь, рассказать Миа, о том, что мне известно? Я не уверена. Может, лучше не знать об угрожающей опасности, чтобы не мучиться перед смертью и провести последние отведенные дни в привычном режиме? Или рассказать? Ага! Она скажет, что я сошла с ума, если я ей расскажу всё! — я нервно смеялась, но мне было жутко неприятно думать и говорить об убийствах и призраке.

— Давай вдвоём сходим к Миа... а там по обстоятельствам...

Поживем, увидим.

Так и решили сделать, но поговорить с Миа с первого раза не удалось — не вышла она к нам; собака лаяла-лаяла; постояли мы пару минут у закрытой калитки и по домам разошлись, а ближе к вечеру снова пошли с «миссией предсказателей судьбы». Во второй раз повезло: Миа откуда-то возвращалась легкой походкой в своём длинном голубом платье с широким малиновым поясом. Увидев нас обеих, она едва заметно сдвинула брови, и её смуглое лицо, будто созданное из миллиона мелких обтекаемых кубиков, переформировалось в маску напыщенного безразличия. Губы бантиком с опущенными вниз уголками. Глазки прищурены. Доля секунды, и всё кардинально изменилось — лицо не выражало ничего.

Как же начать разговор? — думала я, но Миа оказала мне услугу, заговорив первой.

— Чего это вы высматриваете здесь? — спросила на одном дыхании.

— Тебя поджидаем, — призналась я чистосердечно.

— Меня?! — она улыбнулась хитро и вопросительно. — Вот как! Я немного задержалась в городе. Двоюродной племяннице куклу в супермаркете выбирала.

Я в детские годы, страсть как, любила куклам платья шить! Ненароком заметила я, что в пакете находилась отнюдь не кукла, то есть не привычная Барби, не резиновый младенец с кривыми ножками — это был мужчина, солдат в камуфляже, бронежилете, в каске и с автоматом! И это подарок для девочки?!

— Неординарная куколка для племянницы! — не сдержалась я.

Губы Миа растянулись в многозначной улыбке. Глаза блеснули как у хищника перед прыжком на жертву:

— А что здесь такого? Чем бы дитя не тешилось... А я вам зачем, собственно говоря, понадобилась?

Трудно было прямо взять и высказать всё, что думала, — я нерешительно поглядела на Лилию. Лилия утвердительно кивнула, мол, давай, скажи ей.

— Дело в том, — начала я и тут же прервалась. Синь вечернего неба, заборы, деревья, стены и крыши домов, кустарники, виноградники, клумбы — всё слилось в единую картину, написанную долго сохнувшим маслом, и кисть-невидимка водила по холсту, смешивая последние светлые пятна заходящего солнца с грязно-коричневыми красками. Что за ерунда? Я зажмурилась, потрясла головой, но, открыв глаза, убедилась, что ничего не изменилось. Краски еще сильнее сгущались. — Затмение что ли? — спросила я, глядя то на Лилию, то на Миа.

— С тобой всё в порядке, — забеспокоилась Лилия.

Миа повела бровью с растущим подозрением во взгляде.

— Помутилось всё перед глазами, — тихо ответила я. — Ничего. Миа, я просто хотела сказать тебе, что... что у Каллисты Зиновьевны, в той части дома, где я живу, твоё имя написано на стене маркером... а на противоположной стене — имя Вероники.

— И что из этого? — нетерпеливо поторопила меня Миа, высоко подняв брови и наморщив лоб горизонтальными неглубокими складками.

— Ты следующая жертва «гарпии», — серьезным голосом диктора чрезвычайных

новостей ответила вместо меня Лилия. — Будь осторожна!

Миа, закинув голову назад, громко расхохоталась заливистым звонким смехом. Выбившиеся из длинных черных кос тонкие волнистые пряди трепал ветер; платье зашелестело; ей бы еще руки поднять к небу и прочитать заклинание на татарском, и чтобы молния непременно разразилась — настоящая ведьма; гарпия.

— Умора с вами, девки! — Миа сквозь смех еле связала три слова.

С усилием я одернула её, заставив прекратить смеяться:

— Я бы на твоём месте не играла с огнём, — предупредила я и развернулась, чтобы уйти. У меня отпало желание объяснять Миа подробности.

— Не волнуйтесь. Я ношу заговоренный амулет — никакие гарпии мне не страшны! — самоуверенно прозвучало в ответ, и тут в моей голове что-то щелкнуло.

Эта кукла-солдат могла послужить Миа — внучке местной ведьмы, дочери Даниила, гарпии, в конце концов, материалом для обряда. Для какого? А почему бы ей, избавившись, наконец, от Вероники, не приворожить Семёна? Или Хосе Игнасио? Или третьего кого-то? Эта мысль лишили меня дара речи. Я проанализировала всё, что знала, все догадки, подозрения, мотивы — Миа больше всех подходит на роль мстительной ведьмы и сумасшедшей убийцы. София призраком приходила ко мне указать имена. Почему мне? По воле случая? Потому что только у Каллисты Зиновьевны эти два имени были написаны на стенах? Для чего было посвящать меня в эти тайны? Чтобы я предупредила Веронику и Миа? Веронику София ненавидела; она желала ей смерти и не препятствовала бы свершению, как она считала, правосудия. А вот Миа? В чём секрет? Неужели София знала, что я расскажу ей? Неужели на это и рассчитывала? Зачем? Чтобы Миа боялась, остерегалась? Чтобы ей овладело беспокойство, и она натворила глупостей? Чтобы сама себя убила или посодействовала этому? Или, чтобы выдала себя? — Да уж, у меня опять закипел мозг от вопросов.

— Идём, — спокойный голос Лилии вывел меня из задумчивости. Миа вильнула хвостом и, всё еще смеясь, скрылась за калиткой.

— Ты видела, как ведьмы насылают на людей болезни, прокалывая острыми спицами ноги, голову, сердце? — спросила я у Лилии шепотом.

— Ты думаешь... — Лилия не продолжила.

— Я думаю, что Бог шельму метит. У меня всё поплыло перед глазами — чем не знамение? А эта кукла в солдатской форме, чем не копия Семёна Намистина? Солдат с автоматом и охотник с ружьем — почти одно и то же! Убив Веронику и подставив Фаину, Миа очистила себе дорогу. Возможно ведь? Каллиста Зиновьевна — это как шампунь два в одном: и случайный свидетель, и давняя обида; Ян Вислюков тоже случайный свидетель, но его могла убить и София из-за ссоры, как она написала в предсмертном письме; Эмма — несчастный случай, и Миа с Софией действовали за одно, но София сломалась, потом не потерпела, что Миа её оклеветала, повесив на неё всё; Элфи — жестокая месть Миа Веронике; Вероника — первостепенная цель. Но Миа перегнула палку. Она слишком далеко зашла в своей мести. Даже если Вислюкова убила София, а потом сама повесилась, то четыре убийства на совести Миа, и её покарают высшие силы за причиненное людям зло.

— Ты не хочешь, капитану Каратову рассказать своё виденье? — испуганно произнесла Лилия.

— Рассказать ему про призрака и буквы мутью в тазе с водой? Нет! Он не поверит; засмеёт; еще чего доброго направление в психбольницу выпишет. Если бы я могла доказать

свои слова — да, я бы не молчала, но у меня доказательств нет — только догадки. Что если у Миа действительно есть племянница, которая играет мальчишескими игрушками? Что если не собирается она привораживать Семёна? Что если это у меня крыша совсем поехала, если я подозреваю хрупкую молодую медсестру в убийствах? Но я почти уверена, что Миа та гарпия, о которой говорил Ян Вислюков, и кажется мне, что недолгой будет её жизнь, и вообще молодость и экзотическая красота. Да, гарпия это — Миа!

— Какая же ты мнительная, Даша, — упрекнула Лилия. — То подозреваешь, то оправдываешь!

— Я не уверена, вот и всё, — призналась я, — но Миа я и раньше подозревала, особенно после случая с Эммой, с моей помадой и выкраденным платком. Ты не задумывалась, почему именно мои вещи использовали? Почему меня очернить хотели?

— И почему же? — наивно и совсем по-детски пробормотала Лилия, напомнив мне голос Румянцевой, озвучивающей зайца из «Ну, погоди».

— Из-за Хосе Игнасио! Она глаз на него положила, а он за мной бегал! К тому же Хосе Игнасио пожаловался ей, что Семён лишил его мужской силы тогда после истории с Вероникой. Это подлило масла в огонь, и у Миа шарики за ролики зашли...

Мы жарко спорили. Три дня напролёт до нашего с Хосе Игнасио отъезда обсуждали Миа, но наши обсуждения не вышли за пределы дружественной компании, и капитан Каратов так и не услышал от меня версию о серии нераскрытых убийств, и «гарпия» так и осталась неизвестной. Не нашел капитан Каратов убийцу — я вычислила, а Бог накажет.

Tout est bien qui finit bien

Всё хорошо, что хорошо кончается.

Прошел год. Я вышла замуж за Хосе Игнасио. Мы счастливо живём в небольшом посёлке городского типа. У нас свой дом; две голубоглазых девочки балуются в кровати говорящими игрушечными овечками, подаренными Джеймсом и Лилией на крестины. Мы стали кумовьями, и, несмотря на расстояние в сто километров, время от времени встречаемся.

Я не могу поставить точку, оставив вас теряться в догадках. Поэтому напоследок расскажу вам еще кое-что, имеющее отношение к «гарпии» и посёлку, где происходили описанные выше события.

Семён Намистин женился на Фаине Яблочной, выждав по настоянию соседок сорок дней после смерти Вероники. Как вы понимаете, суд оправдал Фаину — капитан Каратов не смог (да и не настойчиво пытался) доказать её вину: на картах Таро, найденных в доме Фаины, не нашли ничьих отпечатков. Их подбросили, как шахматного коня и пистолет.

Свадьба Семёна и Фаины прошла без пафоса и излишней траты денег: на Фаине было скромное белое платье, торжество проходило в поместье, приглашенных было немного, но молодожены выглядели счастливыми. Обо всём этом мне рассказывала Лилия — она занималась продажей своего дома и возила потенциального покупателя на смотрины как раз в день свадьбы Семёна и Фаины.

Лилия и Джеймс отгуляли свадьбу раньше нас всех. Мы с Хосе Игнасио не торопились подавать заявления в Загс, пока я не поняла, что свершилось долгожданное чудо, и я стану мамой.

Хосе Игнасио работает терапевтом в больнице. Я давала частные уроки, но с рождением дочерей всю себя посвящаю им. Они мои любимые фотомодели — Эммочка и Машенька! Десятки журналов печатают мои фотоработы! У меня нет времени скучать — я всегда в приятных трудах и заботах. Вот и рукопись заканчиваю.

Давно можно было точку поставить, но лишь вчера я узнала, что Миа трагически погибла. Это произошло на берегу реки, где помимо местных мальчишек были и городские приезжие на машинах. Миа пришла с высоким брюнетом; они купались, плескались, дурачились; в мгновение ока небо заволочли тучи, и грянул гром. Молния как снайпер прямой наводкой угодила прямо в Миа, и она почерневшая плюхнулась в искрящуюся воду скальным камнем. Самое интересное, что смерть пришла за Миа ровно через триста шестьдесят пять дней после смерти Вероники. Вот и заставил этот факт утвердить мои подозрения. Не верю я в подобные совпадения. Это наказание Миа, и оно не заставило себя ждать.

Ну и о приятном: Лилия подарила Джеймсу наследника торгового павильона, Фаина Семёну — лапочку-дочку. Новоиспеченные мамы и папы безгранично счастливы (видела фотографии на страничках в «Одноклассниках»)!

Вот и конец. Не знаю, извлекли ли вы урок из этой истории, но хочется верить, что вы не станете на путь «свободных отношений», и ни у кого не появится желание мстить вам изощренными способами. Да здравствует любовь, верность и да прибудет с вами надежда в светлое будущее!

До свиданья!

Больше книг на сайте - Knigoed.net